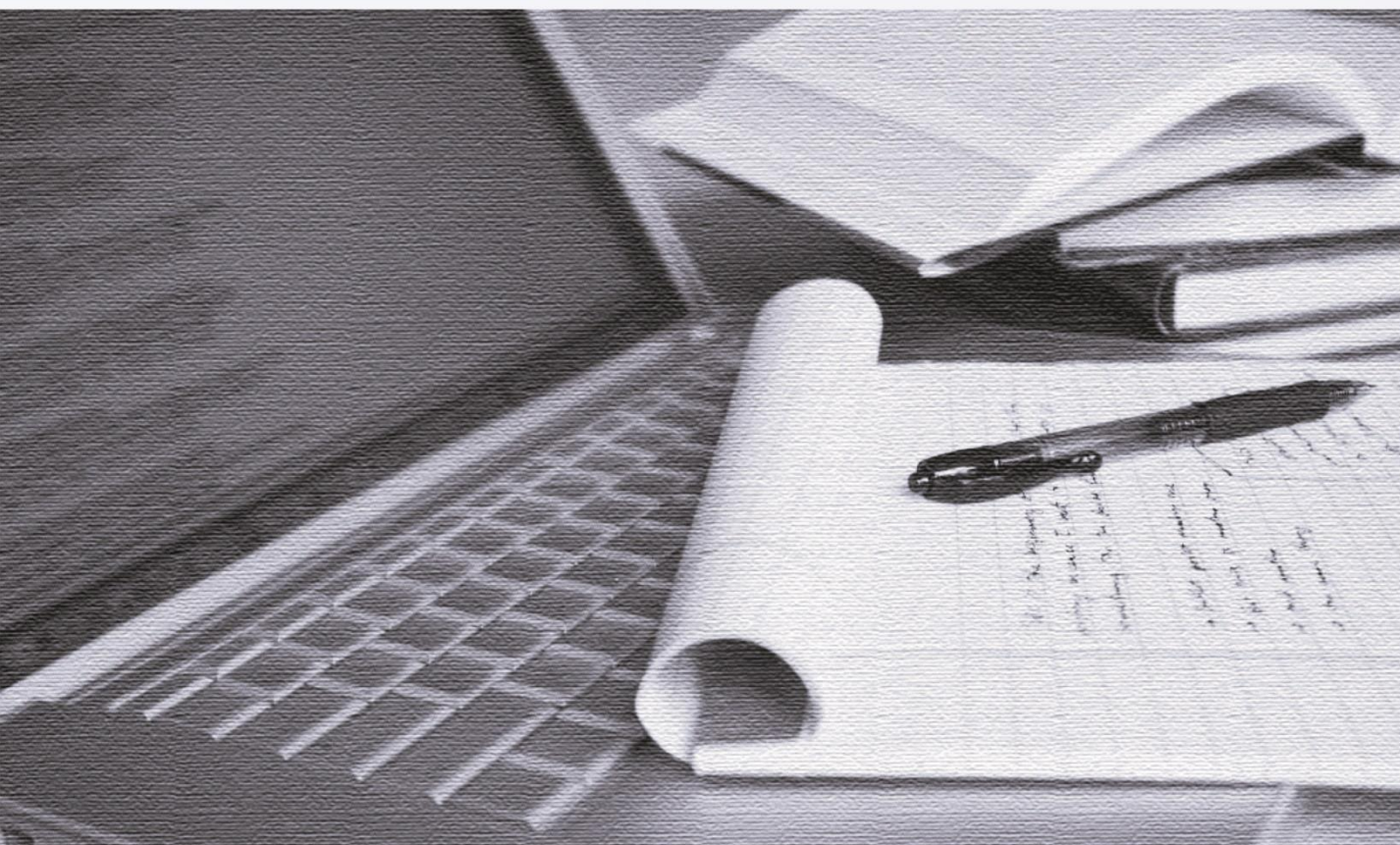


16+

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ISSN 2500-1795



№ 1 / 2026

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 1

ISSN 2500-1795

16+

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартровский государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77 – 80962 от 30.04.2021.

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/26-1>

Периодичность издания: 2 раза в год (1 раз в полгода).

Форма распространения: сетевое издание

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Языки: русский, английский

Индексируется и размещается: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
НЭБ КиберЛенинка (CyberLeninka), ЭБС IPRbooks, ЭБС «Лань».

Главный редактор: О.М. Култышева

Редакционная коллегия: Л.Ф. Алексеева, А.Н. Безруков, М.Р. Галиева, Е.В. Киричук, Л.В. Кушнина,
Л.А. Нефёдова, Д. Мэтякубов, Н.С. Саньярова.

Адрес редакции: Россия, 628609, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул.
Мира, д. 3 Б, каб. 305.

Адрес издательства: Россия, 628616, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4. Тел./факс: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Подготовлено в издательстве НВГУ.

Подписано в печать 20.05.2026

Гарнитура Times. Объем 2,74 МБ, 17,6 п.л.

Заказ 2365. Цена: «Бесплатно»

© Нижневартровский государственный университет, 2026

NIZHNEVARTOVSK PHILOLOGICAL BULLETIN № 1

ISSN 2500-1795

16 +

Founder: FGBOU VO “Nizhnevartovsk State University”

The Journal is Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Registration certificate EL No. FS 77 – 80962 dated 04/30/2021.

<https://doi.org/10.36906/2500-1795/25-1>

Frequency of publication: 2 issues per year.
Distribution form: online edition
Distribution territory: Russian Federation, foreign countries
Languages: Russian, English

Indexed and placed: Russian Science Citation Index (RSCI),
Electronic and library system IPRbooks, the Electronic and library system Lanbook, CyberLeninka.

Editor-in-chief: O. M. Kultysheva.

Editorial Board: L.F. Alekseeva, A.N. Bezrukov, M.R. Galieva, E.V. Kirichuk, L.V. Kushnina,
L.A. Nefedova, D. Matyakubov, N.S. Sanyarova.

Editorial office address: Russia, 628609, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Nizhnevartovsk,
st. Mira, 3 B, office. 305.

Publisher's address: Russia, 628616, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra,
Nizhnevartovsk, st. Marshal Zhukov, 4. Tel./fax: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

CC license type supported by the journal: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Prepared by the publishing house NVGU.
Signed to print: 20.05.2026
Times typeface. Volume 2.74 MB, 17.6 pp
Order 2365. Price: “Free”

© Нижневартровский государственный университет, 2026

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>Безруков А.Н.</i> ВИЗУАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП КАК ДЕЙСТВИЕ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ: СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ	6
<i>Верин С.А.</i> СТУДЕНЧЕСКИЙ ЧИТАТЕЛЬСКИЙ КЛУБ «КНИЖНЕВАРТОВСК»	15
<i>Губанов С.А.</i> ЭПИТЕТ НИЗКИЙ В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ И ЕГО ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	23
<i>Коростелева Л.В.</i> ДЕГУМАНИЗАЦИЯ КАК ТАКТИКА ДИСКРЕДИТАЦИИ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЛИШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СТАТУСА	29
<i>Саньярова Н.С.</i> ОБОСОБЛЕННЫЕ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	36
<i>Себелева А.В.</i> ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОВЕСТИ ИСЛАМА ХАНИПАЕВА «ТИПА Я. ДНЕВНИК СУПЕРКРУТОГО ВОИНА» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ДЕТСТВЕ	51
<i>Юмагужина Л.Р.</i> ФОЛЬКЛОР В РОМАНЕ РАМАЗАНА ШАЙХУЛОВА «БЕЛЫЕ СТЕПИ»	61

ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>Архипова И.В.</i> ПРИНЦИП МНОГОУРОВНЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ТАКСИСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ НЕМЕЦКИХ ПРЕДЛОЖНО-ДЕВЕРБАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ	68
<i>Ашурова Д.У.</i> ДИАЛОГИЧНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	78
<i>Буханцова Е.В.</i> СУБСТАНТИВАЦИЯ НАРЕЧИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ: КОМПОНЕНТЫ, СХЕМА, РЕЗУЛЬТАТЫ	88
<i>Ганиева З.М.</i> ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА СМЕРТЬ	105
<i>Рахимова Г.О.</i> ЛИТЕРАТУРНЫЕ АФОРИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫДВИЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	114
<i>Тригулова Т.А.</i> КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ BREXIT	122
<i>Шерстнёва Е.С.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ “INNOVATION” И “RESILIENCE” В КОРПОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ESG-ОТЧЕТОВ И ПРЕСС-РЕЛИЗОВ ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ)	129

CONTENT

DOMESTIC PHILOLOGY AND TEACHING METHODS

<i>A.N. Bezrukov</i> VISUAL PRINCIPLE AS ACTION IN MODERN RUSSIAN PROSE: SERGEY SHARGUNOV	6
<i>S.A. Verin</i> STUDENT READING CLUB «KNIZHNEVARTOVSK»	15
<i>S.A. Gubanov</i> THE EPITHET LOW IN M. TSVETAeva'S POETRY AND IT'S FIGURATIVE POTENTIAL	23
<i>L.V. Korosteleva</i> DEHUMANIZATION AS A TACTIC OF DISCREDITING: LEXICAL-SEMANTIC MEANS OF DEPRIVING HUMAN STATUS	29
<i>N.S. Sanyarova</i> SEPARATE ATTACHMENT DEFINITIONS-ADJECTIVES IN THE LEXICOGRAPHICAL ASPECT	36
<i>A.V. Sebeleva</i> EXISTENTIAL ISSUES IN ISLAM KHANIPAEV'S NOVEL «JUST ME. DIARY OF A SUPER COOL WARRIOR» IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LITERATURE ON CHILDHOOD	51
<i>L.R. Yumaguzhina</i> FOLKLORE IN RAMAZAN SHAIKHULOv'S NOVEL "WHITE STEPPES"	61

FOREIGN PHILOLOGY AND TEACHING METHODS

<i>I.V. Arkhipova</i> THE PRINCIPLE OF MULTILEVEL INTERACTION IN THE FORMATION OF TAXIS MEANINGS OF GERMAN PREPOSITIONAL-DEVERBATIVE CONSTRUCTIONS	68
<i>D.U. Ashurova</i> DIALOGICALITY And STRATEGIC ORIENTATION OF LITERARY TEXT	78
<i>E.V. Bukhantsova</i> NOMINALIZATION OF ADVERBS IN FRENCH: COMPONENTS, SCHEME, RESULTS	88
<i>Z.M. Ganieva</i> FRAME ANALYSIS OF THE CONCEPT DEATH	105
<i>G.O. Rakhimova</i> LITERARY APHORISMS AS A MEANS OF FOREGROUNDING IN A LITERARY TEXT	114
<i>T.A. Trigulova</i> COGNITIVE-PRAGMATIC FUNCTION OF PERSUASIVENESS IN BREXIT MEDIA-POLITICAL DISCOURSE	122
<i>E.S. Sherstneva</i> LINGUOCULTURAL SPECIFICITIES OF REPRESENTATION OF THE CONCEPTS OF "INNOVATION" AND "RESILIENCE" IN CORPORATE DISCOURSE (BASED ON ESG REPORTS AND PRESS RELEASES OF GLOBAL AND RUSSIAN COMPANIES)	129

УДК 82.93

doi.org/10.36906/2500-1795/26-1/01

Безруков А.Н.

**ВИЗУАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП КАК ДЕЙСТВИЕ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ:
СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ**

Аннотация. Проза Сергея Шаргунова является знаковым явлением в новейшей русской литературе. Большая часть его текстов проникнута реалистичной составляющей, которая, так или иначе, становится маркером художественных особенностей данного автора. Малый формат для Сергея Шаргунова есть эксперимент по воссозданию реалий настоящей, жизненной правды: это родные, семья, дом, дети, как таковое счастье, может и некий набор бытийных вопросов. На наш взгляд, художественный кадр в прозе С. Шаргунова становится принципом эстетического рисования, именно изображение является определяющим, следовательно, пиктографический мир и есть особая форма, которая отличает прозу С. Шаргунова от других реалистов XXI века. Цель данной статьи заключается в объективации визуального плана сборника С. Шаргунова «Свои» (2018). Методы исследования близки канонам рецептивной эстетики, а также структурно-типологическим изводам, которые дают возможность дешифровать тексты сборника в рамках объективной аналитики. Для писателя важно не только обозначить и прорисовать наличный предметный мир, задача писателя в том, чтобы кадровый набор стал особым механизмом движения сюжетной канвы. Визуальный принцип, таким образом, есть действенная панорама, предопределяющая развитие сюжета, разверстку художественной наррации. Новейшая русская проза в границах текстов Алексея Варламова, Юрия Буйды, Кати Качур, Аси Володиной, Захара Прилепина, Евгения Водолазкина, Павла Крусанова должна рассматриваться с позиций новой поэтической магистрали. Для этих авторов текст есть визуальный феномен, который срабатывает в режиме мозаики художественных кадров. Смысловой акцент начинает действительно работать только в спектре режима сменяющихся друг друга картинок, при этом они могут быть и равноправны, и нетождественны. Материал работы продуктивно использовать при изучении новейшей русской прозы, творчества С. Шаргунова.

Ключевые слова: Сергей Шаргунов, малая проза, текст, визуальный формат, автор, новейшая русская литература, рассказ, язык, рецептивная эстетика.

Сведения об авторе: Безруков Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Уфимского университета науки и технологий (Бирский филиал); ORCID 0000-0001-7505-3711.

Контактная информация: 452450, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; тел.: 8(34784)4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru

**VISUAL PRINCIPLE AS ACTION IN MODERN RUSSIAN PROSE:
SERGEY SHARGUNOV**

Abstract. Sergei Shargunov's prose is a landmark phenomenon in contemporary Russian literature. Much of his writing is imbued with a realistic element, which, in one way or another, becomes a marker of this author's artistic distinctiveness. For Sergei Shargunov, the small format is an experiment in recreating the realities of true, vital truth: relatives, family, home, children, happiness itself, and perhaps a certain set of existential questions. In our opinion, the artistic frame in Shargunov's prose becomes the principle of aesthetic drawing; the image itself becomes decisive. Consequently, the pictographic world is a unique technique that distinguishes Shargunov's prose from other 21st-century realists. The purpose of this article is to objectify the visual plane of Shargunov's collection "Ours" (2018). The research methods are close to the canons of receptive aesthetics, as well as structural and typological approaches, which make it possible to decipher the collection's texts within the framework of objective analysis. For Sergei Shargunov, it's important not only to define and outline the existing world of objects; the writer's task is to ensure that the composition of the image becomes a special mechanism for moving the narrative. The visual principle, therefore, is an effective panorama that predetermines the development of the plot, the unfolding of the artistic narrative. Contemporary Russian prose, within the framework of the works of Alexei Varlamov, Yuri Buida, Katya Kachur, Asya Volodina, Zakhar Prilepin, Evgeny Vodolazkin, and Pavel Krusanov, should be considered from the perspective of a new poetic vein. For these authors, text is a visual phenomenon that operates as a mosaic of artistic frames. Semantic emphasis begins to operate effectively within the spectrum of successive images, which can be both equal and distinct. The material in this work can be productively used in the study of contemporary Russian prose.

Keywords: Sergei Shargunov, short fiction, text, visual format, author, contemporary Russian literature, short story, language, receptive aesthetics.

About the author: Bezrukov Andrei Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology (Branch in Birsik); ORCID 0000-0001-7505-3711.

Contact information: 452450, Russia, Republic of Bashkortostan, Birsik, st.International, 10; tel .: 8 (34784) 4-04-70; e-mail: in_text@mail.ru

Авторское воссоздание художественной реальности в новейшей русской прозе нелинейно. Нет единой концепции, связанной с поэтикой, нет четко обозначенных канонов (Гречнев 1979), того или иного метода, да и писатели стремятся отобразить свой, индивидуальный стиль, именно свою неповторимую манеру письма. Не является в данном случае исключением проза Сергея Шаргунова, писателя, который уже стал знаковым явлением новой русской прозы. Данный автор откровенно плодовит, он интересен, по-своему сложен, где-то литературно прост, в чем-то смыслово закрыт, и все же тексты, сборники, проза

Сергея Шаргунова привлекает внимание читателей, и, что закономерно, исследователей (Татаринов 2014; Серова 2015; Тимакова 2022; Меркушов 2025; Щукина 2024). Цель статьи сводится к анализу оценке формирования сюжетов прозы Сергея Шаргунова, ибо визуальный принцип является, на наш взгляд, в его творчестве магистральным. Следовательно, нужно верифицировать гипотезу, что именно – пиктографическая – организация сюжетной канвы и есть действенная сила наррации. Иллюстративной базой работы стал сборник С. Шаргунова «Свои» (2018), который отмечен автором как «очень личная проза». Спектр тем этой книги широк, при этом классические вопросы, а это любовь, память, родные, близкие – явственно стали конструктивно значимыми. Заметим, что Сергей Шаргунов не только в чистом виде писатель, он исследователь, публицист, общественный деятель, телеведущий, вероятно, это и способствует органике особого языка писателя в режиме синкретизма, он активно совмещает разные языковые пласты, разные стилистические уровни. Факторы, влияющие на манеру писателя многополярны: личный опыт, внимательный и требовательный читатель / критик, дань уважения к роду / семье, и, безусловно, желание выстроить художественный текст, который будет удобен для векторного и вариантного прочтения.

Анализ сборника Сергея Шаргунова «Свои» (2018), на наш взгляд, целесообразно осуществить через т.н. когнитивный механизм, или дешифровку сетки фреймов [кадровая раскладка как таковая]. Подобный вариант будет действительно иллюстрировать работу визуального толка, ибо фрейм – это рамка, область, ориентированная и на фиксацию [точка], и на действие [коннотативный режим – процесс]. В рамках когнитивной лингвистики фреймы, а также концепты выстраиваются в онтологическую структуру, близкую реальности, а их рецепция находится в режиме открытых колебаний, что явно важно и значимо именно для литературного произведения. Малая форма – рассказ, очерк, эссе, видимо, и дают возможность указанный механизм реализовать полноценно и выверено. Наличная знаковая система – сам текст как некая данность – отвечает требованиям фрейма как рамки. Есть начало, есть основной блок, импульсный симбиоз, есть и заключительная, фрактальная граница. Эмпирика текста предопределяет в данном случае его потенциальную открытость. Для прозы Сергея Шаргунова важен вариант спектральной разверстки кадров, ибо сменяющийся фон превращается в игру / коллаж, который и запускает нарративный ход. При этом личное / индивидуальное синергией срачивается с общим, трансцендентное сопоставляется с имманентным. Вектор сращений есть некая точка кадрового звена, который больше похож на онтологическое обобщение.

Сборник Сергея Шаргунова «Свои» состоит из двадцати рассказов и повестей; как видим наличный текстовый объем в принципе достаточен для реализации авторского замысла. Писателю важно раскрыть в разных художественных моделях т.н. предел **личного порядка**. Неслучайно сборник вбирает малые формы, которые имеют тематическую связь с прошлым – это предки, родословная, своя история, но и направлены на дешифровку настоящего, современного – в частности – образа маленького сына – Вани. Сергей Шаргунов в аннотированной части сборника определяет точно собственную позицию относительно «своих», отмечая – «всех жалко». Именно это чувство доминирует в сборнике, но жалость в

этом случае не проявление слабости, ограниченности, наоборот это манифестация уважения, это искренность, душевность, теплота и забота о «своих».

Акцентологический вектор реализуется уже в заголовочных комплексах рассказов: например, «Террор памяти», «Правда и ложка», «Мой батюшка», «Укол в сердце», «Теплая тайна», «Сахар на рану», «В зоопарк пойдем мы вместе...», «Русские на руинах», «Пригвожденный». С. Шаргунову удается уже с первой – сильной позиции текста – сориентировать читателя на нужный [как вариант правильный] вектор восприятия сюжетного хода, либо правильную оценку образного ряда. На наш взгляд, реализм «Своих» Сергея Шаргунова особого порядка. Поэтика текстов имеет явно выраженную связь с традиционными принципами реализма, однако, при этом автор использует и нетрадиционный прием – прием **компиляции**. Кадры сюжетного хода имеют нарочитую логику связности, но одномоментный вариант их манифестации предопределяет и сферическую самостоятельность (Кульгавчук 2020), транспарентность зачастую есть стилевое свойство Сергея Шаргунова, которое отличает его от ряда современных (Безруков 2020) прозаиков. Подобная манера письма привлекает, ибо интрига формируется не жанром, но стыковкой нарративных кадров.

Отметим, что визуальный принцип становится для данного сборника ведущим. Остановимся на ряде текстов, в которых, на наш взгляд, наиболее активно это проявляется. Первый рассказ, заслуживающий внимания является «Террор памяти», собственно он и открывает книгу. В начале текста символически манифестируется, что «дико устроена память» (Шаргунов 2018: 7), «в моем владении много людей... много драматичных сцен и ничемных сценок» (Шаргунов 2018: 7). Нарративная канва рассказа складывается из сменяющих друг друга **кадров**: маршрут линейен, логичен и в то же время фрагментарен, дробен – «Чистые пруды», «Спортивная», «Университет». Автор даже констатирует факт, что «все отчетливо как в кино». Игровой принцип / принцип мозаики читателем (Безруков 2016) воспринимается и как воспоминание, и как намек на оценку. Для писателя важен не сам проектный, объемный корпус событий, интересна передача ощущений, ибо они «мучительны» и «радостны». Не исключается С. Шаргуновым в рамках языка и парцеллированное сложение синтаксиса, что вновь говорит о раскадровке повествования: «Юля... май... хмель... сирень...» (Шаргунов 2018: 8). Эффект доверительного диалога с читателем нужен, чтобы эмоциональный фон рассказа, где воспоминания играют важную роль, был пережит полновесно, но с учетом собственно читательского эмпирического опыта.

Отметим, Сергей Шаргунов не фактограф, он писатель, умело собирающий в единое целое разрозненные элементы бытия. «Я понимаю, если бы остался сухой отчет... Но ... зачем помнить ерунду?» (Шаргунов 2018: 8). «Память – наставница» (Шаргунов 2018: 8), она учит, она направляет, она не дает уйти от реальности, «память примиряет с уходом и одновременно отсылает в бесследно пропавшее прошлое...» (Шаргунов 2018: 8). Визуальный принцип в данном рассказе срабатывает и на образах, которые введены писателем: Лев Рохлин, Юрий Щекочихин, Игорь Тальков. Обрывки истории соединяются в непрерывный поток факторов ухода, утрата, таким образом, и есть импульс, достигнутый Сергеем Шаргуновым. Личное и общественное соединены в рассказе «Террор памяти» как не контрастные, но как

дополняющие друг друга категории: «учительница труда Сергея», «другое измерение», «девочка Юля», «троллейбус номер 28» (Шаргунов 2018: 11). Рассказ «Террор памяти» есть не только вариативно сложенный **визуальный ряд кадров**, это еще и концептуальная структура, в которой срабатывает спектр читательских коннотаций. Значения наслаиваются друг на друга, первичным остается, безусловно, авторское, писательское, но и читатель расширяет ризому значений. Итоговой фразой рассказа С. Шаргунов тезисует, что философская оценка бытия должна быть более компактна и целостна, не стоит сверх дифференцировать и реальность, и память, и опыт: «О, Боже, зачем мне это?» (Шаргунов 2018: 11). Художественная реальность текста сводится к объективной мнимости, тому, что открыто условно, но значимо, события являются онтологически несовершенными, но именно они не покидают сознание героя, что соотносится с имманентным уровнем. Коннотация в рамках базовых концептов расширяется, это, пожалуй, и придает рассказу особый визуальный колорит.

Новейшая русская проза уже давно рассматривается как векторная перспектива, «"визуальная" литература» (Култышева 2007: 184): исследователи замечают не горизонтальный фрактал разверстки сюжетов, событийных ходов, но параллельный (Безруков 2024) сдвиг в фактической номинации. Герой новой прозы дистанцируется от привычного хода моментов, он одновременно пребывает в разных плоскостях, разных условных реальностях. Не исключается, порой, и перемещение в фантазийное / вымышленное пространство, то, которое мыслимо, либо дополнено, или скорректировано. В сборнике С. Шаргунова «Свои» такой рассказ тоже есть – это «Мой батюшка». Герой данного текста Винцент, «родился в конце декабря 1939 года», «Вин-цент, Винцент – тяжелый звон, багрянец и золото» (Шаргунов 2018: 99). Трансформационный предел уже наблюдается на уровне ноумена / имени – нарекли Винцентом, стали называть Венчиком. Текст строится автором как мозаика **кадров** жизни – «война», «хозяйство», голодные годы». Визуальный фон имеет в данном случае несколько нивелированный характер, автору удастся серьезный психологический кризис сгладить за счет фрактальности. Трагедия семьи исторически предопределена, но С. Шаргунову важно предать не только горечь утраты – смерть, гибель, потерю – нужно в формате художественного плана раскрыть характер, при этом манифестировать и эмоцию. Рассказ «Мой батюшка» построен на открытых контрастах: здесь и факты истории, и пророческий оттенок, и самостоятельность оценок. Размывается отношение к событийному звену лирическими купюрами, но и они мемориально значимы, в них легко установить фактическое и историческое:

В его глазах я вижу столько
Глухих годов походный строй:
И тридцать памятный жестокий,
И смутный пятьдесят шестой (Шаргунов 2018: 103).

«Венгрия», «события мирового устройства», даже переустройства мира, некая несправедливость, бесчеловечность, как кадры сочетаются в рамках одного текста. Фактически жизненная трагедия на первый взгляд индивидуальная, перерастает в общую

катастрофу. Немыслимо, что будет далее, страх и откровенный ужас автором объективируются в онтологическую правду. Сергей Шаргунов размышляет о вековечном на примере родных и близких. Стягивание событий в одну точку конденсирует эмоционально-экспрессивный тон. Временные рубежи при подобной раскладке не учитываются, и это еще один из показателей стиля Сергея Шаргунова, манеры его письма.

Знаковым в раскладке действенности кадров сборника «Свои» является рассказ «В зоопарк пойдем мы вместе...». Здесь абсолютна частная история, история о сыне С. Шаргунова – Ване. Сам автор в начале рассказа обозначает, что «рисует Ваню словами» (Шаргунов 2018: 220). Из слов писатель создает его портрет, да и действенный план – кадр за кадром – тоже формируется как некая череда событий. Фигуры речи, задающие темп – это риторический вопрос, обращение, нарочитый комментарий, повтор. Для автора фигура сына не просто номинация, ибо «он радостный», «он бежит», «он напевает», «он интересуется» (Шаргунов 2018: 220). Образ Вани есть автобиографическая данность, фактический предел этого лица наличен и точен, серьезных разночтений, как пониманием, нет. Ваня оживляется автором в рамках диалогов, но они не лишены «воплей», «возни», «беготни». Колористика, как и подобает детскому мышлению, в рассказе конципирована: это «оранжевый» цвет, это «блеск», это просто «цвет». Мир, который окружает маленького героя, настолько интересен, что читатель начинает ощущать необычность реалий, тем более отец с сыном посещают зоопарк, место явно экзотическое.

Формальные принципы поэтики данного рассказа просты, преломление кадров, расширение визуальной рамки, где, порой, есть и тривиально, обычное, есть и отличное от видимого чаще. Действенный, визуальный принцип реализуется за счет глагольных форм – «умеет», «побежал», «ощутил», «не дает», «растолкал», «хвастает», «умеет жалеть», «переживает». Ваня – герой рассказа – для писателя фигура оценочного порядка, вектор аналитики при этом предельно максимален. Отец по взрослому строг с сыном, он учит его правилам жизни, сопоставляя и сравнивая свое детство с «новым». Нарочитый повтор «Я рисую Ваню словами» дублируется несколько раз, писатель должен верифицировать сына не только в режиме буквально социального и родственного статуса, но и действий. Ваня пока «играет в жизнь», отец же «жизнь показывает» сыну.

Визуальный формат данного текста срабатывает действенно и открыто: «он умеет жалеть» (Шаргунов 2018: 222), «я тебя очень люблю» (Шаргунов 2018: 225). «Маленький» герой С. Шаргунова биографичен [не исключается и автобиографизм], но он с подачи писателя обретает концептуально значимые черты растущего человека. Онтология Вани – сына Сергея – в том, что в его образе обобщается весь спектр детских чувств и переживаний. Следовательно, перед нами качественно собранный рассказ, проза достойная чтения. Ваня индивидуален, при этом похож на других, он любознателен по-своему, но и по-своему отличен, ему свойственны черты и ребенка, и подростка, и – с подачи автора / отца – личности более зрелой и серьезной. Тема рассказа очевидна – это детство, знакомство с новым, неизведанным миром. Сергей Шаргунов находит весьма удачный фон для событий, зоопарк. Животный мир так легко сопоставим с миром людей. Компаративный принцип часто

срабатывает в режиме антитезы: инстинкт – контроль, страсть – самообладание, защитная реакция – принцип социализации.

Поэтика нарратива «В зоопарк пойдем мы вместе...» обладает непрямой синкретикой. Бытовой пласт совмещается с общественным, событие индивидуального порядка зависит от случайностей, фактические / личные номинация сопоставляются с культурологическими. В рассказе довольно много литературных, фольклорных и географических отсылок: теремок, Курочка Ряба, образы сказок А.С. Пушкина, Лунтик, Микки-Маус, Шрек, остров Крит, Египет и т. д. Расширяя географию, событийный уровень начинает работать более активно, кадр сменяется сценкой, клип замещается **фреймом**. Концепты в тексте организуются в целостную художественную модель. Автор фиксирует: «Я берегу еще слишком маленького Ванюшку от слишком большого мира» (Шаргунов 2018: 223). Страх за ребенка / сына велик, ибо он только начинает свое движение в пространстве, и его нужно оберегать.

Визуальный принцип реализуется и на лексическом уровне с помощью таких слов как «кадр», «фотография». Сергей Шаргунов нарочито делает акцент на этом, что придает повествованию более понятный и естественный тон. Смена кадров осуществляется как формально [в ходе разверстки языка рассказа], так содержательно [воображаемый читательский объем]. Образы, детали рассказа являются некими импульсами для формирования полновесной картинки, каждая из которых обладает своей уникальностью. Данный рассказ есть еще и попытка понаблюдать за собой: поведение Вани в зоопарке неприлично, но отец не наказывает прилюдно сына, понимая, что каждый сам должен обрести опыт. По возвращении домой он [Ваня] «играл в зоопарк, окружая кубиками пластмассовых зверей» (Шаргунов 2018: 230). Завершая текст вновь видим кадр умиротворения, пиктограмма достаточно объективна, да и педагогический эффект достигнут.

Большая часть рассказов и повестей сборника «Свои» выстраивается как **клиповая парадигма**. Это и «Утиные сердечки», «Сахар на рану», «Последнее лето СССР», «Свой», «Валентин Петрович» и т.д. Данный принцип вполне удачно воспринимается современным читателем, который все более визуализирует окружающее пространство. Подобный вариант построения сюжетов можно встретить и у Алексея Варламова, и у Юрия Буйды, и у Кати Качур, и у Аси Володиной, Захара Прилепина, Евгения Водолазкина, Александра Пелевина [не путаем с Виктором]. На наш взгляд, новейшая литература преодолевает новый виток своего развития, ибо запросы общества и читательской публики иные. Смежность кадров, стыковка и дистанция событийного полотна, диссонанс рамки и спектральность детали, синергия и дисгармония изображений – вот то, что актуально для поэтики современных и малых, и крупных форм. Художественное произведение превращается, порой, в открытый скрипт, но и в этом есть своя ценность, свой значимый эффект. Можно констатировать, что фокус внимания при этом объективно направлен на значимое, а не пустое и тривиальное.

Таким образом, сборник «Свои» Сергея Шаргунова, на наш взгляд, удачная попытка высветить наиболее важные моменты проявления жизненной искренности, подвергнуть концептуальной оценке свое / индивидуальное, при этом обратить внимание читателей и на непосредственный опыт реципиентов. Писатель смог в рамках малых форм – рассказы,

повести – убедительно донести векторный конгломерат ценностей, имеющих вневременное значение, а также осветить спектр необходимых онтологически важных установок: это память, родные и близкие, родина как таковая, дети, счастье, и, безусловно, любовь. Не возможно по Шаргунову, организовать жизненное пространство без этих категорий, ибо они имеют особый символический смысл, выступают концептами, вбирающими многомерный предел коннотаций.

Сергей Шаргунов автор нетривиальной прозы, хотя реалистическая тенденция в его манере письма очевидна и значима. Кадр для его текстов становится импульсной формой, далее же это процесс подхватывает и читатель. Заметим, что нарратив сборника «Свои» визуален, постановочный принцип позволяет раскрыть проблему, разрешить художественный вопрос. Автор стремится, на наш взгляд, действительно преподнести не только как факт чего-то открыто реального, но спроецировать и перспективу явных изменений. Литературный, собственно художественный уровень сборника «Свои» С. Шаргунова, безусловно, высок. Не оставляет в покое и доверительный разговор автора с читателем далее, ибо проекция размышлений движется по интенсивной кривой. Фактические, биографические события «Своих» типологически смещаются в ореол обобщения. Последний рассказ сборника – «Валентин Петрович» – содержит интересную фразу, которая подтверждает факт движения бытия, факт раскадровки человеческого существования: «Последнее время Валентин Петрович каждый день так заканчивал дневниковую запись: «Живу!»» (Шаргунов 2018: 335).

ЛИТЕРАТУРА

Безруков А.Н. Рецепция смысла с позиций взаимодействия автора и читателя // Кормановские чтения: Статьи и материалы Межвузовской научной конференции, Ижевск, 07–08 апреля 2016 года. Вып. 15. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2016. С. 378-383.

Безруков А.Н. Структура и парадигма художественного дискурса. Санкт-Петербург: Гиперион, 2024.

Безруков А.Н. Элементы восточной поэтики как регулятивный инструментальный современный литературного процесса // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 1. С. 138-145. doi.org/10.18522/1995-0640-2020-1-138-145.

Гречнев В.Я. Русский рассказ конца XIX–XX века (проблематика и поэтика жанра). Ленинград: Наука, 1979.

Култышева О.М. Творчество В. Маяковского во взаимодействии с литературным процессом 1910–1920-х годов: специальность 10.01.01 «Русская литература»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Култышева Ольга Михайловна. Москва, 2007. 480 с.

Кульгавчук М.В. Путь к своим. Сергей Шаргунов // Вопросы литературы. 2020. № 4. С. 51-63. doi.org/10.31425/0042-8795-2020-4-51-63.

Меркушов С.Ф. Художественное измерение русского космизма в новейшей отечественной прозе: Д. Данилов, С. Шаргунов, В. Шаров // Писатель, учитель, наставник в

литературе России XX–XXI веков. Ценности и смыслы русской литературы XX–XXI веков: традиции и современное прочтение: Материалы XXVIII и XXIX Шешуковских чтений. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2025. С. 179-186.

Серова А.А. Повесть С. Шаргунова «Ура!» как программное произведение «нового реализма» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. URL: <http://www.science-education.ru/129-21784> (26.04.2026).

Татаринов АВ. На разных полюсах? Новые романы С. Шаргунова и В. Сорокина // Вопросы литературы. 2014. № 3. С. 125-132.

Тимакова А.А. Специфика категории времени в автобиографических произведениях С. Шаргунова // Мир русского слова. 2022. № 4. С. 53-60. doi.org/10.24412/1811-1629-2022-4-53-60.

Шаргунов С.А. Свои: повесть, рассказы. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018

Щукина Д.А. Координаты мемуарного хронотопа: Сергей Шаргунов и Захар Прилепин // XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады, Санкт-Петербург, 12–16 сентября 2023 года. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2024. С. 2320-2024.

© Безруков А.Н., 2026

СТУДЕНЧЕСКИЙ ЧИТАТЕЛЬСКИЙ КЛУБ «КНИЖНЕВАРТОВСК»

Аннотация. В настоящей статье рассказывается о реализации в 2025–2026 учебном году в Федеральном государственном бюджетном учреждении высшего образования «Нижевартовский государственный университет» созданного при грантовой поддержке ректора университета студенческого читательского клуба «КНИЖневартовск». Уникальность студенческого читательского клуба «КНИЖневартовск» состоит в организации онлайн- и оффлайн-встреч с современными молодыми российскими авторами читателей из числа студентов, преподавателей высшего учебного заведения и заинтересованных жителей города Нижневартовска. В статье рассматривается актуальность подобного рода мероприятий на базе Нижневартовского государственного университета не только для города Нижневартовска, но и в целом, для Ханты-Мансийского автономного округа–Югры, раскрываются цель и основные задачи создания студенческого читательского клуба «КНИЖневартовск». Кроме того, статья содержит краткие авторские обзоры прочитанных в рамках работы читательского клуба художественных произведений (повесть «Типа Я. Дневник суперкрутого война» (возрастной ценз «12+») Ислама Ханипаева, роман «Отец смотрит на запад» (возрастной ценз «18+») Екатерины Манойло, автофикшн-повесть «Люди, которых нет на карте» (возрастной ценз «16+») Евфросинии Капустиной, сборник повестей «Не говори о нём» (возрастной ценз «18+») Игоря Белододеда) и информация о ходе проведённых в рамках реализации проекта онлайн- и оффлайн-встреч с обозначенными писателями. Делается вывод о том, что реализация проекта студенческого читательского клуба «КНИЖневартовск» на базе Нижневартовска государственного университета позволила расширить культурное пространство города Нижневартовска путем создания в университете уникальной площадки по популяризации чтения произведений молодых российских авторов.

Ключевые слова: Нижневартовский государственный университет, читательский клуб, чтение, КНИЖневартовск, современная русская проза, встреча с писателем.

Сведения об авторе: Верин Сергей Александрович, магистрант кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартовского государственного университета; ORCID 0009-0002-4590-3353.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел. 8 (3466)273510; e-mail: V9915@yandex.ru

STUDENT READING CLUB «KNIZHNEVARTOVSK»

Abstract. This article describes the implementation of the student reading club “Knizhnevirtovsk” in the 2025–2026 academic year at the Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Nizhnevartovsk State University”, established with the grant support of the rector of the university. The uniqueness of the student reading club “Knizhnevartovsk” consists in organizing online and offline meetings with modern young Russian authors for readers from among students, teachers of a higher educational institution and interested residents of the city of Nizhnevartovsk. The article examines the relevance of such events at Nizhnevartovsk State University not only for the city of Nizhnevartovsk, but also for the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Yugra in general, and reveals the purpose and main objectives of creating the student reading club “Knizhnevartovsk”. In addition, the article contains short author's reviews of the fiction works read in the framework of the work of the readers' club (the story “Type I. The Diary of a Super-cool Warrior” (age limit “12+”) by Islam Khanipayev, novel “Father looks to the West” (age limit “18+”) Ekaterina Manoilo, the autobiographical novel “People who are not on the map” (age limit “16+”) by Euphrosyne Kapustina, the collection of short stories “Don't talk about him” (age limit “18+”) by Igor Beloded) and information about the progress of online and offline meetings with designated writers. It is concluded that the implementation of the project of the student reading club “Knizhnevartovsk” on the basis of Nizhnevartovsk State University has made it possible to expand the cultural space of the city of Nizhnevartovsk by creating a unique platform at the university to promote the reading of works by young Russian authors.

Keywords: Nizhnevartovsk State University, reading club, reading; Knizhnevartovsk, modern Russian prose, meeting with a writer.

About the author: Verin Sergey Aleksandrovich, master's student of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University; ORCID 0009-0002-4590-3353.

Contact information: 628609, Nizhnevartovsk, st. Mira, 3b, room 305; Tel. 8(3466)273510; e-mail: V9915@yandex.ru.

В 2025–2026 учебном году в Федеральном государственном бюджетном учреждении высшего образования «Нишневартовский государственный университет» благодаря грантовой поддержке ректора высшего учебного заведения С.И. Горлова реализован проект студенческого читательского клуба «КНИЖневартовск».

Актуальность проекта заключалась в том, что на территории округа практически не проводятся встречи с современными популярными писателями, отсутствуют региональные мероприятия в формате книжных фестивалей, тогда как в других регионах они проводятся на регулярной ежегодной основе (например, «Рыжий фест» в Челябинске, «Китоварс» во Владимире, «Книжная Сибирь» в Новосибирске). При этом в современном мире значительно

сократились границы между читателями и писателями. Молодые авторы активно ведут социальные сети, участвуют в продвижении своих книг, в том числе в формате онлайн- и офлайн-встреч, что популяризирует чтение.

Цель проекта – повышение читательской активности и развитие читательских и профессиональных компетенций у студентов университета путем организации дискуссионного читательского клуба «КНИЖневартовск» с приглашением к обсуждению прочитанного современных российских авторов в формате онлайн- и офлайн-встреч.

Основные задачи проекта:

- повышение интереса к чтению современной русской/российской литературы среди студентов, абитуриентов и преподавателей университета;
- организация интеллектуального досуга студентов, абитуриентов и преподавателей университета;
- популяризация творчества молодых современных российских писателей.

Кроме того, поскольку о процессе восприятия личности и творчества писателя можно говорить как о «восприятии межличностном» и «оценке человека человеком» (см. об этом: Култышева 2003: 11-12), то в данном случае живое общение авторов с читателями призвано было сделать произведения молодых участников отечественного литературного процесса легче и адекватнее воспринимаемыми.

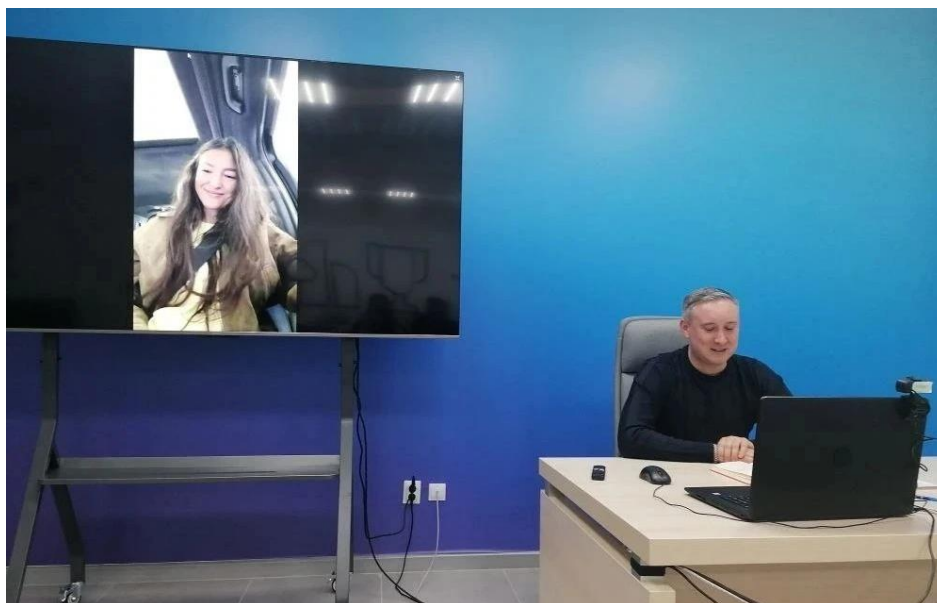


17 октября 2025 года открыл серию встреч молодых авторов с читателями визит в Нижневартовский государственный университет дагестанского писателя Ислама Ханипаева – автора повести «Типа Я. Дневник суперкрутого воина», романов «Холодные глаза», «Большая суета», «Среди людей», фантастической трилогии «Луна 84». Ислам – финалист премии «Лицей», премии «НОС» (2021), «Национального бестселлера», победитель читательского голосования премии «Ясная поляна» (2022). Чтение повести «Типа Я. Дневник суперкрутого

воина», имеющей возрастную ценз «12+», позволило привлечь к участию во встрече с писателем и школьников города, интересующихся литературой.

«Типа Я. Дневник суперкрутого воина» (Ханипаев 2021) – это очень простая, но мудрая и тёплая история о семье и детском одиночестве, о непослушании и прощении, о дружбе и буллинге, о непонимании и доверии. О том, что реальность может быть прекраснее иллюзорной мечты. В повести герои-дети не боятся говорить, а герои-взрослые – признавать свои ошибки. Стоит отметить и особый дагестанский колорит произведения, который передан очень ненавязчиво, но достоверно – с лезгинкой, мудрыми водителями маршруток, старыми, не всегда безопасными дворами, гостеприимными домами-квартирами. Книга прекрасно подходит для семейного чтения. Следя за приключениями Артура и его суперкрутой команды, найдется, над чем посмеяться, поплакать, поразмышлять и помолчать.

Однако, учитывая, что Ислам – редкий автор, в чьём писательском багаже есть произведения различных жанров – от романа-взреления до фантастики – беседа вышла далеко за рамки обсуждения одного произведения, а харизматичность и артистичность автора превратили её в настоящее маленькое шоу! Кроме того, Ислам Ханипаев поделился с аудиторией секретами своего необычного творческого метода, рассказал о том, какую роль его творчестве играет страсть к кинематографу и как он сам оценивает книги в процессе чтения.



Первая онлайн-встреча прошла 24 февраля 2026 года с писательницей Екатериной Манойло – выпускницей Литературного института имени А.М. Горького, победительницей литературной премии «Лицей» (2022), финалистом премии «Ясная Поляна» (2023) и премии журнала «Юность» имени В. Катаева (2024), автором романов «Отец смотрит на запад», «Ветер уносит мертвые листья» и «Золотой мальчик».

Основу беседы с Екатериной составило обсуждение её дебютного романа «Отец смотрит на запад» (Манойло 2024). Главной героине Кате, родившейся в русско-казахской семье, удалось вырваться из цепкого удушья приграничного городка, в жителей которого буквально

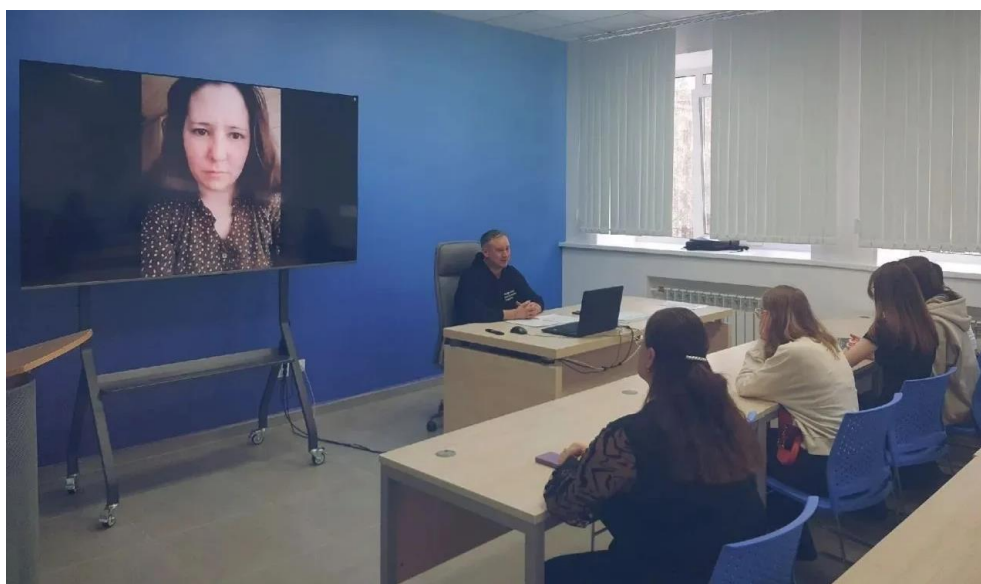
вшит ген абьюза. После ужасающей своей нелепостью, но вместе с тем бытовой трагедии, вдохнувшей в роман немного мистики, мать Кати обращается к религии, отвернувшись от собственной дочери. Зато в жизни девочки появляется бабушка, определившая пунктиры дальнейшего становления героини. Повзрослевшая Катя вновь оказывается на малой родине после того, как отец «бросил свой последний взгляд на запад». И это совсем не приятное, ностальгическое, а сопряженное с опасностями путешествие в город детства. Но его необходимо совершить, чтобы очистить свою душу и спасти еще несколько.

Екатерина рассказала о том, как зарождалась идея романа, и что финал мог быть совсем не таким, каким стал в итоге, обозначила границы между «автобиографичностью» и «художественным вымыслом», героиней Катей и писательницей Екатериной Манойло.

Участникам встречи открылись и некоторые тайны создания нового романа Екатерины «Золотой мальчик» (Манойло 2025), например, что в процессе работы писательница не просто вдохновлялась историями из магаданского детства супруга, но и совершила своеобразную «литературную экспедицию» в одну из локаций книги.

Кроме того, большой интерес вызвал процесс обучения в Литературном институте имени им. А.М. Горького (Екатерина выпускница мастерской известного писателя, литературоведа и литературного критика Павла Басинского).

Пришедшие на встречу с писательницей имели приятную возможность задать ей лично интересующие их вопросы: кем из признанных мастеров магического реализма вдохновлялась Екатерина при создании мистических эпизодов романа «Отец смотрит на запад»? Считает ли она противоречивый характер главной героини романа следствием столкновения западной и восточной культур в ее натуре? Есть ли и какого рода отклики на ее дебютный роман из мест, где происходит действие? Произведения каких писателей-современников можно обнаружить на книжных полках самой Екатерины?



27 марта 2026 года состоялась онлайн-встреча с поэтом, прозаиком, учителем, фотографом и волонтером Евфросинией Капустиной – автором книги «Люди, которых нет на карте». В 2024 году книга стала лауреатом литературной премии «Лицей», была издана в

«Редакции Елены Шубиной», а в 2025 попала в короткий список премии «Большая книга» в номинации «Нонфикшн».

«Люди, которых нет на карте» (Капустина 2024) – это автобиографичная история о том, как в смутные постковидные времена Евфросиния на полгода уехала из Санкт-Петербурга сначала в Гватемалу, а потом в Никарагуа, чтобы не только фиксировать на фото работу врачей клиник благотворительной организации «Health & Help», но и помогать им. Текст собран из коротких записок-зарисовок о работе врачей, колорите быта и пейзажей, воспоминаний, ощущений, мыслей. Центральное же место занимают портреты тех самых людей, которых «нет на карте». Это не всегда пациенты клиники, но и, например, владелица магазинчика, подкармливающая волонтеров нехитрыми угощениями, или случайный попутчик в автобусе, спасший котенка. Несмотря на то, что все они не имеют ни образования, ни достатка, ни минимального представления об устройстве собственного тела и происходящих в нем физиологических процессах, практически у каждого есть чему поучиться. Их искренние улыбки и слезы, простая философия и несломленные никакими трудностями любовь и тяга к жизни, лаконично переданные в книге, настолько ярко озаряют ее страницы, что забывается вся дикость ситуаций, приведших их на порог клиники.

На онлайн-встрече в Нижневарттовском государственном университете Евфросиния рассказала, как социальная фотожурналистика привела её в литературу, какой отклик получила повесть у врачей-волонтеров, и даже раскрыла некоторые подробности судеб своих героев. Сейчас же Евфросиния работает педагогом школьного лесничества в деревне Лопшеньга на берегу Белого моря и пишет новую книгу о Русском Севере.

Участники встречи имели возможность задать писательнице вопросы о книге, которая стала предметом обсуждения. Например, есть ли причины считать, что по своему жанру книга близка путевым заметкам или дневнику; можно ли увидеть в образе бездомного Палыча в финале книги родство с образом Платона Каратаева из романа Л. Толстого «Война и мир» и влияние на творчество самой Евфросинии философии опрощения.



Реализация проекта «КНИЖневартовск» завершилась 25 апреля 2026 года визитом в Нижневартровский государственный университет писателя (или, как он сам предпочитает себя называть, «человека пишущего») Игоря Белодеда – автора романов «Великая мать», «Не, ни», сборников малой прозы «Не говори о нем» и «Утро было глазом», многократного финалиста премии «Лицей» и премии журнала «ЮНОСТЬ» имени В. Катаева.

Основной интерес вызвали повести, вошедшие в сборник «Не говори о нём» (Белодед 2023) – «Синий кит» и «Сын мой, Павел». Их герои – обычные шестнадцатилетние подростки из достаточно благополучных семей – остаются, как им кажется, один на один со своими проблемами. Героиня повести «Синий кит» София, не находя взаимопонимания ни с родителями, ни с педагогами, ни с друзьями, вступает в так называемую «группу смерти» и начинает выполнять задания таинственного куратора, постепенно осознавая, в какую ловушку загнала саму себя, просто нажав кнопку «Вступить в игру». Повесть «Сын мой, Павел» – история юного художника, влюбившегося в подругу матери, трансформирующаяся в крик родительской потери. Вторая часть повести – настоящий гимн отцовской любви, не уступающей по силе любви материнской.

В беседе Игорь рассказал читателям о том, как работал над повестями, включая их фактологическую основу, поделился своим отношением к причислению его творчества к современной русской «интеллектуальной прозе». Кроме того, читателям приоткрылась гностическая основа повести «Синий кит», а автор примерил на себя роль читателя, поделившись мыслями о том, как все же сложилась судьба Павла.

Разговор с Игорем получился очень живым и вызвал большой интерес у аудитории, которая задала гостю множество вопросов – от роли экзистенциализма в его творчестве до инсайдов писательского мастерства и тонкостей работы с издательствами. Были заданы также вопросы о принципиальности «приоткрытых финалов» и о возможности соотнесения художественной идеи повестей «Синий кит» и «Сын мой, Павел» с толстовской мыслью о том, что главное в воспитании подрастающего поколения – это не материальные блага, а тепло родительской любви и внимания.

Реализация проекта студенческого читательского клуба «КНИЖневартовск» на базе Нижневартовска государственного университета при грантовой поддержке ректора позволила расширить культурное пространство города Нижневартовска путем создания в университете уникальной площадки, не просто популяризирующей чтение произведений молодых, современных авторов русской прозы, но предоставляющей уникальную возможность обсудить прочитанные книги с участием самих авторов в онлайн- и офлайн-формате.

Нижневартровский государственный университет стал культурной общегородской локацией, популяризирующей и интегрирующей в читательский опыт произведения современной русской литературы, что подтверждается участием в организованных мероприятиях не только студентов и преподавателей университета, но и учащихся школ города и посетителей и читателей Центральной библиотеки имени М.К. Анисимковой.

Автор проекта выражает благодарность за возможность его реализации ректору ФГБОУ ВО «Нижневартровский государственный университет» Сергею Ивановичу Горлову, членам

экспертного совета конкурса «Персональный грант ректора для обучающихся в НВГУ», доктору филологических наук, доценту, профессору кафедры филологии, лингводидактики и перевода ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет» Ольге Михайловне Култышевой, а также всем писателям, студентам, преподавателям и сотрудникам Нижевартовского государственного университета, жителям города Нижевартовска за участие в работе студенческого читательского клуба «КНИЖневартовск».

ЛИТЕРАТУРА

Белодед И. Не говори о нем. М.: Альпина нон-фикшн, 2023.

Капустина Е. Люди, которых нет на карте. М.: Редакция Елены Шубиной, 2024.

Култышева О.М. Феномен В. Маяковского: восприятие современников. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2003. 184 с.

Манойло Е. Золотой мальчик. М.: Альпина. Проза, 2025.

Манойло Е. Отец смотрит на запад. М.: Альпина нон-фикшн, 2024.

Ханипаев И. Типа Я. Дневник суперкрутого воина. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

© Верин С.А., 2026

ЭПИТЕТ *НИЗКИЙ* В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ И ЕГО ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. Атрибутивность представляет собой вербализацию процесса наделения объекта признаком; в креативном дискурсе атрибутизация и предикация объединены общим термином эпитетация. Когнитивно-семантический анализ эпитетации в рамках идиолекта позволяет установить основные направления переноса признака и выявить доминантные, связав их с типом поэтического мышления. Статья посвящена описанию образного моделирования признака *низкий* в поэзии М. Цветаевой. В работе использовались такие методы, как анализ лексикографических источников и баз данных, контекстуальный анализ, лексико-семантический, концептуальный анализ, метод количественного анализа языковых единиц. Отмечается многозначность данного прилагательного в текстах поэта, игра с его смыслами, а также изобретение окказиональных эпитетов с данным корнем. На материале эпитетных комплексов с компонентом *низкий* показано значение эпитетации как ключевого способа познания реальности, а образное моделирование признака отражает метафорический взгляд на мир М. Цветаевой. Признак *низкий* существует в противопоставлении высокому началу, быта – бытию. Высокое положение человека осмысливается поэтом как незначительное, в отличие от высоты душевной. Низость как воплощение греховной любви, страсти приобретает метонимические признаки, связывающие ее с субъектом речи, получает положительные коннотации. Многообразие признаков и их распространение на объекты эпитетации носит индивидуальный характер, что выражается в ярких метафорических признаковых конструкциях. Новизна работы заключается в том, что параметрический признак в текстах поэта не являлся предметом особого рассмотрения. Изучение параметрических признаков дает представление о ценностной картине мира поэта. Результаты исследования могут быть применены при изучении стилистики текста, когнитивной поэтики.

Ключевые слова: эпитет, стилистика, М. Цветаева, эпитетный комплекс, признак, эпитет «низкий».

Сведения об авторе: Губанов Сергей Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики; ORCID 0000-0003-3011-4589.

Контактная информация: 443010, г. Самара, ул. Л. Толстого, д. 23; тел. 8(846)339-11-00; e-mail: gubanov5@rambler.ru

**THE EPITHET *LOW* IN M. TSVETAEVA'S POETRY
AND IT'S FIGURATIVE POTENTIAL**

Abstract. Attribution is the verbalization of the process of endowing an object with an attribute; in creative discourse, attribution and predication are united under the general term epithetation. A cognitive-semantic analysis of epithetation within an idiolect allows us to establish the main directions of attribute transfer and identify dominant ones, linking them to the type of poetic thinking. The article is devoted to the description of the figurative modeling of the attribute *low* in M. Tsvetaeva's poetry. The research based on methods such as analysis of lexicographic sources and databases, contextual analysis, lexical-semantic and conceptual analysis, and quantitative analysis of linguistic units. The polysemy of this adjective in the poet's texts, the play with its meanings, as well as the invention of occasional epithets with this root are noted. The material of epithet complexes with the component *low* shows the significance of epithetation as a key way of understanding reality, and the figurative modeling of the attribute reflects the metaphorical view of the world of M. Tsvetaeva. The attribute *low* sign exists in opposition to the high principle, everyday life – being. The high position of a person is understood by the poet as insignificant, in contrast to the height of the soul. Baseness as the embodiment of sinful love, passion acquires metonymic attributes that connect it with the subject of speech, receives positive connotations. The diversity of attributes and their distribution to the objects of epithetation is of an individual nature, which is expressed in vivid metaphorical attributive constructions. The scientific novelty of the work lies in the fact that the parametric feature in the poet's texts was not the subject of special consideration. The study of parametric attributes gives an idea of the poet's value picture of the world. The results of the research can be applied in the study of text stylistics and cognitive poetics.

Keywords: epithet, stylistics, M. Tsvetaeva, epithet complex, attribute, epithet «low».

About the author: Gubanov Sergei Anatolievich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics; ORCID 0000-0003-3011-4589.

Contact information: 443010, Samara, st. L. Tolstogo, 23; Tel. 8 (846) 339-11-00; e-mail: gubanov5@rambler.ru

Введение. Прилагательное как основной вербализатор категории качества в русском языке активно включается в понятие эпитета, однако эпитет намного шире адъективной лексемы, и именно он является репрезентантом качества как глобальной логико-семантической категории. Эпитетологические исследования являются неотъемлемой частью лингвопоэтических штудий, описывающих язык художественной речи. Ведущие лингвисты на материале русского, английского и других языков указывают на прилагательное как основной выразитель качества; его грамматические признаки являются продолжением его семантики как согласовательной, однако отмечены сложные типы эпитетации,

расширяющие представление об эпитете (Виноградов 1986; Гальперин 2018; Гращенков, Лютикова 2018; Томашевский 2018).

Т. А. Симонян справедливо указывает на то, что значения прилагательного реализуются в зависимости от того, к чему они «приложены», т.е. значения атрибута зависят напрямую от сочетания с определенными разрядами имен существительных. Следовательно, можно говорить, что определенным ключом к изучению семантики прилагательных будет являться изучение его сочетаемостных возможностей с определенными разрядами имен существительных (Симонян 2001).

Когнитивный взгляд на природу эпитета уводит от выявления его функций в тексте, которые обозримы и ясны (изобразительная, выразительная, оценочная и др.), и указывает на механизмы порождения новых эпитетных комплексов. Эпитетный комплекс – объединение объекта эпитетации и эпитетного слова, имеющее когнитивно-семантический характер. Данный комплекс в миниатюре представляет собой метафорическую модель, содержащую сферу-источник и сферу-мишень. Пересечение признаков происходит на основе установления ассоциативного сходства объектов и моделирования дискурсивного временного образа. Т.А. Симонян указывает на блендирование смыслов эпитета и объекта эпитетации в составе эпитетного комплекса: взаимовлияние семантик двух сочетающихся имен может создавать различные виды пересечений (*blends, blendings*), т.е. прилагательное может характеризовать объект, референтом которого выступает сочетающееся с ним существительное целиком, а иногда характеристика, создаваемая адъективной единицей, может относиться лишь к какой-то части данного объекта (Симонян 2001).

Отметим, что эпитет присутствует в любом креативном дискурсе; системное описание эпитетной парадигматики идиолекта представляется в аспекте когнитивно-семантического и когнитивно-метафорического ракурса, дающих объемное представление о всей системе эпитетных слов текстов автора.

Целью данного исследования выступает анализ сочетаемостных свойств эпитета *низкий* в поэзии М. Цветаевой и его роли в образной картине мира поэта. Для сравнения семантического объема рассматриваемого прилагательного в языке и индивидуальном словаре в качестве материала для анализа избран Словарь поэтического языка Марины Цветаевой (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 1999), собрание сочинений поэта (Цветаева 1994) и словарь русского литературного языка (Словарь русского языка 1999), данные Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка).

В работе использовались такие методы, как анализ лексикографических источников и баз данных, контекстуальный анализ, лексико-семантический, концептуальный анализ, метод количественного анализа языковых единиц.

Основные результаты. В словаре русского литературного языка *низкий* характеризуется как «1. Имеющий небольшое протяжение снизу вверх; *противоп.* высокий. *Низкий забор.* 2. Небольшой, незначительный по количеству, силе, степени и т. п. *Низкая температура.* 3. Неудовлетворительный по качеству; плохой. *Низкий сорт бумаги.* 4. *Устар.* Лишенный возвышенного, глубокого содержания; обыденный, обыкновенный. 5. Бесчестный,

подлый. *Низкий поступок* б. только полн. ф. В классовом обществе: не принадлежащий к господствующему, привилегированному классу, сословию, неродовитый 7. только полн. ф. Устар. Простонародный (о языке, стиле и т. п.). *Низкий жанр. Низкий стиль.* 8. Характеризующийся небольшим числом колебаний (о звуках, голосе и т. п.); густой. *Низкий бас*» (Словарь русского языка 1999).

Данное прилагательное относится к многозначным параметрическим прилагательным. Отметим, что классификация прилагательных в настоящее время очень разветвлена, параметрические (размерные) адъективы типологизируются на основании различных критериев (например, линейно-объемные (высоты, длины, глубины, ширины) (Губанов 2024). Помимо значения низкого положения, в семантике высоты актуализируются оценочные значения (*неважный, некачественный, обиденный, незнатный*). В языке хранится представление о низком как о признаке, отклоняющемся от нормы, что заложено в объективных чертах свойства: низким считается тот объект, который ближе к земле (или относительно какого-либо ориентира), а потому он оценивается в аспекте недостаточности признака, который предстает как ущербный, несовершенный. Именно, на наш взгляд, семантика недостаточности относительно нормы или абсолютно приемлемого для социума показателя является основной при осмыслении предметов с позиции их высоты или низости.

Данные Национального корпуса русского языка фиксируют определяемые слова с данным прилагательным, отражающие типичные для русского языкового сознания ассоциации с низким объектом. Низкими именуется (в порядке убывания частотности) *поклон, температура, уровень, цена, потолок, частота, качество, лоб, туча, давление*. Зачастую низкий употребляется во втором словарном значении как низкий по силе, степени, что сопряжено с отклонением от нормы и различно оценивается (ср. *низкая температура, низкая цена* с положительной оценкой или *низкая туча, низкий уровень* – с отрицательной). Сочиненные прилагательные имеют негативную коннотацию за счет концентрации семантики отсутствия чего-то важного: *подлый, широкий, средний, темный, густой, плоский, болотистый, узкий* (в порядке убывания частотности) (Национальный корпус русского языка).

Синкретичность поэтического слова М. Цветаевой представляет собой взаимопроникновение различных грамматических и семантических категорий, их смешение, в результате чего языковая единица получает новые смыслы и функции (см. окказионализмы *моее, нуда* и др.). (Губанов 2024; Зубова 2017; Ревзина 1998), однако параметрические и другие типы эмпирических прилагательных редко попадают в зону внимания ученых в силу своей изученности и кажущейся узуальности. Рассмотрим эпитет *низкий* в поэзии М. Цветаевой.

Прилагательное *низкий*, по данным словаря поэтического языка Марины Цветаевой, является не очень употребительным, однако необходимо отметить частотность его значений. В значении «находящийся на небольшой высоте от земли, от какого-нибудь уровня» оно употреблено 7 раз (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 1999: 369), тогда как в значениях «невысокий», «неродовитый, не принадлежащий к господствующему, привилегированному классу» и «густой на слух» – по 2 раза; единожды в значении «подлый,

бесчестный» (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 1999: 369-370). Наречие *низко* используется поэтом 12 раз (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 1999: 370).

Отдельно следует сказать о субстантиве *низость*, который семантически и грамматически связан с данным эпитетом (образован от адъектива *низкий*): он употреблен 12 раз (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой 1999: 371), причем имеет образную эпитетацию. Низость ассоциируется с любовным чувством, однако не в отрицательном, а наоборот, положительном смысле, это великая низость: *Что сестры // В великой низости любви* (Цветаева т. 1: 512); *Легонечко, любовь, легонечко! // У низости – легка нога!* (Цветаева т. 1: 559). Низость приобретает черту характера, причем эта низость – оправдана небом, благословенна: *Змея оправдана звездой, // Застенчивая низость – небом* (Цветаева т. 1: 398).

Признак *высокий* неизменно присутствует в творческом сознании М. Цветаевой как маркер высшего, другого, подлинного мира; его атрибуты незримо для других, но очевидно для поэта, присутствуют вокруг. Чаще признак распространяется на абстрактные понятия, что понятно, поскольку концептуализируются значимые для поэта явления: *высокая жизнь, высокое веселье, высокая горесть, высокая тяга, высокий час, высокий путь*. Высокий для поэта – знак принадлежности к горнему миру, поэтому часто можно встретить метонимические эпитеты *высокие руки, высокий лоб*, а также выражения *высокое небо, высокая Луна*; Отметим окказиональные эпитеты с компонентом *высокий (высоко)*: *высокодышащий, высокорожденный, высокосветский, высоконький*.

Высокий и низкий в поэзии М. Цветаевой постоянно стоят рядом, причем подчеркивается их нераздельность, а иногда и взаимозаменяемость: низкое осмысляется как высокое, поскольку любовь является великим чувством, дающим жизнь, и она не может быть низким началом: *Снег любимого – милой смоль. // Высотой его низка!* (Цветаева т. 3: 683). Устремленность в небо и невозможность с ним соединиться, укорененность в жизни становится одной из главных дилемм поэта: *(А ноги всё ниже, а небо всё выше...)* (Цветаева т. 3: 108).

Небо часто приобретает эпитет *низкий*, как и тучи, туман, что создает ощущение безысходности, причем поэт применяет прием повтора эпитета для создания эффекта интенсификации: *низкий, низкий тот туман; низкие, низкие тучи*.

Интересным примером использования эпитета *низкий* применительно к объекту-соматизму является уподобление ресниц смиренного человека птицам: *То не птицы две за сеткою тюремною – // То ресницы его низкие, смиренные* (Цветаева т. 3: 238).

Преобладание метафорической логики над метонимической, типичной для языка поэта, при образовании эпитетных комплексов с признаковым компонентом параметрического типа *низкий* связано с логической природой объекта эпитетации, тяготеющего к внешнему миру, а не к человеку, однако и в этом случае признак ассоциируется с тревогой, земным миром, бытом.

Заключение. Современная эпитетология рассматривает эпитет не только как компонент эпитетного комплекса, выполняющий орнаментальную функцию, но как значимый элемент, несущий основную когнитивную информацию об объекте. Необходимость осмысления

логики и направлений эпитетации во многом проливает свет на общезыковые тенденции атрибутизации.

Творческий почерк М. Цветаевой неповторим во многом за счет чуткого отношения к эпитетным словам, подбору точных определений. Ориентационный параметрический признак *низкий* в поэтических текстах М. Цветаевой развивает свое основное значение за счет актуализации противопоставления с признаком *высокий*, в результате чего низкое (любовь, земная жизнь) приобретает черты высокого. Индивидуальное понимание мира, предметов и их признаков делает язык М. Цветаевой неповторимым, что проявляется в эпитетации объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. 640 с.

Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: УРСС, 2018. 336 с.

Гращенко П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. 2018. № 4. С. 9-33. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33>.

Губанов С.А. Параметрический эпитет в текстах М. Цветаевой. Ч. 1 // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации: Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции (Москва, 05 декабря 2024 г.). М.: Изд-во «АНО ДПО «Центр развития образования и науки», 2024. С. 239-243.

Зубова Л. В. Поэтический язык Марины Цветаевой. Санкт-Петербург: Геликон Плюс, 2017. 544 с.

Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (04.11.2025).

Ревзина О.Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. Ю.И. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина: в 4 т. Т. 2. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. С. 5-40.

Симонян Т.А. Семантика пространственных атрибутов в свете когнитивного подхода. Прилагательные с параметром высоты: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 184 с.

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. Ю.И. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина: в 4 т. Т. 3. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К–О. 736 с. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (04.11.2025).

Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Флинта, 2018. 336 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1-3.

© Губанов С.А., 2026

**ДЕГУМАНИЗАЦИЯ КАК ТАКТИКА ДИСКРЕДИТАЦИИ:
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЛИШЕНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СТАТУСА**

Аннотация. Актуальность представленного в данной статье исследования обусловлена необходимостью системного описания языковых средств, с помощью которых в публичном дискурсе реализуется дегуманизация – риторическая тактика стратегии дискредитации, направленная на лишение объекта человеческого статуса. В условиях правовой регламентации ответственности за дискредитацию (ст. 280.3 УК РФ, ст. 20.3.3 КоАП РФ) выявление четких языковых маркеров дегуманизации приобретает как теоретическую, так и прикладную значимость. Несмотря на имеющиеся работы по «языку вражды», системная классификация лексико-семантических средств дегуманизации применительно к дискурсу дискредитации до настоящего времени отсутствовала, что и определило проблемное поле данного исследования. Целью статьи является выявление и систематизация лексико-семантических средств дегуманизации как риторической тактики в стратегии дискредитации. Материалом для исследования послужили тексты интернет-комментариев и публикаций, прошедшие лингвистическую экспертизу по делам о дискредитации, а также материалы открытых источников, содержащие лексико-семантические маркеры дегуманизации. В работе использованы методы семантического и контекстуального анализа, а также элементы квантитативного анализа для установления частотности различных типов дегуманизации. Результаты исследования позволили выявить и систематизировать основные лексико-семантические средства дегуманизации, используемые в дискурсе дискредитации. Установлено, что наиболее частотным типом является объектная (механистическая) дегуманизация, представленная лексемами со значением неодушевленного предмета, отходов или расходного материала. Зооморфный тип уступает объектному по частотности и выполняет преимущественно эмоционально-маркирующую функцию. Патоморфный и демонический типы встречаются реже и характерны для дискурса с выраженной идеологической составляющей. Теоретическая значимость заключается в разработке системной классификации лексико-семантических средств дегуманизации. Практическая значимость связана с возможностью использования выявленных критериев в качестве диагностического материала в производстве судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: дегуманизация, дискредитация, лексико-семантические средства, риторическая стратегия, типы дегуманизации, объектная дегуманизация, судебная лингвистическая экспертиза.

Сведения об авторе: Коростелева Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартовского государственного университета; ORCID ID: 0000-0003-4372-0190.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305; тел. 8(3466)272827; e-mail: klimovalar@inbox.ru

L.V. Korosteleva

DEHUMANIZATION AS A TACTIC OF DISCREDITING: LEXICAL-SEMANTIC MEANS OF DEPRIVING HUMAN STATUS

Abstract. The relevance of the research presented in this article is due to the need for a systematic description of the linguistic means by which dehumanization – a rhetorical tactic aimed at depriving an object of human status – is implemented in public discourse. In the context of legal regulation of liability for discrediting (Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), the identification of clear linguistic markers of dehumanization acquires both theoretical and applied significance. Despite existing works on “hate speech”, a systematic classification of lexical-semantic means of dehumanization in relation to the discourse of discrediting has been absent until now, which determined the problem field of this study. The aim of the article is to identify and systematize the lexical-semantic means of dehumanization as a rhetorical tactic of discrediting. The research material includes texts of internet comments and publications that have undergone linguistic examination in cases of discrediting, as well as materials from open sources containing lexical-semantic markers of dehumanization. The study employs methods of semantic and contextual analysis, as well as elements of quantitative analysis to determine the frequency of various types of dehumanization. The results of the study allowed us to identify and systematize the main lexical-semantic means of dehumanization used in the discourse of discrediting. It has been established that the most frequent type is object-based (mechanistic) dehumanization, represented by lexemes meaning inanimate object, waste, or expendable material. The zoomorphic type is less frequent than the object-based type and performs a predominantly emotion-marking function. Pathomorphic and demonic types are less common and are characteristic of discourse with a pronounced ideological component. The theoretical significance lies in the development of a systematic classification of lexical-semantic means of dehumanization. The practical significance is associated with the possibility of using the identified criteria as diagnostic material in the production of forensic linguistic examination.

Keywords: dehumanization, discrediting; lexical-semantic means, rhetorical strategy, types of dehumanization, object-based dehumanization, forensic linguistic examination.

About the author: Korosteleva Larisa Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences (PhD in Philology), Associate Professor of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University; ORCID ID: 0000-0003-4372-0190.

Contact information: 628609, Nizhnevartovsk, st. Mira, 3b, room 305; tel. 8 (3466) 272827; e-mail: klimovalar@inbox.ru

Понятие дегуманизации имеет, прежде всего, психологическую природу. В психологии оно обозначает механизм морального отстранения, при котором индивид или группа лишаются человеческих качеств, что снимает внутренние запреты на агрессию и жестокое обращение (Бандура 2000; Хаслам 2006). Именно этот психологический фундамент объясняет, почему дегуманизирующий язык столь эффективен в конфликтном дискурсе.

В современной лингвистике дегуманизация переосмысливается как риторическая стратегия, направленная на лишение объекта человеческого статуса через представление его в образах животного, неодушевленного предмета, отходов или демонической сущности (Чуриков 2023). В рамках анализа дискурса дискредитации дегуманизация рассматривается уже не как глобальная стратегия, а как конкретная тактика, входящая (наряду с обвинением и запугиванием) в более общую стратегию подрыва доверия к объекту – дискредитацию (Чуриков 2023; Бортновска 2024). Такой тактический взгляд позволяет выделить языковые маркеры дегуманизации и отличать их от смежных приемов (например, иронии или сарказма).

Психологические исследования подтверждают, что дегуманизирующая лексика не просто описывает, но и сопровождает агрессивное поведение, снимая моральные ограничения по отношению к объекту. Согласно теоретической модели Н. Хаслама (Haslam 2006), дегуманизация может принимать две основные формы: анималистическую (лишение уникально человеческих качеств, уподобление животным) и механистическую (лишение человеческой природы, уподобление автоматам или объектам). В более поздних работах данная типология была расширена за счет включения патоморфных (уподобление болезни), демонических и иных образов.

В аспекте психолингвистики дегуманизация рассматривается в ряду таких механизмов, как стереотипизация, формулирование исторических обвинений, делегитимизация и раздувание угроз (Хазиева, Юсупова 2025). Авторы демонстрируют, как эмоционально насыщенный язык и избирательные исторические нарративы мобилизуются для создания поляризованных моральных рамок, в которых объект дискредитации изображается как агрессивный и нелегитимный субъект (Хазиева, Юсупова 2025). Теоретическая значимость этого подхода заключается в акценте на моральном измерении дегуманизации: объект лишается не только человеческих черт, но и моральной легитимности.

Наконец, в когнитивной лингвистике дегуманизация определяется преимущественно, но не исключительно, как намеренное использование избранных метафорических фреймов в языковой репрезентации людей, основанное на концептуальной метафоре человек – это животное (или в еще более крайних случаях человек – это неодушевленная материя), с целью концептуально лишить людей их человечности и человеческих прав и принизить их моральный статус (Prajmo 2020: 19).

В рамках теории дискурса вражды дегуманизация выступает ключевым инструментом конструирования образа врага и поддержания бинарной оппозиции «мы – они» (Фурсов 2015).

Таким образом, можно выделить следующие ключевые положения, значимые для дальнейшего анализа дегуманизации: во-первых, понятие дегуманизации имеет междисциплинарный характер и исследуется в философском, психологическом, когнитивном,

дискурсивном и лингвистическом ключе; во-вторых, в рамках лингвистического анализа дегуманизация рассматривается как тактика в составе более общей стратегии дискредитации, что позволяет четко разграничить уровни анализа; в-третьих, ключевым эффектом дегуманизации является моральное отстранение – снятие этических ограничений по отношению к объекту. И наконец, дегуманизация функционирует в рамках более широкого дискурса вражды, где она взаимодействует с демонизацией, маргинализацией и другими способами конструирования образа врага.

Опираясь на изложенные теоретические положения, проведем анализ эмпирического материала, которым стали прежде всего тексты интернет-комментариев и публикаций, представленных на лингвистическую экспертизу по делам о дискредитации за 2022–2025 гг., а также материалы из открытых источников, содержащие лексико-семантические маркеры дегуманизации. В общей сложности было проанализировано более 150 текстов. В рамках представленного в данной статье исследования мы представим основные типы лексико-семантических средств дегуманизации. Для этой цели были использованы методы семантического и контекстуального анализа, элементы квантитативного анализа для выявления частотности различных типов дегуманизации.

Анализ текстов позволил выделить следующие типы дегуманизации, а также их языковые маркеры:

1. Зооморфный. Суть данного типа дегуманизации заключается в том, что объект уподобляется животному, что лишает его статуса разумного существа. Языковыми маркерами данного типа являются наименования животных в уничижительном контексте («*псы*», «*скоты*», «*свиньи*», «*стадо баранов*»); глаголы, обозначающие поведение животных, примененные к человеку («*рычат*», «*скалить зубы*»); сравнительные конструкции с животными («*как звери*», «*как скот*»).

В исследуемых материалах зооморфные средства встречаются реже других типов, однако контекстуально присутствуют в виде уничижительных номинаций. Этот тип работает на архаичных механизмах отвращения и страха – животные воспринимаются как существа, руководствующиеся инстинктами, а не разумом.

2. Биоморфный. Данный тип является более радикальной формой анималистической дегуманизации, суть его заключается в том, что объект уподобляется насекомым или паразитам, что подчеркивает его «вредоносность», «массовость» и «нечистоту». Языковыми маркерами данного типа дегуманизации являются наименования насекомых и паразитов в уничижительном контексте («*тараканы*», «*саранча*», «*тля*»); метафоры заражения, распространения («*расплодились*», «*кишат*»); глаголы, обозначающие размножение паразитов («*плодиться*», «*размножаться*»).

В исследуемых материалах биоморфные средства чаще встречаются в оппозиционном дискурсе при характеристике власти и государственной системы.

3. Механистический. Уподобление неодушевленным предметам, механизмам.
4. Объектный. Уподобление отходам, материалу.

Принципиально иной механизм лежит в основе механистической и объектной дегуманизации. Сущность данных двух типов заключается в том, что объект представляется как неодушевленный предмет, часть механизма, расходный материал или отходы. Для такого рода характеристики авторы текстов используют лексические единицы, обозначающие части механизмов («винтики», «шестеренки»), расходный материал («пушечное мясо»), отходы («утилизация», а также лексемы со значением физиологических отходов); глаголы, обозначающие процесс утилизации, уничтожения предметов («утилизировать», «списать»).

Объектный тип дегуманизации оказался наиболее частотным в контексте военных действий, потому что он наносит максимальный урон имиджу и легитимирует самое жесткое обращение, представляет человека не просто как животное, а как неодушевленный ресурс, отходы или расходный материал.

В контексте военных действий и политического противостояния субъекту дискредитации нужно не просто оскорбить оппонента, а обнулить его ценность. Сравнение с «вещью» или «отходами» (в отличие от животного) полностью снимает моральные ограничения, так как уничтожение неодушевленного предмета не считается аморальным. Это позволяет оправдать любые действия, вплоть до физического уничтожения противника.

Особую группу составляют типы, основанные на уподоблении болезни и нечистой силе:

5. Патоморфный. Суть данного типа дегуманизации заключается в том, что объект представляется как болезнь, патология, угрожающая здоровью общества через такие языковые маркеры, как наименования болезней («рак», «чума»), медицинскую метафору («метастазы», «инфекция»); использование лексики, имеющей отношение к психиатрии («маньяк», «бред», «псих»), характеризующей морально и физически опустившихся людей («чмобики» – контаминация понятий «чмо» и «мобики» (мобилизованные) формирует понятие ничтожного, презренного мобилизованного); глаголы, обозначающие распространение болезней («заражать», «разъедать», «беситься»).

Патоморфные средства дегуманизации чаще встречаются в текстах, дискредитирующих идеологии или политические режимы («метастазы нацизма», «чума двадцатого века»).

6. Демонический. Суть данного типа дегуманизации заключается в том, что объект уподобляется нечистой силе, демоническим сущностям, что выводит его за пределы человеческого и даже природного мира. Демонизация реализуется через наименования демонов и нечистой силы («бесы», «сатанисты», «орки»); использование религиозной лексики в негативном контексте, сравнения с адом и преисподней («порождение ада»). Данный тип дегуманизации чаще встречается в текстах, дискредитирующих государственную власть.

7. Историко-политический. Суть данного типа дегуманизации заключается в том, что объект ассоциируется с негативным историческим референтом, например, через аналогию с нацизмом. Для этого используются контаминированные конструкции, типа «Путлер», которая проводит прямую параллель президента России В.В. Путина с Адольфом Гитлером, перенося весь комплекс коннотаций, связанных с нацизмом, агрессией и военными преступлениями; «рашисты» – контаминация лексической единицы «Раша», в которую вкладывается

уничижительное для России значение, с понятием «фашисты»; таким образом, слово «рашисты» соотносит жителей России с приверженцами фашизма.

Наличие лексико-семантических маркеров дегуманизации является одним из наиболее надежных критериев выявления дискредитирующих высказываний. В отличие от субъективного мнения или иронии, дегуманизация однозначно маркирует намеренную агрессивную стратегию.

На основе проведенного анализа формулируются следующие диагностические критерии:

1. Наличие лексики, ассоциированной с нечеловеческими сущностями, к которой можно отнести зоонимы, наименования насекомых, лексика отходов, механизмов.
2. Использование глаголов, обозначающих нечеловеческие действия.
3. Отсутствие лексики, ассоциированной с человеческим достоинством, например, человек, личность, гражданин.
4. Контекстуальное закрепление дегуманизации, которое демонстрирует устойчивое использование дегуманизирующих номинаций на протяжении текста.
5. Генерализация – распространение дегуманизации на всю группу через формы множественного числа.

Чтобы избежать ошибок при квалификации, важно отличать дегуманизацию от смежных речевых явлений, таких как оскорбление, которое приписывает негативные качества, но не отрицает человеческий статус (дегуманизация отрицает сам статус человека); ирония, которая может быть направлена на конкретные действия (дегуманизация направлена на сущность объекта); сатира, которая использует гротеск, но сохраняет узнаваемость человеческого образа (дегуманизация стирает его). Негативную оценку может содержать и субъективное мнение, однако оно тоже не лишает объект человеческого статуса.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Дегуманизация представляет собой риторическую тактику, направленную на лишение объекта человеческого статуса через его представление как животного, неодушевленного предмета, отходов, болезни или демонической сущности. В дискурсе дискредитации дегуманизация является одним из наиболее агрессивных инструментов, поскольку она снимает моральные ограничения и формирует устойчивый негативный образ.

Лексико-семантические средства дегуманизации могут быть классифицированы на следующие типы: зооморфный, биоморфный, механистический, объектный, патоморфный, демонический, а также историко-политический. Каждый из них имеет специфический набор языковых маркеров – от наименований животных и насекомых до лексики отходов и демонических сущностей.

Наиболее частотными в исследованных материалах оказались объектные и механистические средства дегуманизации, что может быть связано с их высокой экспрессивностью и способностью вызывать эмоции отвращения и презрения. Кроме того, сравнение человека с вещью или отходами (в отличие от уподобления животному) полностью снимает моральные ограничения, поскольку уничтожение неодушевленного предмета не

воспринимается как аморальное действие. Зооморфный и биоморфный типы уступают объектному по частотности и выполняют преимущественно эмоционально-маркирующую функцию. Патоморфный, демонический и исторический типы встречаются реже и характерны для дискурса с выраженной идеологической составляющей.

Диагностическая значимость дегуманизации заключается в том, что наличие лексико-семантических маркеров дегуманизации является надежным критерием выявления дискредитирующих высказываний. В отличие от субъективного мнения или иронии, дегуманизация однозначно маркирует намеренную агрессивную стратегию.

ЛИТЕРАТУРА

Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.

Фурсов К.К. Дискурс вражды: понятие и современные практики // Дискурс-Пи. 2015. № 1(18). С. 25-30.

Хазиева Р.Р., Юсупова Р.Р. Конструирование образа врага в политических комментариях: анализ антироссийской риторики // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. Т. 8. № 4(28). С. 416-422.

Чуриков М.П. Стратегия дискредитации как инструмент антироссийской пропаганды в речах немецких политиков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 8. С. 2361-2367.

Bandura, A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves. New York: Worth Publishers, 2016. 544 p.

Bortnowska P. Language as a weapon of dehumanization in the linguistic space of the armed conflict in Ukraine // Studia Rossica Posnaniensia. 2024. № 2. С. 185-201.

Haslam N. Dehumanization: An integrative review // Personality and Social Psychology Review. 10(3). 2006. P. 252-264.

Pražmo E. Foids are worse than animals. A cognitive linguistics analysis of dehumanizing metaphors in online discourse // Topics in Linguistics. 2020. № 2. С. 16-27.

© Коростелева Л.В., 2026

ОБОСОБЛЕННЫЕ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В статье дан подробный анализ лексикографического представления обособленных присоединительных определений, выраженных прилагательными и адъективными оборотами, в авторитетных справочниках по пунктуации русского языка (Д.Э. Розенталь; В.В. Лопатин; Н.М. Пипченко; В.М. Пахомов, В.В. Свинцов, И.В. Филатова). Целью работы является выявление особенностей нормативного описания данных конструкций в современных лексикографических описаниях и их отражение в образовательной практике. Отмечается, что авторы словарей зачастую рассматривают присоединительные определения-прилагательные вместе с обычными обособленными определениями, не акцентируя внимание на существенных пунктуационных различиях: если традиционные определения выделяются запятыми, то присоединительные характеризуются вариативностью и оформляются запятой, конечным тире или парным тире, выделяющим конструкцию с двух сторон. Кроме того, установлено, что обособленные присоединительные конструкции, содержащие уточняющие или пояснительные оттенки, нередко квалифицируют исключительно как уточняющие или пояснительные определения, что снижает их функциональную специфику и затрудняет понимание их реальной синтаксической роли. Показано, что наибольшую трудность представляет разграничение присоединительных конструкций без грамматических маркеров и определений с пояснительно-уточняющим значением, согласно терминологии В.В. Лопатина. В работе показаны основания для разграничения данных синтаксических явлений, которые состоят в том, что они характеризуются специфическим пунктуационным оформлением, несут добавочное семантическое значение и обладают структурной автономностью, позволяющей изъять оборот без нарушения целостности предложения. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования нормативной базы и выражает уверенность, что в ближайшее время будет подготовлен специальный словарь, посвящённый системе экспрессивного синтаксиса, в котором должное внимание будет уделено присоединительным конструкциям.

Ключевые слова: обособленные присоединительные определения, обособленные определения, пояснительно-уточняющее значение, трудные случаи пунктуации, правила русской орфографии и пунктуации, справочники по русскому языку.

Сведения об авторе: Саньярова Найля Смадыяровна, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби; ORCID 0000-0002-0723-8893.

Контактная информация: 050040, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71, тел.: +77023335242, e-mail: n.s.sanjarova@gmail.com

SEPARATE ATTACHMENT DEFINITIONS-ADJECTIVES IN THE LEXICOGRAPHICAL ASPECT

Annotation. The article gives a detailed analysis of the lexicographic representation of separate connective definitions expressed by adjectives and adjective turns in authoritative reference books on the punctuation of the Russian language (D.E. Rosenthal; V.V. Lopatin; N.M. Pipchenko; V.M. Pakhomov, V.V. Svintsov, I.V. Filatova). The purpose of the work is to identify the features of the normative description of these structures in modern lexicographic descriptions and their reflection in educational practice. It is noted that the authors of dictionaries often consider adjective connective definitions together with ordinary separate definitions, without focusing on significant punctuation differences: if traditional definitions are separated by commas, then connective definitions are characterized by variability and are formed by a comma with a finite dash or a paired dash. In addition, it has been found that separate connecting constructions containing clarifying or explanatory shades often qualify exclusively as clarifying or explanatory definitions, which reduces their functional specificity and makes it difficult to understand their real syntactic role. It is shown that the greatest difficulty is the delimitation of connecting constructions without grammatical markers and definitions with explanatory and clarifying meaning, according to the terminology of V.V. Lopatin. The paper shows the grounds for distinguishing these syntactic phenomena, which consist in the fact that they are characterized by specific punctuation, carry additional semantic meaning and have structural autonomy that allows you to remove the turnover without violating the integrity of the sentence. The author comes to the conclusion that it is necessary to improve the regulatory framework and expresses confidence that in the near future a special dictionary will be prepared on the expressive syntax system, in which due attention will be paid to connecting constructions.

Keywords: separate annexing definitions, separate definitions, explanatory and clarifying meaning, difficult cases of punctuation, rules of Russian orthography and punctuation, reference books on the Russian language.

About the authors: Nailya Smadjyarovna Sanyarova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Al-Farabi Kazakh National University; ORCID 0000-0002-0723-8893.

Contact information: 050062, Kazakhstan, Almaty, st. Baitursynov, b. 126/1, tel.: +77023335242, n.sanjarova@aes.kz

Учёные неоднократно отмечали, что пунктуационные правила, зафиксированные в своде «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 года и воспроизводимые в последующих изданиях, в определённой степени устарели и нуждаются в уточнении и систематизации. Отсутствие чёткой дифференциации в ряде случаев приводит к пунктуационному разнобою, что отрицательно сказывается на уровне общей грамотности пишущих, обладающих различной языковой компетенцией.

Анализ учебной лингвистической литературы показывает, что правила, касающиеся обособленных определений и обособленных присоединительных определений, выраженных прилагательными и адъективными оборотами, чаще всего не разграничиваются. Как правило, оба типа конструкций рассматриваются в рамках общей рубрики, посвящённой обособленным согласованным определениям. Кроме того, они нередко описываются в разделе «Определительный оборот», объединяющем причастные обороты и прилагательные с зависимыми словами. При этом присоединительный характер части таких конструкций специально не выделяется, несмотря на их функциональные и пунктуационные особенности.

Между тем различие между традиционными обособленными определениями и обособленными присоединительными определениями проявляется не только на уровне синтаксической организации, но и в их пунктуационном оформлении. Если обособленные согласованные определения обычно выделяются запятыми, то присоединительные определения характеризуются вариативностью: они могут оформляться запятой, конечным тире или парным тире, выделяющим конструкцию с двух сторон. Такая вариативность отражает особенности их интонационного и коммуникативного статуса, однако в действующих правилах данная специфика специально не акцентируется.

В предисловии к своду «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956) подчёркивается, что данный документ должен служить основным источником для составителей учебников, словарей, энциклопедий и справочников. Следовательно, пунктуационные нормы, включая разграничение типов обособленных определений, должны прежде всего получить последовательное отражение в словарях и справочной литературе и уже затем транслироваться в учебные издания. Однако анализ учебной практики показывает, что такое разграничение представлено непоследовательно.

В связи с этим представляется необходимым обратиться к лексикографическому описанию обособленных присоединительных определений, выраженных прилагательными и адъективными оборотами, и выявить особенности их нормативного представления.

Цель статьи – рассмотреть обособленные присоединительные определения, выраженные прилагательными и адъективными оборотами, в лексикографическом аспекте, т. е. в словарях по пунктуации русского языка и справочной литературе. Для наглядности анализа приведены полные цитаты из нормативных и справочных источников, что делает материал полезным для специалистов и студентов, заинтересованных в детальном разборе пунктуации. На основе этого подхода далее представлен последовательный разбор правил и примеров из ключевых словарей.

Очевидно, что мы вправе не начинать анализ словарей с общеобязательного свода «Правила русской орфографии и пунктуации». Мы считаем, что несмотря на то, что именно этот документ, утверждённый высшими научными и образовательными структурами СССР, заложил основу современных языковых норм, существуют и другие отправные точки для анализа, которые позволяют глубже изучить текущее состояние языка.

Наше решение объясняется тем, что по истечении длительного времени словарь 1956 года неоднократно переиздавался, дополнялся и корректировался в соответствии с

меняющейся пунктуационной ситуацией. Современные редакции исходного свода прольют больше света на интересующий нас вопрос: какие пунктуационные правила относительно обособленных присоединительных определений-прилагательных зафиксированы в действующих словарях и справочниках, используемых в практике обучения в школе, вузе, а также редакторами, корректорами и всеми пишущими.

Лексикографическое описание обособленных присоединительных определений-прилагательных начнем с анализа словаря «Справочник по русскому языку. Пунктуация» (2002), автором которого является широко известный профессор Д.Э. Розенталь.

Исследуя пунктуацию в конце предложения, автор причисляет к обособленным определениям и присоединительные конструкции, указывая, что при перечислении они могут отделяться тире вместо запятой. Это иллюстрирует пример: «*Меня всегда интересовал этот дом в старинном переулке – мрачно таинственный, благородный всем своим видом, ни на один другой не похожий*» (Розенталь 2002: 25). Таким образом, в данном контексте присоединительные определения рассматриваются в общем ряду с другими обособленными определениями.

В следующем правиле обособленные определения и обособленные присоединительные определения вновь не разграничиваются: «Обособляются два или более одиночных (нераспространенных) определения, стоящих после определяемого существительного, если последнему предшествует еще одно (или несколько) определение: *С юных лет я был одержим всевозможными недугами, и наследственными, и благоприобретёнными* (С. Щ.)» (Там же: 27).

О постановке запятой перед первым союзом «и» говорится, что «при отсутствии предшествующего определения последующие одиночные определения обособляются или не обособляются в зависимости от степени их интонационно-смысловой близости с определяемым существительным. Ср.: *А запорожцы, и пешие и конные, выступали на три дороги к трём воротам* (Г.); *Особенно понравились мне глаза, большие и грустные* (Т.); *Просёлок лежит вдоль леса – пыльный, сухой и прямой* (о постановке тире см. п. 1) – в этих примерах существительное не нуждается в определении, связь между ними слабая» (Там же: 28). Указание на слабую связь свидетельствует, очевидно, о том, что предложения типа «*С юных лет я был одержим всевозможными недугами, и наследственными, и благоприобретёнными* (С.-Щ.)» и «*А запорожцы, и пешие и конные, выступали на три дороги к трём воротам* (Г.)» можно трактовать как обособленные присоединительные конструкции, несущие добавочную информацию и введенные в предложение при помощи грамматического показателя сочинительного союза «и».

В разделе 6 – «Знаки препинания в предложениях с уточняющими, пояснительными и присоединительными членами» рассматриваются запятая и тире (Там же: 46). На 47-й странице представлены примеры уточняющих определений, относящихся к характеристикам цвета, размера и возраста. В частности, в предложении: «*Гвардейцы шли во весь рост, широкой цепью, по пёстрому – малиновому, лиловому, зелёному – клеверному полю*» (Кат.) (Там же: 48) наблюдается интересный синтаксический феномен.

Мы считаем, что перед нами обособленное присоединительное определение-прилагательное, осложненное оттенком уточнения. Такая квалификация объясняется сочетанием двух сторон: с одной стороны – уточняющего смысла, а с другой – присоединительной формы.

На уровне семантики наблюдается явная зависимость ряда «малиновому, лиловому, зелёному» от предшествующего прилагательного «пёстроу», которое выступает как опорный компонент, задающий общий родовой признак. Последующий перечень однородных прилагательных конкретизирует этот признак, фактически раскрывая содержание слова «пёстроу» через уточняющее пояснение.

Синтаксический статус данной конструкции как присоединительной подтверждается использованием парного тире, которое служит специфическим маркером включения добавочной информации. В отличие от запятых при обычном обособлении, тире фиксирует значительный интонационный разрыв и указывает на отсутствие равноправной связи между определением «пёстроу» и последующим рядом. Прилагательные «малиновому, лиловому, зелёному» занимают дистанцированное положение, функционируя как уточнение, вводимое в предложение в процессе развития мысли. Иначе говоря, уточняющая по смыслу конструкция оформляется синтаксически как присоединение: уточняя признак «пёстроу», она одновременно конкретизирует образ «клеверного поля». На наш взгляд, понятия «уточнение» и «пояснение» не только тесно связаны между собой, но и во многом взаимообусловлены, так как, уточняя характеристику объекта, мы тем самым её поясняем, и наоборот.

Дополнительным подтверждением присоединительной природы данного ряда является его структурная необязательность. Присоединительная конструкция синтаксически независима, автономна и не является базисным элементом предложения. Данное определение возможно исключить из предложения, не нарушив его структуру и без ущерба для общего смысла («Гвардейцы или... по пёстроу клеверному полю»), что подтверждает его роль как добавочного компонента, который лишь разворачивает уже названный признак.

Следующая группа включает уточняющие определения, которые присоединяются посредством подчинительных союзов. Характерным примером такой структуры служит фраза: «Неодолимая, хотя и тихая, сила увлекла меня» (Т.). Аналогичная модель прослеживается в предложениях: «Актуальная, даже если не совсем новая, тема заслуживает внимания»; «Пожертвовать прошлым ради одной, пусть и дорогой, встречи он не решался» (Там же: 48). Данные присоединительные конструкции осложнены оттенком уточнения.

В Примечании к пояснительным членам предложения указывается, что «вопрос об отделении с одной стороны или выделения с двух сторон пояснительного определения решается в условиях контекста. Ср.: Другой, не менее важный раздел соглашения посвящён вопросам культурного сотрудничества. – Другой, и не менее важный, раздел соглашения посвящён вопросам культурного сотрудничества (определение носит присоединительный характер благодаря наличию присоединительного союза и; см. § 24).

При одинаковой пунктуации в некоторых случаях сближаются различные по типу определения. Например: *Рядом с этими домами высятся другие здания – жилые, административные, торговые* – возможные толкования: а) однородные определения после обобщающего словосочетания *другие здания* (см. § 15, п. 5); б) обособленные определения в конце предложения (см. § 8, п. 1); в) пояснительные определения (...*другие, а именно...*; см. § 10, п. 10); г) присоединительные определения (бессоюзное присоединение; см. § 24, п. 6)» (Там же: 50-51). Сопоставление двух начальных предложений позволяет отчетливо увидеть разницу между двумя типами определений: пояснительными и обособленными присоединительными. Во втором случае автор специально акцентирует внимание на присоединительном характере конструкции, обусловленном использованием союза «и». Стоит отметить, что данное присоединительное определение не дано в «чистом» изолированном виде – оно осложнено пояснительным оттенком из-за наличия прилагательного «другой», стоящего перед ним.

Рассматривая обособленные определения-прилагательные, важно опираться на такое правило: «При одинаковой пунктуации в некоторых случаях сближаются различные по типу определения. Например: *Рядом с этими домами высятся другие здания – жилые, административные, торговые* – возможные толкования: а) однородные определения после обобщающего словосочетания *другие здания* (см. § 15, п. 5); б) обособленные определения в конце предложения (см. § 18, п. 1); в) пояснительные определения (...*другие, а именно...*; см. § 10, п. 10); г) присоединительные определения (бессоюзное присоединение; см. § 24, п. 6)» (Там же: 51). Автор впервые обращает внимание на тот значимый лингвистический факт, что синтаксический статус определений может различаться по типу, при этом конкретно не указывая их типы. Мы считаем, что данный пример не поддается различным толкованиям. Это предложение можно толковать одним способом под пунктом г): присоединительные определения, о чем свидетельствует наличие пунктуационного маркера – тире и добавочный характер присоединения. При этом присоединительная конструкция осложнена пояснительным оттенком вследствие впереди стоящего определения-прилагательного *другие*.

Особое внимание обратим на чрезвычайно важный для нас «§ 24. Присоединительные конструкции» (Там же: 51).

Цитируем: «Присоединительные члены предложения, которые содержат дополнительные разъяснения или замечания, вводимые в середину или в конец предложения, отделяются или выделяются запятыми (реже – тире). Такие конструкции обычно присоединяются словами *даже, особенно, в особенности, например, главным образом, в частности, в том числе, притом, и притом, причём, и* («и притом»), *да, да и, да и вообще, да и только* и др.» (Там же: 51). Иллюстративный материал представлен богатыми, разнообразными интересными примерами, в которых присоединительные конструкции оформлены пунктуационными знаками запятая и тире.

Заметим, что в предлагаемых автором присоединительных конструкциях стоит выделить три их разновидности, которые активно используются в языке:

– присоединительные конструкции в «чистом», изолированном виде, т.е. не имеющие дополнительных смысловых оттенков. Например: «*Что тут прикажешь делать скульптору, да ещё плохому?*» (Т.); «*Дорога была только одна, и притом широкая и обставленная вежами, так что сбиться было невозможно*» (Кор.);

– конструкции, осложненные оттенком уточнения: «*Отец мой очень любил всякие воды, особенно ключевые*» (Акс.); «*Я любил наши спектакли, а особенно репетиции, частые, немножко бестолковые, шумные*» (Ч.); «*Он мечтал работать в газете, и не в какой-нибудь, а только в центральной*»;

– конструкции, осложненные оттенком пояснения: «*Раздались крики разносчиков, продающих всякие, даже русские, журналы*» (Т.); «*Любая, даже самая сложная, проблема может быть изложена просто и доступно*».

Если ранее Д.Э. Розенталь квалифицировал конструкции с оттенками уточнения или пояснения как отдельные типы, то теперь они рассматриваются в обобщенном виде как присоединительные, несущие «дополнительные разъяснения или замечания», что подчеркивается их пунктуационным оформлением. Присоединительные конструкции могут включаться в предложение без союзов, оформленные посредством тире, например: «*Он оставался таким же, как и прежде, – трудолюбивым, скромным*» (Там же: 53-54).

Завершается материал выводом: «Перед присоединительной конструкцией могут стоять следующие знаки препинания: 1) запятая: «*Некогда он служил в гусарах, и даже счастливо*» (П.); 2) тире: «*Дело мы делаем великое и сделали уже немало, а недостатки есть – и серьёзные*» (Чак.)» (Там же: 54).

Таким образом, анализ материала «Справочник по русскому языку. Пунктуация» Д.Э. Розенталя показывает, что обособленные присоединительные определения-прилагательные рассматриваются в нем недифференцированно в ряду с другими типами обособленных конструкций. Фактически, примеры в словаре подтверждают, что присоединительные конструкции, несущие добавочную информацию, рассматриваются автором как единая группа вместе с уточняющими и пояснительными оборотами, без чёткого семантико-синтаксического разграничения. Это свидетельствует о необходимости пересмотра принципов разграничения этих конструкций для более точного определения их грамматического статуса, а не только внешних пунктуационных показателей.

Рассмотрим пунктуационную ситуацию относительно обособленных присоединительных определений-прилагательных на основе «Правил русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (2007) под редакцией В.В. Лопатина. Автор подчеркивает, что «в настоящем своде правил представлена пунктуация нормативная» (Лопатин 2007: 109).

В разделе «Знаки препинания при обособленных членах предложения. Знаки препинания при обособленных согласованных определениях», а именно в § 46, где речь идёт об определительных оборотах, ученый пишет: «Обособляются (выделяются или отделяются) запятыми определительные обороты, т. е. определения, выраженные причастиями или прилагательными с зависимыми словами, в следующих случаях» (Там же: 124).

Большой интерес представляет для нас параграф – «§ 51. Определения, стоящие в конце предложения, как нераспространенные, так и с зависимыми словами, могут отделяться знаком тире. Такие определения имеют пояснительно-уточняющее значение: *От результатов этой борьбы зависит, в конечном счете, человеческое счастье – настоящее и будущее* (Аст); *Затем я снова замечал ее взгляды на себе – то пыливый и пронизательный, вызывающий тревогу, то отсутствующий, с потерянной мыслью, то быстрый и настороженно лукавый* (Расп.); *И пришла весна – добрая и бестолковая* (Шукш.); *Опять пахло дымом, но только это был иной запах – древесный, сухой, утренний* (Шукш.)» (Там же: 126).

Мы считаем, что в данных предложениях два из них являются не просто обособленными определениями-прилагательными, а именно обособленными присоединительными определениями-прилагательными в «чистом» изолированном виде: *«Затем я снова замечал ее взгляды на себе – то пыливый и пронизательный, вызывающий тревогу, то отсутствующий, с потерянной мыслью, то быстрый и настороженно лукавый»* (Расп.) и *«И пришла весна – добрая и бестолковая»* (Шукш.). В пользу этого свидетельствуют три четких признака.

Во-первых, пунктуационный: определения оформлены при помощи тире, которое фиксирует завершённость основной части высказывания и последующее добавление характеристики.

Во-вторых, семантический: данные определения несут добавочное значение. Они не входят в обязательную характеристику предмета, а присоединяют дополнительную авторскую оценку к уже названному явлению.

В-третьих, структурный (самый простой и надежный способ): их изъятие не нарушает грамматической целостности предложения, что подтверждает их присоединительный характер. Предикативная основа (*«Затем я снова замечал ее взгляды на себе»; «И пришла весна»*) интонационно и грамматически завершена до появления определения.

В качестве иллюстрации приведем также следующие примеры: *«От результатов этой борьбы зависит, в конечном счете, человеческое счастье – настоящее и будущее* (Аст)» и *«Опять пахло дымом, но только это был иной запах – древесный, сухой, утренний* (Шукш.)», в которых имеются предшествующие определения-прилагательные: *человеческое, иной*. В данном случае представляется обоснованным согласиться с позицией В.В. Лопатина, согласно которой такие конструкции рассматриваются как определения с объединенным пояснительно-уточняющим значением.

Аргументация здесь заключается в следующем. К данным определениям одинаково применимо слово-маркер «а именно», которое используется как при уточнении, так и при пояснении: *«счастье, а именно настоящее и будущее»; «иной запах, а именно древесный...»*. Следовательно, разграничение уточняющего и пояснительного значения в этих случаях носит условный характер. Уточняя содержание понятия, говорящий одновременно его поясняет; поясняя – тем самым уточняет. Семантическая граница между этими оттенками оказывается практически неразличимой, что и объясняет целесообразность их объединённого описания как определений с пояснительно-уточняющим значением.

При этом важно объяснить, почему эти определения не являются присоединительными.

Во-первых, присоединительные определения обычно воспринимаются как второстепенная, добавочная информация, в то время как в приведённых примерах (*про счастье и запах*) определение тесно связано с определяемым словом и без него смысл высказывания остается незаконченным. Тире здесь выполняет функцию пояснительной паузы, связывая определяемое слово и определение, т. е. с его содержанием, а не присоединяя попутное замечание.

Во-вторых, смысловая зависимость между определяемым словом и определением такова, что определение напрямую уточняет или поясняет содержание слова: *человеческое счастье – настоящее и будущее, иной запах – древесный, сухой, утренний*. Эти определения не могут существовать отдельно, что характерно для пояснительно-уточняющих конструкций, тогда как присоединительные часто имеют оттенок внешнего комментария и могут быть удалены без потери основной мысли.

В-третьих, возможность замены конструкции словом «а именно» показывает именно пояснительный характер этих определений. Присоединительные определения так переформулировать сложнее, потому что они не столько раскрывают значение слова, сколько дают дополнительное впечатление или комментарий.

Следовательно, анализ их смысловой и синтаксической функции подтверждает, что данные определения не присоединительные, а именно пояснительно-уточняющие, тесно связанные с определяемым словом и одновременно уточняющие и поясняющие его содержание.

Аналогичный случай представлен далее: «Определения, расположенные внутри предложения, могут выделяться с двух сторон знаком тире. Они приобретают значение пояснительно-уточняющих членов предложения: *Каждый раз, когда я возвращаюсь с ловли, коты всех мастей – рыжие, черные, седые и белые с подпалинками – берут дом в осаду* (Пауст.) (см. также § 97)» (Там же: 126).

На 135-й странице представлен раздел, посвященный пунктуации при уточняющих, пояснительных и присоединительных членах предложения. В частности, параграф 84 открывается определением именно присоединительных конструкций: «Присоединительные члены предложения имеют характер сведений добавочных, сообщаемых попутно, в дополнение к содержанию основного высказывания. Такие члены предложения выделяются запятыми и обычно вводятся словами и сочетаниями слов (частицами, союзами или их сочетанием) *даже, в особенности, особенно, главным образом, в том числе, в частности, например, и притом, и потому, да и, да и только, да и вообще, и, тоже, и тоже, причем* и др. Например: *Большое, тоже квадратное, окно выходило в садик* (Зал.); *Словари, в частности толковые, должны широко использоваться в учебном процессе*» (Там же: 136-137).

Приведенные примеры действительно являются обособленными присоединительными определениями, выраженными прилагательными. В первом предложении присоединительная конструкция осложнена уточняющим оттенком, во втором – дана присоединительная конструкция в «чистом» изолированном виде. Обе конструкции имеют специальные

грамматические показатели – союз *тоже* и слово *в частности*, а также несут добавочную информацию в отношении основной.

В § 85 указано, что «присоединительные члены предложения, не имеющие специальных вводящих слов и выступающие в качестве разъясняющих добавочных сообщений, отделяются знаком тире. Они стоят в конце предложения» (Там же: 136). Примеры на обособленные присоединительные определения-прилагательные не даны.

Таким образом, в полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации», согласно позиции В.В. Лопатина, присоединительные определения-прилагательные обладают добавочной функцией и могут совмещать её с пояснительно-уточняющим значением. В рамках данной концепции такие конструкции оформляются либо запятой (при наличии вводящих слов), либо тире (при их отсутствии), независимо от их позиции в предложении.

Следующим источником, выбранным для анализа, стал «Справочник по русской пунктуации» (2009) Н.М. Пипченко. Нас интересуют правила, касающиеся пунктуации при присоединительных конструкциях.

В разделе «Знаки препинания при однородных членах, соединенных союзами» автор обращает внимание на то, что «запятая ставится перед одиночным союзом и, если он употребляется в присоединительной функции, независимо от того, присоединяет он однородный или неоднородный член: *Но я даю ему работу, и очень интересную* (Остр.)» (Пипченко 2009: 23).

В рамках раздела «Знаки препинания в предложениях с обособленными членами», конкретнее – в подразделе «Знаки препинания в предложениях с обособленными согласованными и несогласованными определениями», формулируется такое правило: «Как правило, обособляется и отделяется от определяемого слова запятой распространенное определение, выраженное причастным оборотом или прилагательным с поясняющими словами, расположенное в постпозиции к определяемому существительному. Такое постпозитивное определение, находящееся в середине предложения, выделяется с обеих сторон запятыми: *Глаза, и без того холодные, вовсе остыли, зубы до хруста стиснулись* (Аст.)» (Там же: 29). Обособленное присоединительное определение-прилагательное, введенное в предложение при помощи сочинительного союза «и», не разграничивается от обособленного определения.

Приводится правило, касающееся присоединительных конструкций: «Выделяются с помощью тире постпозитивные определения или группа однородных одиночных определений:

– если они сообщают важную информацию и требуется усилить их значение, логически их выделить: *Хозяин принес им обед – горячий, полный перца и пара* (Пауст.); *Целые озера запахов – освежающих, ласковых, ярких и нежных, радостных и печальных – наполнили воздух* (Пауст.);

– если определение имеет значение дополнительной характеристики предмета как попутного замечания о нем, то есть выполняет функцию вставки: *Долетел спокойный мужественный гудок – океанский, в три тона* (Пауст.);

– если обособляемое постпозитивное определение поясняет значение препозитивного определения: *В любви есть взрослая пора – суровая, счастливая* (Долм.)» (Там же: 31). При этом обособленные присоединительные определения продолжают квалифицироваться как обычные обособленные определения, а различия между ними формулируются нечетко.

На 42-й странице дано правило – «Знаки препинания при уточняющих, пояснительных и присоединительных членах предложения». В словаре сказано, что «уточняющие определения могут присоединяться посредством подчинительных союзов: *Неодолимая, хотя и тихая, сила увлекала меня* (Т.); *Пожертвовать прошлым ради одной, пусть и дорогой, встречи он не решался*» (Там же: 43). При этом речь идет об обособленных присоединительных определениях с уточняющим оттенком, а не о самостоятельных уточняющих определениях.

Аналогичная картина наблюдается и в этом правиле: «Пояснительные члены, вводимые бессоюзно, выделяются или отделяются посредством тире: *Стояли особенные дни – синие и до конца прозрачные, освеженные ветром, будто бы мир был создан только сегодня* (Пауст.)» (Там же: 44). Здесь обособленные присоединительные определения осложнены пояснительным оттенком и могут сочетаться с причастными и сравнительными оборотами.

Стоит отметить, что «перед присоединительным членом предложения (главным или второстепенным), который располагается в конце или середине предложения, делается интонационная пауза, а на письме он выделяется запятыми, реже – тире» (Там же: 45). Примеры для обособленных присоединительных определений отсутствуют.

В дополнении к этому, «присоединительные конструкции включаются в состав предложения с помощью специальных слов (актуализаторов) с присоединительным значением *в том числе, особенно, в особенности, в первую очередь, прежде всего, даже, притом* (которым может предшествовать присоединительный союз *и*), посредством соединительных союзов *и, и то, да, да и* и др. в присоединительной функции: *А тайга, особенно северная, без человека совсем сирота* (Аст.); *Трудно объяснить, откуда берутся привычки, и притом неожиданные* (Пауст.)» (Там же: 45). Перед нами обособленные присоединительные определения-прилагательные, представленные в «чистом» изолированном виде, без осложняющих оттенков.

В то же время автор ошибочно распространяет это правило на обособленное определение, выраженное прилагательным: «Реже присоединительные конструкции включаются в предложение бессоюзно, отделяются запятой или тире: *Он ехал начальником, большим, главным, и ему казалось, что это имеет какое-то значение* (Ю.Г.)» (Там же: 45). Дан пример обособленного определения, а не конструкции присоединительного типа, обладающей ярко выраженной спецификой.

Таким образом, в материалах «Справочника по русской пунктуации» Н.М. Пипченко обособленные присоединительные определения не разграничиваются четко от собственно

обособленных определений. Конструкции, осложненные уточняющими или пояснительными оттенками, ошибочно классифицируются как уточняющие или пояснительные члены предложения. Отличительные признаки присоединения указаны неполно, что затрудняет их однозначную идентификацию.

Последним из анализируемых изданий станет словарь-справочник «Трудные случаи русской пунктуации» (2012) В.М. Пахомова, В.В. Свинцова и И.В. Филатовой. В аннотации подчеркивается, что «это первый в отечественной лексикографии опыт справочника по пунктуации, построенного по алфавитному принципу» (Пахомов 2012: 4).

Например, для союза «в том числе» указано: «Присоединительные обороты, начинающиеся союзом «в том числе», обособляются... *Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдаёт ему две последние тройки, в том числе курьерскую*» (Там же: 116). Здесь мы имеем дело с обособленным присоединительным определением, выраженным прилагательным.

Аналогично рассматривается союз «да и»: «Отделяются или выделяются запятыми вводимые союзом «да и» присоединительные конструкции (слова или предложения), содержащие дополнительные замечания или разъяснения к сказанному ранее. *На станции оставался только один передатчик, да и тот старый*» (Там же: 126). В другом месте словарь прямо не называет конструкцию присоединительной, используя общую формулировку: «Да (и) притом, союз. Синтаксические конструкции, присоединяемые союзом «да (и) притом», выделяются (или отделяются) запятыми. Между частями союза и после него знаки препинания не ставятся» (Там же: 128). Пример: «*Из русского окопа ответили одним словом, да притом ещё очень коротким*» (В. Гроссман, Жизнь и судьба)» (Там же: 129).

Особый интерес представляет случай с оборотом, начинающимся словами «если не сказать»: «Если не сказать, в составе присоединительного оборота. Присоединительный оборот, начинающийся словами «если не сказать», обособляется. *Первая встреча на американской земле оказалась приятной, если не сказать волнующей*» (В. Аксенов, Новый сладостный стиль) (Там же: 141). Стоит отметить, что в данном контексте этот оборот тяготеет к составу сказуемого, выполняя функцию уточняющего компонента предикативной характеристики.

Для союза «и притом» отмечено: «Выделяются (или отделяются) запятыми присоединительные члены предложения, вводимые союзом «и притом»» (Там же: 172). В качестве иллюстраций приведем следующие предложения: «*На это стихотворение была написана музыка, и притом довольно удачная*» и «*Выходит, ежик – зверюшка, и притом хорошая, а трогать его нельзя*» (Г. Троепольский, Белый Бим Черное Ухо)» (Там же: 172-173).

Дополнительно отметим, что «не ставится запятая перед союзом «и притом», соединяющим однородные члены предложения. *А Иван Петрович, по награждении меня шишом вместо «Белого орла», исчез и не показывался ровно три года, когда сделал мне заключительный и притом всех более осязательный визит. Н. Лесков, Белый орел. Освободиться от этого чувства унижения, казалось, можно было, только убив немецкого генерала,*

но на место этого генерала появится другой и притом совершенно такой же... А. Фадеев, Молодая гвардия» (Там же: 173).

Для союза «к тому же» дано правило: «Присоединительные обороты, начинающиеся союзом «к тому же», выделяются (или отделяются) запятыми. После слов «к тому же» запятая не ставится» (Там же: 231). Примеров на обособленные присоединительные определения-прилагательные не приводится.

Интересен случай с наречием «максимум»: «Присоединительные конструкции со словом «максимум» обособляются» (Там же: 240). Здесь приведены примеры на существительные с количественными характеристиками.

Для союзов «притом» и «причем» авторы отмечают: «Синтаксические конструкции, присоединяемые союзом «притом», обособляются. Если «притом» употребляется в сочетании с союзами «и, да, а», то между этими союзами и словом «притом» знаки препинания не ставятся. *Трудно объяснить, откуда берутся привычки, и притом неожиданные*» (К. Паустовский, Ильинский омут) (Пахомов 2012: 430). В указанных примерах не называется напрямую синтаксическая роль конструкции (определение), что свидетельствует об отсутствии дифференциации между ними.

Что касается сочетания «тем более», то в источнике отмечено: «Если слова «тем более» начинают собой присоединительный оборот, содержащий дополнительные замечания или разъяснения, то они обособляются вместе со всем оборотом» (Там же: 494). Примеров на обособленные присоединительные определения в данном случае не приводится.

Таким образом, в словаре-справочнике «Трудные случаи русской пунктуации» В.М. Пахомова, В.В. Свинцова и И.В. Филатовой выборочно представлены трудные случаи по пунктуационному оформлению, в частности обособленных присоединительных определений-прилагательных. Особую ценность изданию придаёт обширный иллюстративный материал, сопровождаемый необходимыми методическими комментариями.

Резюмируя проведенный анализ, отметим: изучение словарей и справочной литературы по пунктуации русского языка показало, что пунктуационное оформление обособленных определений и обособленных присоединительных определений (выраженных прилагательными и адъективными оборотами) зачастую не разграничивается. Однако знаки препинания при их обособлении различаются: для обычных определений характерна запятая, тогда как для присоединительных – запятая, конечное или парное тире, выделяющее конструкцию с двух сторон.

Нередко обособленные присоединительные определения ошибочно классифицируют как уточняющие или пояснительные из-за наложения соответствующих смысловых оттенков. В ряде случаев они сближаются с тем, что В.В. Лопатин называет «определениями с пояснительно-уточняющим значением», что подчеркивает их условный характер. Присоединительные конструкции, имеющие специальные грамматические показатели, обычно не вызывают трудностей при квалификации – в отличие от определений, выраженных одиночными прилагательными без маркеров. Во избежание ошибок следует комплексно опираться на пунктуационные, семантические и структурные характеристики конструкций.

Несмотря на синтаксическую автономность и «второстепенность» передаваемой информации, роль присоединения велика: будучи эмоционально-экспрессивным, оно актуализирует смысл всего сообщения.

Исследователи, в частности Н.И. Демидова, подчеркивают, что назначение пунктуации заключается не только в смысловом членении текста, но и в передаче тончайших нюансов живого речевого общения, его интонационной и стилистической организации (Демидова 2019: 44). Данный тезис в полной мере применим к анализируемым справочникам, которые должны рассматривать экспрессивный синтаксис не как дополнение к традиционной системе, а как автономную пунктуационную структуру, где обособленные присоединительные определения-прилагательные маркируют информацию как наиболее значимую.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выявить особенности нормативного представления данных конструкций. Полученные результаты могут быть полезны как практикам (редакторам, корректорам), так и в учебном процессе. Актуальность проблемы подтверждается и тем, что современная пунктуационная ситуация остается в поле зрения учёных. Так, М.М. Харченко (2023), анализируя расхождения между правилами и живой практикой письма, отмечает наличие «теоретических лакун» в справочной литературе. По мнению исследователя, это обусловлено высокой динамичностью современного синтаксического строя – в частности, активным использованием фрагментарных и расчлененных конструкций, – за которыми не всегда успевают следовать кодификация (Харченко 2023: 86).

Разделяя мнение автора, мы тем не менее полагаем, что экспрессивный синтаксис существует достаточно давно, однако научное сообщество по-прежнему уделяет недостаточно внимания его пунктуационной специфике, которая разительно отличается от традиционной. Очевидно, что участвовавшие критические замечания будут приняты во внимание, и в ближайшее время будет подготовлен современный свод правил или специальный словарь, посвященный системе экспрессивного синтаксиса, востребованный широким кругом читателей.

ЛИТЕРАТУРА

Демидова Н.И. О трансформации современной пунктуационной системы русского языка // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П.А. Леканта. М.: Московский государственный областной университет, 2019. С. 42-46.

Пахомов В.М., Свинцов В.В., Филатова И.В. Трудные случаи русской пунктуации: словарь-справочник. М.: Эксмо, 2012. 576 с.

Пипченко Н.М. Справочник по русской пунктуации. Минск: Белорусский государственный университет, 2009. 90 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

Правила русской орфографии и пунктуации: общеобязательный свод правил русского правописания / Утв. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. М.: Учебно-педагогическое издательство, 1956. 176 с.

Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация. М.: Оникс 21 век, Мир и Образование, 2002. 150 с.

Харченко М.М. О некоторых нерешенных вопросах современной пунктуации // Русская речь. 2023. № 1. С. 77-87.

© Саньярова Н.С., 2026

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОВЕСТИ ИСЛАМА ХАНИПАЕВА
«ТИПА Я. ДНЕВНИК СУПЕРКРУТОГО ВОИНА»
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ДЕТСТВЕ**

Аннотация. Статья посвящена анализу повести современного дагестанского писателя Ислама Ханипаева «Типа я. Дневник суперкрутого воина» в контексте экзистенциальной проблематики детской литературы. Цель работы состоит в выявлении способов художественного воплощения фундаментальных вопросов человеческого бытия в произведении, адресованном детям и подросткам. Методология исследования включает сравнительно-сопоставительный анализ с классическими произведениями русской литературы, среди которых «Детство» М. Горького, «Ангелочек» и «Петька на даче» Л. Андреева, «Гимназисты» Н. Гарина-Михайловского, «Сказка о потерянном времени» Е. Шварца, а также опору на труды основоположников экзистенциализма К. Ясперса, Ж.П. Сартра и А. Камю. В ходе анализа установлено, что ключевые категории экзистенциализма, а именно пограничная ситуация, одиночество, свобода и ответственность, отношение к смерти, находят в повести Ханипаева оригинальное художественное воплощение. Главный герой воспринимает окружающий мир как враждебный вследствие утраты отца, что запускает процесс экзистенциального взросления. Центральный образ произведения, «суперкрутой воин», впервые интерпретируется как механизм психологической защиты и способ обретения подлинной идентичности. В отличие от героев классической русской литературы, персонаж Ханипаева не ожесточается и не смиряется, а находит внутренний ресурс для преодоления кризиса через творческое переосмысление себя. Дневниковая форма фиксирует интимный процесс самоосмысления, что делает произведение глубоко психологичным, позволяющим проследить эволюцию чувств и мыслей героя в переломный момент его жизни. Повесть Ханипаева, продолжая традиции русской классики, предлагает оптимистическое решение экзистенциального конфликта. Встреча с пограничными ситуациями, включая смерть, одиночество и непонимание, становится не трагедией, а импульсом для творческого самоосмысления и обретения себя. Результаты могут быть применены в курсах современной детской литературы и в практике анализа подростковой прозы.

Ключевые слова: экзистенциализм, детская литература, литература народов России, Ислам Ханипаев, «Типа я. Дневник суперкрутого воина», дневниковая проза.

Сведения об авторе: Себелева Анастасия Валериевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартовского государственного университета; ORCID 0000-0002-9545-0105.

Контактная информация: 628609, Россия, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б, ауд. 305;
тел.: 8-912-935-7841, e-mail: sebelevaa@mail.ru

A.V. Sebeleva

**EXISTENTIAL ISSUES IN ISLAM KHANIPAEV'S NOVEL «JUST ME. DIARY
OF A SUPER COOL WARRIOR» IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN LITERATURE ON CHILDHOOD**

Abstract. The article analyzes the novel “Just Me. Diary of a Super Cool Warrior” by contemporary Dagestani writer Islam Khanipaev in the context of existential issues in children's literature. The aim is to identify how fundamental questions of human existence are artistically represented in a work addressed to children and adolescents. The methodology includes comparative analysis with classical works of Russian literature, such as M. Gorky's “Childhood”, L. Andreev's “The Little Angel” and “Petka at the Dacha”, N. Garin-Mikhailovsky's «High School Students», and E. Schwartz's “The Tale of Lost Time”, as well as theoretical reference to the founders of existentialism, K. Jaspers, J.P. Sartre, and A. Camus. The analysis reveals that key existential categories, specifically borderline situation, loneliness, freedom and responsibility, and attitude toward death, receive original artistic embodiment in Khanipaev's novel. The protagonist perceives the surrounding world as hostile due to the loss of his father, which triggers the process of existential coming of age. The central image of the novel, the “super cool warrior”, is interpreted for the first time as a mechanism of psychological defense and a way of achieving authentic identity. Unlike the heroes of classical Russian literature, Khanipaev's character does not become embittered or resigned. Instead, he finds an internal resource to confront the crisis through creative self-reinvention. The diary form records the intimate process of self-examination, rendering the work profoundly psychological and enabling the reader to trace the evolution of the protagonist's emotions and thoughts at a crucial juncture in his life. Khanipaev's novel, continuing the traditions of Russian classics, offers an optimistic resolution to the existential conflict. Encountering borderline situations, including death, loneliness, and misunderstanding, becomes not a tragedy but an impetus for creative self-reflection and self-discovery. The results can be applied in courses on contemporary children's literature and in the analysis of adolescent prose.

Keywords: existentialism, children's literature, literature of the peoples of Russia, Islam Khanipaev, “Just Me. Diary of a Super Cool Warrior”, diary prose.

Information about the author: Anastasia Valerievna Sebeleva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Linguodidactics and Translation at Nizhnevartovsk State University; ORCID 0000-0002-9545-0105.

Contact information: 3b Mira Street, room 305, Nizhnevartovsk, 628609, Russia; 8-912-935-7841, e-mail: sebelevaa@mail.ru

Экзистенциализм как философское направление оформился в первой половине XX века в трудах К. Ясперса, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра и А. Камю. Однако проблематика, составляющая его ядро, а именно вопросы жизни и смерти, свободы и ответственности, одиночества и поиска смысла, имеет универсальный, вневременной характер. Как справедливо отмечается в современных философских словарях, экзистенциализм представляет собой «философское учение, считающее исходной точкой не столько бытие или понятие, сколько индивидуальное существование –экзистенцию» (Философский словарь 2012: 628). Именно это сосредоточение на уникальности человеческого бытия, на внутреннем мире отдельной личности делает экзистенциализм продуктивной методологической основой для анализа художественных произведений, обращенных к процессу взросления и формирования самосознания.

Ключевыми категориями экзистенциализма, значимыми для литературоведческого анализа, являются экзистенция, то есть непосредственное существование, эссенция, то есть скрытая сущность, которую предстоит обнаружить, пограничная ситуация как состояние между жизнью и смертью, пробуждающее подлинное самосознание (Ясперс 2012: 79), свобода и ответственность, поскольку человек обречен на свободный выбор и несет за него полную ответственность (Сартр 1989: 325), одиночество как изначальное состояние человека, необходимое для самоосмысления (Кручинин, Багрова 2016: 177), а также смерть как предельное основание человеческого существования.

Применимость экзистенциального подхода к анализу детской литературы обосновывается в работах отечественных исследователей, развивающих традиции русской психологической и педагогической мысли. Т.Д. Попкова доказывает, что ребёнок является полноправным носителем экзистенциального сознания: «Восприятие мира формируется в сознании детей на основе их мировидения, включающего в себя мироощущение, миропонимание, мироистолкование и миропреобразование, которые в своей совокупности создают предпосылки для возникновения мироосознания» (Попкова 2010: 91). Экзистенциальные переживания у детей, согласно этой концепции, возникают вследствие дисгармоничности реального мира и проявляются в вопросах о добре и зле, обмане и правде, жизни и смерти. Именно эти вопросы, традиционно находящиеся в центре русской классической литературы о детстве, становятся сюжетообразующими и в повести Ислама Ханипаева «Типа я. Дневник суперкрутого воина».

Повесть Ханипаева, написанная от лица восьмилетнего мальчика и выдержанная в форме дневниковых записей, продолжает жанровую традицию русской автобиографической и психологической прозы о детстве. Выбор дневниковой формы имеет принципиальное значение для реализации экзистенциальной проблематики. В литературоведческом ключе дневник может быть интерпретирован как попытка художественного структурирования внутреннего хаоса, как поиск сущности через фиксацию непосредственного существования. Мальчик, записывая свои рассуждения, беседуя с воображаемым другом Крутым Али, одновременно осознает свое одиночество и находит пути его преодоления. Такое поведение соотносится с экзистенциальными представлениями о том, что осознание личностью себя

начинается с принятия положения о конечности бытия и, вместе с тем, о своей уникальности. Дневник здесь является не просто средством фиксации сознания, но позволяет герою найти свое я, отделив его от общественного запроса, и таким образом утвердив свою внутреннюю свободу.

Писатель повествует о повседневной жизни ребенка в небольшом дагестанском городе, его взаимодействия с приемной матерью (он ее называет «типа мама» говоря, что она притворяется его мамой), старшим братом (которого он называет «типа брат») и сверстниками. Однако за внешней простотой описываемых событий скрывается глубокий экзистенциальный подтекст. Утрата матери, ставшая отправной точкой взросления героя, постоянно присутствует в подтексте повествования, определяя его мироощущение и систему ценностей. В ответ на эту ситуацию герой создаёт альтер эго, Крутого Али, что представляет собой не просто детскую фантазию, а сложный механизм психологической защиты, позволяющий сохранить целостность личности перед лицом экзистенциального кризиса. Этот образ может быть рассмотрен в ряду традиционных для русской литературы мотивов двойничества и внутреннего диалога, восходящих к романтической и реалистической прозе XIX века.

Экзистенциальный конфликт между внутренним миром ребенка и внешней реальностью является одной из магистральных тем русской литературы о детстве. В этом отношении повесть И. Ханипаева органично вписывается в традицию, представленную такими произведениями, как «Петька на даче» и «Ангелочек» Л. Андреева, «Детство» М. Горького, «Гимназисты» Н. Гарина-Михайловского. Однако каждый из этих авторов предлагает свое видение экзистенциальной коллизии и путей ее разрешения.

В рассказе Л. Андреева «Петька на даче» главный герой неосознанно бунтует против действительности: «Ему хотелось куда-нибудь в другое место, о котором он ничего не мог сказать, где оно и какое оно» (Андреев 1990б: 58). Это неосознанное стремление «в другое место» свойственно и герою И. Ханипаева. Его фантазии о себе как о «суперкрутом воине» – это попытка создать то самое «другое место», где он будет сильным, защищённым и понятым. Существенное отличие заключается в степени осознанности этого процесса: если Петька лишь смутно ощущает потребность в ином существовании, то Артур активно конструирует альтернативную реальность, наделяя её конкретными чертами. Он прямо заявляет: «Я хочу быть на него похожим», имея в виду Крутого Али: «Так делают все крутые воины, и крутой Али тоже, и я должен быть таким же» (Ханипаев 2023: 7). Это можно определить как свойственную ребенку «тенденцию к гиперболизации «я»» (Култышева 2007: 266).

Сашка из «Ангелочка» Л. Андреева, как и герой Ханипаева, вполне осознанно протестует против неприятного ему мира: «И так как Сашка обладал непокорной и смелой душой, то он не мог спокойно отнестись ко злу и мстил жизни» (Андреев 1990а: 25). Однако формы протеста и, что важнее, способы их психологической мотивировки различны. Андреевский Сашка проявляет открытую агрессию, направленную вовне: он бьёт товарищей, грубит взрослым, рвёт учебники. Его «непокорная душа» находит выход в разрушительных

действиях, которые автор демонстрирует читателю через поступки, подчёркивая внешнюю, поведенческую сторону характера.

И. Ханипаев избирает иной путь психологического анализа. Его герой также обладает «непокорной душой», однако протест сублимируется во внутренний, творческий акт создания воображаемой идентичности. Писатель не столько показывает внешний бунт мальчика, сколько раскрывает его внутреннюю речь, зафиксированную в дневнике. Именно через саморефлексию, через фиксацию сомнений, страхов и фантазий читатель узнаёт о глубине конфликта. Автор признаётся: «Я хотел показать ребенка, выпавшего из общества (Помню даже тот день, когда сам осознал, что выпал. Пришел домой из школы, зашел на кухню и сказал маме: “Это только девятый класс, а я уже чувствую, что выпал из общества (класса)”» (Ханипаев 2023: 221). Если Андреев тяготеет к экспрессивной, внешней обрисовке характера через поступок, то Ханипаев, продолжая традиции русской психологической прозы, делает акцент на самоанализе героя.

Для понимания экзистенциальной природы переживаний героя Ханипаева показательным сопоставлением с «Детством» М. Горького. Одним из ключевых эпизодов в осознании враждебности мира для Алексея становится публичная порка: «С тех дней у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой» (Горький 1951: 15). Горький использует развёрнутую метафору «содранной кожи», которая материализует внутреннее переживание, делает его осязаемым для читателя.

У Ханипаева же способ изображения переживания принципиально иной. Писатель не использует развёрнутых метафор и не даёт авторской оценки чувствам героя. Вместо этого он предоставляет слово самому мальчику, чей дневник фиксирует не столько сами эмоции, сколько их осмысление, рефлексию по их поводу. «Я часто слышал слова: “Родителей мы не выбираем”, – записывает герой, – и, когда я это слышал, начинал мечтать о том, как было бы круто, если бы у меня была суперсила выбирать себе родителей» (Ханипаев 2023: 219). Это различие связано с разными художественными стратегиями: Горький воссоздаёт прошлое с высоты прожитого опыта, Ханипаев же использует дневниковую форму, имитирующую сиюминутность переживания. Герой не подводит итог, не формулирует афористичное определение своему состоянию, а фиксирует разрозненные мысли, вопросы без ответов, фантазии. Именно в этой разрозненности проявляется подлинность детского экзистенциального опыта. Герой не ожесточается, а пытается сохранить способность чувствовать, спрятав уязвимость за маской «воина». «Ей не понять, что для таких, как я, очень важно делать то, что мы любим. А мы любим драться и побеждать, а потом опять драться» (Ханипаев 2023: 7).

Отношение к смерти является одним из фундаментальных вопросов экзистенциальной философии. Как писал А. Камю в «Мифе о Сизифе», «решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы её прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» (Камю 1990: 24). Для детской литературы тема смерти долгое время оставалась табуированной, однако современные исследователи и писатели признают необходимость ее художественного

осмысления, поскольку встреча со смертью является неизбежным этапом взросления и формирования экзистенциального сознания.

В повести Ханипаева тема смерти неразрывно связана с фигурой ушедшей матери. Её гибель – то событие, которое определяет всю дальнейшую жизнь главного героя, становясь той самой «пограничной ситуацией», которая, по Ясперсу, пробуждает субъекта к подлинной экзистенции. Важно проследить динамику осознания смерти героем, так как пограничная ситуация смерти в детской литературе, в отличие от «взрослого» экзистенциализма (Себелева, Харисов 2022), приобретает не трагическое, а конструктивное звучание, становится не точкой невозврата, а импульсом к внутренней работе. Так, в отличие от Алексея из горьковского «Детства», который в сцене похорон отца ещё не способен до конца осмыслить происходящее: «Я никогда еще не видал, чтобы большие плакали, и не понимал слов, которые говорила мать» (Горький 1951: 11), – герой Ханипаева находится на более поздней стадии переживания утраты. Смерть для него уже не абстракция, а реальность, с которой необходимо научиться жить. Он размышляет: «Я вышел из подъезда, размышляя о том, что недавно был человек и теперь его нет. У меня тоже была настоящая мама, а теперь ее нет. Я подумал о том, что люди слишком легко умирают и вообще никого не предупреждают» (Ханипаев 2023: 61).

Как и Петя Зубов из «Сказки о потерянном времени» Е. Шварца, оказавшись в экзистенциальном кризисе, герой Ханипаева остаётся один на один со своим горем. Петя думает: «Какой я одинокий, несчастный старик. Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей...» (Шварц 1972: 43). Герой Ханипаева тоже остро ощущает своё одиночество, особенно в моменты, связанные с памятью о матери. Однако в сказке Шварца одиночество преодолевается через коллективное действие, тогда как герой Ханипаева вынужден справляться с кризисом преимущественно самостоятельно, что усиливает экзистенциальное напряжение повествования.

Особого внимания заслуживает сопоставление образа героя Ханипаева с Берендием из «Гимназистов» Н.Г. Гарина-Михайловского. Для Берендия, столкнувшегося с невыносимым давлением обстоятельств, смерть становится желанным исходом: «Смерть – двери в царство свободы!» (Гарин-Михайловский 1957: 215). В этом восклицании отражается характерный для экзистенциализма мотив: осознание конечности существования может привести как к утверждению жизни, так и к её отрицанию. Герой Ханипаева, несмотря на всю тяжесть своего положения, не ищет смерти как избавления. Он пытается понять, как жить дальше в мире, где есть смерть. В его фантазиях возникает образ того, как он сам мог бы предупредить близких о своей смерти: «Если бы я собирался умереть, я бы точно всех предупредил. Я бы собрал всех-всех своих лучших друзей у себя в комнате. Позвал бы Расула и... еще кого-нибудь – типа маму, Ахмеда, Амину – и сказал бы, что я собираюсь умереть через неделю и что если кто-нибудь собирался мне что-нибудь потом подарить, то лучше подарить сейчас, а то я уже буду мертвый и дарить будет некому» (Ханипаев 2023: 61). Это более зрелая экзистенциальная позиция, предполагающая не бегство от реальности, а выстраивание новых отношений с ней.

Характерно, что в повести Ханипаева, как и в сцене похорон Берендия у Гарина-Михайловского, каждый из персонажей остаётся наедине с собой перед лицом смерти. Никто

не может разделить с главным героем его горе, никто не может дать ответы на его вопросы. Это подчёркивает ключевую экзистенциальную истину: человек одинок в своих главных переживаниях, и только через это одиночество он может обрести подлинное понимание себя. Однако одиночество у Ханипаева не абсолютно, герой находит опору в образе Крутого Али, который становится для него внутренним ресурсом, позволяющим не сломаться под грузом утраты, а затем в поддержке Суперкрутой команды (название временное).

Центральным художественным открытием повести Ханипаева является образ Крутого Али – альтер эго, которое создаёт для себя главный герой. С экзистенциальной точки зрения, этот образ может быть интерпретирован как попытка обретения эссенции той подлинной сущности, которая скрыта за повседневным существованием и которую необходимо обнаружить, чтобы стать собой.

Артур находится в процессе, который К.А. Абульханова-Славская называет «самоосмыслением» – «осмыслением собственной жизни, активности особого рода, направленной не просто на осознание ведущих мотивов, но и на координацию всей личности в целом» (Абульханова-Славская 1991: 85). Дневник, который ведёт мальчик, фиксирует этот процесс, и читатель становится свидетелем постепенного вызревания новой идентичности. Крутой Али – не просто фантазия, но образ, выполняющий важнейшие психологические функции, так как он защищает уязвимое «Я» от травмирующих воздействий извне, даёт ощущение силы и контроля над собственной жизнью. Герой прямо указывает на дистанцию между собой и своим идеалом: «Не сравнивай нас. Ты великий воин, а я только начинаю свой путь воина» (Ханипаев 2023: 10).

Как и герои Л. Андреева, мальчик остро переживает «ощущение своей покинутости всеми». Вспомним Сашку в доме Свечниковых: «Забившись за рояль, Сашка сел там в углу... и думал, что у него есть отец, мать, свой дом, а выходит так, как будто ничего этого нет и ему некуда идти» (Андреев 1990а: 27). Герой Ханипаева, несмотря на наличие приёмной семьи, также чувствует себя покинутым в мире, где нет настоящей матери. Однако если Сашка находит временное спасение в ангелочке – символе иной, светлой жизни, который дан ему извне, то герой Ханипаева находит спасение внутри себя, в своём воображаемом «Я». Это принципиальное различие, так как ангелочек может быть отнят, сломан, утрачен, тогда как внутренний образ Крутого Али остаётся с героем всегда, становясь неотъемлемой частью его личности.

Кульминацией экзистенциальной работы героя становится размышление о родителях и собственном бессмертии. Герой записывает в дневнике: «Наверное, тогда я и понял, что я и есть мои родители, а мои дети будут мною – и так бесконечно. Я подумал: “Бессмертный воин – звучит круто”. Осталось как-нибудь разобраться с обетом безбрачия» (Ханипаев 2023: 219). В этом фрагменте – квинтэссенция экзистенциального выбора героя: приняв конечность индивидуального существования, он утверждает бесконечность через связь поколений и через внутреннюю силу.

В экзистенциализме свобода неразрывно связана с ответственностью. Человек «обречен быть свободным» (Сартр 1989: 329), но эта свобода означает и абсолютную ответственность

за все свои выборы. Как отмечают исследователи, «одинокость как ответственность означает то, что человек сам выбирает свои поступки, человек обречён на самостоятельный выбор, он не может возложить на другого человека ответственность за свой собственный выбор» (Кручинин, Багрова 2016: 178).

Герой Ханипаева, потеряв мать и оказавшись в пограничной ситуации, вынужден взрослеть быстрее, принимать решения, брать на себя ответственность. Создавая образ Крутого Али, он принимает на себя эту ответственность осознанно. Он выбирает – быть сильным, защищать близких, не сдаваться, преодолевать страхи. В этом выборе проявляется его экзистенциальная свобода, когда перед лицом взрослого, противоречивого мира он утверждает свою волю к жизни и к действию. Даже в шутовском рассуждении об обете безбрачия сквозит серьёзная тема ответственности: «Я дал обет безбрачия. Это значит, я никогда не женюсь на Амине. Но мне себя не жалко. Жалко Амину, потому что у нее никогда не будет крутого мужа» (Ханипаев 2023: 16).

Это принципиально отличает его от героев, например, Л. Андреева. Петя после возвращения с дачи в город утрачивает способность к сопротивлению, Сашка, получив ангелочка, лишь на мгновение обретает покой, но его будущее остаётся неясным. Герой Ханипаева, напротив, активно строит своё будущее, пусть и через фантазию, через игру в «воина». Эта игра становится для него способом обретения свободы – свободы быть собой в мире, который пока ему не понятен и воспринимается враждебным.

Важно подчеркнуть, что Крутой Али у Ханипаева – это не отрицание реальности, а способ взаимодействия с ней. Герой не убегает в мир грёз, но использует воображаемый образ как опору для реальных поступков. В этом проявляется диалектика экзистенциального выбора, когда принимая условность своей идентичности, герой обретает подлинность существования. Он не становится «воином» в буквальном смысле, но присваивает себе те качества, которые необходимы ему для жизни в мире, смелость, верность, готовность защищать слабых. Важно то, что сам герой не растворяется в альт-эго, а способен вести с ним диалог, рассуждать и даже спорить, не соглашаться и поступать вопреки.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что повесть Ислама Ханипаева «Типа я. Дневник суперкрутого воина» органично вписывается в традицию русской литературы, исследующей экзистенциальные переживания ребенка. Как и его предшественники – Л. Андреев, М. Горький, Н. Гарин-Михайловский, Е. Шварц, – Ханипаев обращается к ключевым для экзистенциализма категориям пограничной ситуации, одиночеству, свободе и ответственности, отношению к смерти.

Однако писатель транслирует принципиально иное решение бытийного конфликта. Герой Ханипаева находит внутреннюю силу для переосмысления своего места в мире, отстаивает возможность быть собой и оставаться ребенком. Образ Крутого Али для него это не способ ухода от реальности, а способ сохранения внутренней целостности, обретения опоры, чтобы побороть реальные и вымышленные страхи.

Дневниковая форма повествования добавляет интимности и достоверности переживаниям мальчика, позволяет передать непосредственный ход мыслей и логики, что

делает книгу образцом напряженной рефлексии маленького человека. Она позволяет показать процесс принятия пограничной ситуации смерти, одиночества, непонимания как трудную внутреннюю работу, требующую силы духа и честности перед самим собой.

Таким образом, повесть Ислама Ханипаева «Типа я. Дневник суперкрутого воина» является примером прозы о детях которая поднимает философские и нравственные вопросы жизни и смерти, выбора и ответственности. Она вписывается в широкий контекст отечественной литературы, исследующей значимые основы детского мировосприятия, и одновременно предлагает оптимистическое прочтение этих сложных тем, утверждая ценность личности и возможность обретения счастья даже в самых сложных обстоятельствах. Повесть открывает новые перспективы для исследования данной проблематики в современной детской литературе и может служить материалом для дальнейших литературоведческих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.

Андреев Л.Н. Ангелочек // Андреев Л.Н. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990а. С. 24-31.

Андреев Л.Н. Петька на даче // Андреев Л.Н. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990б. С. 55-62.

Гарин-Михайловский Н.Г. Гимназисты // Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1957. С. 120-298.

Горький М. Детство // Горький М. Собрание сочинений в 30 т. Т. 13. М.: Гослитиздат, 1951. 452 с.

Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 23-100.

Кручинин С.В., Багрова Е.В. Экзистенциализм, проблема человека и его одиночество в экзистенциализме // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 176-182.

Култышева О. М. Творчество В. Маяковского во взаимодействии с литературным процессом 1910–1920-х годов: специальность 10.01.01 «Русская литература»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Култышева Ольга Михайловна. Москва, 2007. 480 с.

Попкова Т.Д. Экзистенциальное самосознание как духовная суть личности ребенка (на примере повести Ч. Айтматова «Белый пароход») // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 4. С. 87-96.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.

Себелева А.В., Харисов Д.Р. Экзистенциальные проблемы в повести В. Быкова «Сотников» // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции (3 февраля 2022 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. С. 127-133.

Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд. М.: Республика, 2012. 719 с.

Ханипаев И. Типа я. Дневник суперкрутого воина: [повесть] / Ислам Ханипаев. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 224 с.

Шварц Е. Сказка о потерянном времени // Шварц Е. Сказки. М.: Детская литература, 1972. С. 40-52.

Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 287-418.

Ясперс К. Философия. Кн. 2. Просветление экзистенции. М.: Канон+, 2012. 448 с.

© Себелева А.В., 2026

ФОЛЬКЛОР В РОМАНЕ РАМАЗАНА ШАЙХУЛОВА «БЕЛЫЕ СТЕПИ»

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу романа «Белые степи» югорского писателя Рамазана Шайхулова на наличие и употребление фольклорных элементов. 2026 год объявлен в России Годом единства народов. Особое внимание уделяется изучению культуры, традиций и фольклора всех народов нашей страны. Фольклор – это живая память народа, сердцевина его самобытности, источник ценностей и мировоззрения. Посредством фольклорных элементов передаётся из поколения в поколение опыт, формируются характер и духовное единство. Роман Рамазана Шайхулова «Белые степи» – художественное произведение, в котором очень ярко и достоверно раскрывается повседневная жизнь башкирской деревни XX века, богатство народных традиций и образцов устного творчества. Герои романа живут в мире, наполненном знакомыми с детства обычаями: они поют народные песни и частушки, соблюдают обряды – всё это формирует их внутренний мир. Фольклор в произведении занимает особое место – он не только оживляет повествование, но и несёт глубокий смысл, формируя национальный колорит и выражая мировоззрение башкирского народа. Через песни, легенды, пословицы, поговорки и обычаи автор передаёт богатство народной мудрости, традиций и жизненных ценностей, которые поддерживают героев в трудные моменты, помогают принимать решения, сохранять веру в себя, честь и достоинство. Систематизация и анализ фольклорного материала показали, что эти элементы органично вплетены в структуру романа: они раскрывают внутренний мир персонажей, отражают их взгляды на жизнь, усиливают образность и эмоциональность текста. Фольклорные вкрапления становятся связующим звеном между поколениями, помогают понять исторический путь народа и сохранять преемственность традиций. Роман «Белые степи» можно рассматривать как художественное произведение, где фольклор не только украшает сюжет, но и служит фундаментом для формирования национального характера, воспитания новых поколений и передачи вечных человеческих ценностей.

Ключевые слова: Шайхулов, Белые степи, легенды, песни, пословицы, поговорки, башкирская идентичность.

Сведения об авторе: Юмагужина Ляйсан Рашитовна, заместитель директора по научно-методической работе МБОУ «Белорецкий лицей-интернат» муниципального района Белорецкий район Республики Башкортостан.

Контактная информация: 453500, г. Белорецк, ул. 50 лет Октября, д. 178, каб. 22; тел. 8(34792)27273; e-mail: laysanyumaguzhina@yandex.ru

FOLKLORE IN RAMAZAN SHAIKHULOV'S NOVEL "WHITE STEPPES"

Abstract. This article analyzes the novel "White Steppes" by Yugra writer Ramazan Shaykhulov for the presence and use of folkloric elements. 2026 has been declared the Year of People's Unity in Russia. Particular attention is paid to the study of the culture, traditions, and folklore of all the peoples of our country. Folklore is the living memory of a people, the core of its identity, and the source of its values and worldview. Through folklore, experience is passed down from generation to generation, and character and spiritual unity are shaped. Ramazan Shaikhulov's novel "White Steppes" is a work of fiction that vividly and authentically reveals the daily life of a 20th century Bashkir village, its wealth of folk traditions and oral traditions. The novel's characters live in a world filled with customs familiar from childhood: they sing folk songs and ditties, observe rituals – all of these shapes their inner world. Folklore occupies a special place in the novel – it not only enlivens the narrative but also carries profound meaning, shaping the national character and expressing the worldview of the Bashkir people. Through songs, legends, proverbs, sayings, and customs, the author conveys a wealth of folk wisdom, traditions, and life values that support the characters in difficult times, help them make decisions, and maintain self-confidence, honor and dignity. Systematization and analysis of folklore material revealed that these elements are organically woven into the novel's structure; they reveal the characters' inner worlds, reflect their outlook on life, and enhance the text's imagery and emotionality. Folklore elements serve as a connecting link between generations, helping to understand the peoples's historical path and preserve the continuity of traditions. The novel "White Steppes" can be viewed as a work of fiction in which folklore not only embellishes the plot but also serves as a foundation for shaping national character, educating new generations, and transmitting eternal values.

Keywords: Shaykhulov, White Steppes, legends, songs, proverbs, sayings, Bashkir identity.

About the author: Yumaguzhina Laysan Rashitovna, Deputy Director Scientific and Methodological Work of the Beloretsk Lyceum-boarding school of the municipal district of the Beloretsk of the Republic of Bashkortostan.

Contact information: 453500, Beloretsk, st. 50 let Oktyabrya, 178, room 22; tel. 8(34792)27273; e-mail: laysanyumaguzhina@yandex.ru

В наше время проблемы фольклора становятся все более и более актуальными. Ни одна гуманитарная наука – ни этнография, ни история, ни лингвистика, ни история литературы – не могут обходиться без фольклорных материалов и изысканий. Мы понемногу начинаем сознавать, что разгадка многих и очень разнообразных явлений духовной культуры кроется в фольклоре (Пропп 1976:16). Научные выводы В.Я. Проппа до сих пор остаются актуальными. Использование фольклора в современной литературе – осознанная художественная стратегия, позволяющая авторам вести диалог с прошлым, осмыслить настоящее и формировать новые

культурные смыслы. В XXI веке обращение к фольклору приобретает особое значение на фоне глобализации и размывания национальных идентичностей.

Исследование места фольклора в художественном тексте направлено, в первую очередь, на выявление связей фольклорных элементов с другими элементами художественной системы произведения как целого. Важно учитывать, что системность последнего предполагает наличие в нем таких внутренних связей всех элементов, при которых идейное содержание, образные и сюжетные элементы, словесные изобразительные средства синтезированы в органическое единство, систему, части которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. При таком системном подходе художника к фольклорному материалу, когда введение отдельной фольклорной единицы функционально оправдано, обращение к народному поэтическому началу не только не оспаривает художественной самостоятельности литературного текста, но способствует его идейно-эстетическому своеобразию и целостности. Подобный аспект взаимоотношений фольклора и литературы возможен на стадии развитых литератур; в произведениях зрелой литературы фольклорные элементы способны выполнять целый ряд художественных функций: стиле- и жанрообразующую, сюжетно-композиционную, функцию передачи национального колорита и психологии и т. д. (Мироненко 2008: 82).

В романе Рамазана Шайхулова «Белые степи» присутствуют ярко выраженные фольклорные элементы, которые требуют пристального научного внимания. Автор активно использует тексты башкирских народных песен, легенды, эпические мотивы, пословицы и поговорки, что придает произведению особый национальный колорит и глубину.

Роман «Белые степи» Рамазана Шайхулова основан на воспоминаниях автора о своей семье. Как отмечает сам Рамазан Шайхулов, «главная героиня этой истории – удивительный человек, моя родная бабушка Зухра. Это мать моего отца. Она родилась в 1900 году, а умерла в 2000-м. Вся история нашей страны прошла у нее перед глазами. Бабушка была непростым человеком. Она хорошо знала Коран, читала и писала на арабском языке, и на все у нее было свое мнение» (Алексеенко 2024). Неудивительно, что в романе много интересных фольклорных элементов. По словам автора, «бабушка рассказывала сказки, легенды, придания. Мама была дочерью глубоко верующего человека и воспитывала нас в мусульманских традициях. Семья и место, в котором я рос, во многом повлияли на мое мировосприятие» (Алексеенко 2024). Действительно, в романе Рамазана Шайхулова «Белые степи» большое место занимают народные песни и легенды, органично вплетённые в судьбы героев и атмосферу башкирского быта. Одной из первых звучит песня отца Зухры – «Таштугай». Её происхождение связано с печальной легендой о девушке Консылу, которую выдали в Таштугай замуж без любви. Страдая по родным местам и своему возлюбленному Байгубеку, она встречала его тайком во время приездов, но трагически потеряла – родственники убили Байгубека ради «чести рода», а сама Консылу не вынесла потери и утопилась в реке. Введение в повествование песни «Таштугай» (Шайхулов 2024: 20) и легенды о Консылу (Шайхулов 2024: 21) неслучайны: они становятся своеобразным предисловием к важному разговору отца и дочери. Отец Зухры поступает вопреки обычаю – он обещает не выдавать дочь замуж без её согласия, что воспринимается как вызов устоям того времени,

когда судьбу молодых решали родители через договорённости и сватовство. Таким образом, песня и легенда становятся важным фольклорным и смысловым акцентом романа, подчёркивая ценность личной свободы, любви и право женщины самой выбирать свою судьбу. Фольклор здесь не просто часть антуража, а инструмент передачи нравственных ориентиров и развития сюжета.

Другой легендой о трагической судьбе влюбленных на страницах романа является казахская легенда о Козы Корпеш и Баян Сылу (Шайхулов 2024: 48) Родители Козы Корпеш и Баян поклялись друг другу поженить своих детей и еще до появления их на свет обручили. Молодые Козы и Баян действительно влюбляются в друг друга, но со смертью отца Козы, отец Баян решается выдать свою дочь за другого палуана (батыра), Кодара, тем самым нарушив договор и сделав несчастными влюбленных. Козы погибает в схватке с Кодаром. Баян мстит за смерть своего любимого Кодару и закалывает себя кинжалом на могиле Козы Корпеш. Данная легенда, рассказана Шакиром Зухре во время их встреч как свидетельство, что «любовь, прежде всего освещенная любовью ко Всевышнему, – прекрасна, всеильна» (Шайхулов 2024: 49). На наш взгляд, две трагические легенды являются символами любви, когда влюбленным не суждено вместе быть и предшествуют трагической истории любви Шакира и Зухры.

И легенда о Консылу, и легенда о Козы Корпеш и Баян Сылу становятся в романе символами вечной, но нередко трагической любви, которую не смогли победить ни чужая воля, ни обстоятельства. Эти предания находят отражение в судьбе центральных героев, Шакира и Зухры, как предвестие того, что им предстоит пройти свой собственный «лабиринт чувств» и столкнуться с испытаниями, аналогичными испытаниям героев фольклора. Народные легенды становятся эмоциональным и духовным фоном романа, формируя у читателя особое отношение к теме любви, долга и верности.

Особое значение в романе имеет легенда о Белых степях, которую отец рассказывает Зухре. Эта история не только дала название книге, но и стала для героини символом чистоты, силы духа, любви к родной земле и своему народу. Легенда помогает Зухре делать выбор, преодолевать трудности и хранить верность своим корням. Таким образом, она становится смысловой опорой всего романа.

В романе «Белые степи» прослеживается связь с башкирским народным эпосом «Урал-батыр». Эпос «Урал-батыр» – одно из величайших достояний башкирской культуры, и его влияние ощущается в жизни героев произведения. Так, у Зухры, чья молодость пришлась на начало XX века, появляется жеребёнок, которого она называет Акбузат – в честь легендарного крылатого коня из эпоса: «жеребеночка назвали Акбузатом, «который в мифологии был волшебным крылатым богатырским конем, родоначальником тулпаров, конем Урал-батыра» (Шайхулов 2024:28) Этот эпизод символичен: он показывает, что эпос «Урал-батыр» был не просто литературным памятником, а живой частью народного сознания. Истории о батырах, их подвигах и волшебных помощниках передавались из уст в уста сэсэнами – народными сказителями, сохраняя связь поколений и культурную память. Интересно, что официальное издание эпоса «Урал-батыр» состоялось только во второй половине XX века (Хусаинова 2025:

14), однако задолго до этого его сюжеты и образы были неотъемлемой частью быта и мировоззрения башкирского народа. Пример с именем жеребёнка Акбузат – яркое свидетельство того, как эпос жил в народе задолго до того, как эпос был официально зафиксирован и стал доступен широкой аудитории.

В «Белых степях» встречаются народные песни, органично вплетенные в сюжет романа героями. В песне «Буранбай», которую поёт Ислам под мандолину в Магнитогорске (Шайхулов 2024: 204-205) воспевается легендарный башкирский старшина Буранбай, который возглавил восстание против захвата вотчинных земель башкир. За свою принципиальность и борьбу за справедливость он был сослан в Сибирь. Песня «Буранбай» становится напоминанием о героическом прошлом, о важности сохранения национального достоинства и права на свою землю. Именно вдалеке от родины, в суровой индустриальной Магнитке, эти строки звучат особенно пронзительно: они поддерживают дух земляков, не позволяют забыть о своих корнях и истории народа. Через исполнение этой песни Ислам как бы передаёт эстафету памяти, связывая прошлое и настоящее, личную судьбу героя с судьбой народа в целом. Другой песней становится песня Фатхелислама перед смертью (Шайхулов 2024: 135) В этих словах заключена великая тоска по родным местам, по утраченному дому и детству. Они становятся своеобразным прощанием героя с землёй, где он вырос, символом памяти и корней. Образ камыша, из которого делают башкирский музыкальный инструмент – курай, птицы кукушки и любимого Урала – всё это застенчивое, но глубокое выражение любви к родине. Этими строками автор подчёркивает скрепляющую силу фольклора, памяти, тоски по родному, которой пронизан весь роман.

Легенда о Худайгуле и роднике Албар (Шайхулов 2024: 225) занимает важное место в романе – через неё автор раскрывает прошлое земли, на которой Зухре и её семье пришлось начинать новую жизнь после Мардыкая. Эта история показывает не только суровость новых мест, но и сложные отношения между людьми: алчность, жадность, борьбу за ограниченные ресурсы. Легенда иллюстрирует, как у местных жителей формировалось отношение к родной земле – одновременно как к источнику жизни и арене испытаний. Включение этой легенды помогает глубже понять, с какими трудностями сталкивались герои, а также подчёркивает непрерывную связь времён, память о прошлом и уроки, которые несёт каждая частичка родной земли.

Особое место занимают народные праздники, семейные и сельские торжества, которые сопровождаются музыкой, песнями, играми на национальных инструментах и, конечно, частушками – короткими, задорными куплетами, отражающими дух народа, его юмор, отношение к жизни и событиям. Частушки Айсы в романе «Белые степи» (Шайхулов, 2024: 236) – яркое воплощение башкирской народной культуры. Это не просто жанр фольклора, а настоящий живой голос народа, с помощью которого сохраняются и передаются традиции праздников, веселья и коллективного единения. Через частушки герои выражают свои чувства, делятся радостью, шутят и обсуждают важные для всех события, что делает их неотъемлемой частью башкирских праздников и повседневной жизни.

В романе «Белые степи» немаловажными становятся пословицы и поговорки, наполняющие повествование живой народной мудростью. Через эти короткие, меткие выражения раскрывается национальный характер, уклад жизни и ценности башкирского народа. Пословицы становятся не только украшением речи героев, но и своеобразным кодом, хранящим опыт многих поколений. Они помогают понять, как люди тогда смотрели на труд, семью, отношения и жизнь в целом, и делают роман по-настоящему близким каждому, кто дорожит своими корнями и культурой.

Цитаты из романа отражают, как народная мудрость определяет поведение героев и их отношение к жизни. Например, Зухра всегда помнит слова отца: «Надо трудиться, лень – друг бедных» (Шайхулов 2024: 40), – тем самым подчёркивается уважение к труду и неприятие праздности как важных жизненных ценностей. Не менее показателен и фольклорный афоризм: «Чем рост с верблюда, лучше ум с пуговку» (Шайхулов 2024: 60). Так в романе характеризуется Нурмый – человек, который несмотря на физическую силу, не проявляет ни мудрости, ни доброты, наоборот, унижает слабых и творит нелепые поступки.

Не зря башкиры говорят: “Заман бозок түгел, эзэм бозок” («Не время злое, человек зол») (Шайхулов 2024: 152). В этой народной пословице заключён глубокий смысл: корень всех бед – не столько в обстоятельствах, сколько в поступках и характере людей. Эта мысль красной нитью проходит через судьбы героев романа, напоминая читателю, что именно человеческое отношение, милосердие и совесть определяют жизнь общества, а не только суровость времени.

В романе встречаются яркие башкирские пословицы, помогающие глубже понять поступки и характеры героев: о Халиде-енге автор говорит: «Чтобы выжить и оберегать свой дом от всяких пересудов, она была, как в поговорке: “Ат кеук эшлэй, эт кеук ырылдай” (Работает как лошадь, огрызается как собака)» (Шайхулов 2024: 187). Эта пословица подчеркивает трудолюбие, стойкость и готовность постоять за себя в непростых жизненных условиях. «Смелость – половина счастья» (Шайхулов 2024: 188) – ещё одна мудрость, отражающая отношение башкир к жизни: быть решительным зачастую важнее, чем ждать идеальных обстоятельств. А в обращении Зухры к Исламу звучит ирония народного опыта: «Кто долго выбирает, тому плешивая (лысая) жена достается» (Шайхулов 2024: 200) – напоминание не затягивать с важными решениями.

Ахметша, отец Салимы, говорит: «Не зря башкиры говорят: у терпения золотое дно» (Шайхулов 2024: 206). Эта пословица подчёркивает, что терпение и выдержка – одна из главных добродетелей, которая всегда вознаграждается. Народная мудрость ещё раз напоминает героям и читателю: умеющий терпеть и ждать обязательно будет вознаграждён, а в сложных обстоятельствах именно терпение помогает достичь цели и сохранить внутреннюю стойкость.

Гостеприимство башкирского народа подчеркивается пословицей «Кунак килһә ит бешә, ит бешмәһә бит бешә» «Для гостей мясо румянится, а если мяса нет, то щеки краснеют» (Шайхулов 2024: 262). Эта пословица с доброй самоиронией показывает гостеприимство башкир: если есть чем угостить – угощают от души, а если нет – всё равно стараются, но уже становится неловко перед гостями. Народная мудрость говорит о том, что главное в

гостеприимстве – не богатый стол, а искреннее желание порадовать пришедших, даже если возможностей немного.

В романе «Белые степи» одной из особенностей характера Ислама является его умение рассказывать короткие, остроумные истории и анекдоты о Ходже Насреддине – знаменитом фольклорном герое тюркских народов (Шайхулов 2024: 206). Эти юмористические рассказы не только развлекают и разряжают атмосферу среди окружающих, но и учат народной житейской мудрости, находчивости, иронии в отношении к жизни и людям. Через этот приём автор подчеркивает тесную связь башкир с широким тюркским культурным пространством, а также показывает, как важно уметь сохранять оптимизм, внутреннее достоинство и чувство юмора даже в самых сложных обстоятельствах. Образ Ходжи Насреддина в устах Ислама становится напоминанием: смех и мудрость идут рука об руку, а фольклор – неотъемлемая часть не только традиции, но и повседневной жизни народа.

Таким образом, фольклор в романе «Белые степи» выполняют не просто декоративную роль – они становятся живой нитью, связывающей поколения и культуры. Легенды, песни, частушки, отсылки к эпосу «Урал-батыр», пословицы и поговорки занимают в романе особое место – через них автор раскрывает глубинную связь поколений, преемственность традиций и богатство народной культуры, которая веками передавалась из уст в уста. Именно фольклор формирует у героев жизненные ценности: уважение к родным, любовь к своему краю, стремление к справедливости и достоинству. Фольклор становится не просто художественным приёмом, а живым источником силы и вдохновения для героев, напоминая каждому читателю о важности помнить свои корни и беречь духовное наследие народа, формируя тем самым башкирскую идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев К. Очнись, поэтенок. URL: <https://mvremya.ru/article/26544/> (1.04.2026).

Мироненко Е.А. К вопросу о фольклоризме. Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2008. № 6. С. 78-84. URL: <https://clck.ru/3TfMfw> (02.04.2026).

Поэма Козы Корпеш и Баян Сылу. URL: <https://clck.ru/3TdLwu> (02.04.2026).

Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Москва: «Наука», 1976.

Рассказы о Ходже Насреддине. URL: <https://clck.ru/3TdLxa> (02.04.2026).

Хусаинова Г.Р. Эпос «Урал-батыр» – выдающееся этнокультурное достояние башкирского народа // Материалы I Научно-практического круглого стола «Чтения Урал-батыра» («Урал батыр укызулары»). Башкирский край №2 (17). Том 2. 2025. Уфа, 2025. С. 14-19.

Шайхулов Р.Н. Белые степи. Москва: Эксмо, 2024. 320 с.

Эпос «Урал-батыр». URL: <https://skazkisomnoi.ru/skazki/ural-batyr> (02.04.2026).

© Юмагужина Л.Р., 2026

УДК 811.112.2'36

doi.org/10.36906/2500-1795/26-1/08

Архипова И.В.

ПРИНЦИП МНОГОУРОВНЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ТАКСИСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ НЕМЕЦКИХ ПРЕДЛОЖНО-ДЕВЕРБАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования таксисных значений в предложно-девербативных конструкциях (ПДК) современного немецкого языка. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления методологической фрагментарности в изучении данных конструкций и разработки целостной теоретической модели, объясняющей механизмы семантической интеграции разноуровневых языковых средств. Научная новизна работы заключается в обосновании и последовательной реализации принципа многоуровневого взаимодействия как фундаментального механизма порождения таксисной семантики в ПДК. Цель исследования – выявить и системно описать совокупность разноуровневых факторов, детерминирующих реализацию отношений одновременности и разновременности. Материалом послужила выборка объемом 10000 высказываний, полученная методом сплошной выборки из Лейпцигского национального корпуса немецкого языка. Методологическую основу составляет интегративный подход, сочетающий функционально-семантический, контекстуальный и компонентный анализ в единстве ономазиологического и семасиологического аспектов. В результате исследования установлено, что таксисное значение ПДК формируется в результате нелинейного взаимодействия четырех уровней: 1) словообразовательного (параметр вербогенности девербатива); 2) лексико-аспектуального (акциональная семантика); 3) реляционного (категориальная семантика предлога); 4) контекстуально-модуляционного (аспектуальные характеристики главного предиката, детерминанты, дискурсивные факторы). Выявлены типовые комбинации данных параметров, регулярно продуцирующие определенные таксисные модели: конструкции одновременности (с предлогами *bei*, *in*, *während*, *mit*) и конструкции разновременности (с предлогами *vor*, *nach*, *seit*). Доказано, что предложно-девербативные конструкции представляют собой динамическую семантико-синтаксическую систему, итоговое значение которой возникает в результате интегративного взаимодействия всех выделенных уровней. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории таксиса, функциональной грамматики и грамматики конструкций, а также могут найти применение в практике преподавания немецкого языка.

Ключевые слова: таксис, предложно-девербативные конструкции, интегративный анализ, вербогенность, акциональный класс, семантика предлога, немецкий язык.

Сведения об авторе: Архипова Ирина Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков факультета иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет, ORCID 0000-0002-0685-335X.

Контактная информация: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28, учебный корпус № 1, блок 4, ауд. № 415; e-mail: irarch@yandex.ru

I.V. Arkhipova

THE PRINCIPLE OF MULTILEVEL INTERACTION IN THE FORMATION OF TAXIS MEANINGS OF GERMAN PREPOSITIONAL-DEVERBATIVE CONSTRUCTIONS

Abstract. This article examines the formation of taxis meanings in prepositional-deverbative constructions (PDCs) in modern German. The relevance of this study stems from the need to overcome methodological fragmentation in the study of these constructions and to develop a coherent theoretical model explaining the mechanisms of semantic integration of multi-level linguistic resources. The scientific novelty of this work lies in the substantiation and consistent implementation of the principle of multi-level interaction as a fundamental mechanism for generating taxis semantics in PDCs. The aim of the study is to identify and systematically describe the set of multi-level factors that determine the implementation of relations of simultaneity and non- simultaneity. The material is a sample of 10,000 utterances obtained using the continuous sampling method from the Leipzig National Corpus of the German Language. The methodological basis is an integrative approach combining functional-semantic, contextual, and componential analysis within the unity of onomasiological and semasiological aspects. The study revealed that the taxis meaning of prepositional-deverbative constructions is formed as a result of nonlinear interaction of four levels: 1) word-formation (verbogenicity parameter of the deverbative); 2) lexical-aspectual (actional semantics); 3) relational (categorical semantics of the preposition); 4) contextual-modulation (aspectual characteristics of the main predicate, determinants, discursive factors). Typical combinations of these parameters that regularly produce certain taxis models were identified: constructions of simultaneity (with the prepositions *bei, in, während, mit*) and constructions of multitemporality (with the prepositions *vor, nach, seit*). It was proven that prepositional-deverbative constructions represent a dynamic semantic-syntactic system, the final meaning of which arises as a result of the integrative interaction of all the identified levels. The obtained results contribute to the development of taxis theory, functional grammar and construction grammar, and can also find application in the practice of teaching German.

Keywords: taxis, prepositional-deverbative constructions, integrative analysis, verbogenicity, actional class, preposition semantics, German language.

About the author: Arkhipova Irina Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Romano-Germanic Languages, Faculty of Foreign Languages, Novosibirsk State Pedagogical University, ORCID 0000-0002-0685-335X.

Contact information: 630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya str., 28, academic building No. 1, block 4, room. № 415; e-mail: irarch@yandex.ru

Введение.

Категория таксиса, понимаемая как грамматически выраженная временная соотнесённость двух и более ситуаций в рамках единого высказывания, занимает центральное место в исследованиях по функциональной грамматике (Бондарко, 2011, 2017). В современной лингвистике наблюдается устойчивая тенденция к расширению проблемного поля таксисных исследований: от классических описаний категориальной семантики (Бондарко, 2011, 2017) к анализу конкретных средств актуализации временных отношений (Архипова, 2023, 2025; Снигирева, 2013) и далее – к сопоставительным и типологическим исследованиям (Иволина, 2024; Макаров, 2025; Недялков, Отаина, 2017; Недялков, 2003). Особую значимость приобретает изучение «гибридных» грамматико-лексических образований, в которых таксисная семантика реализуется в неразрывной связи с другими категориальными значениями (Габдракипова, 2009; Гутникова, 2025; Саидова, 2023).

В системе современного немецкого языка одним из наиболее продуктивных средств выражения таксисных отношений выступают предложно-девербативные конструкции (далее – ПДК) типа *beim Essen* (за едой), *im Sitzen* (сидя), *nach dem Abschied* (после прощания), *mit der Erinnerung* (с воспоминанием). Данные конструкции представляют собой синтаксически компактные и семантически ёмкие единицы, выполняющие функцию обстоятельственной квалификации главного действия. Несмотря на значительное число работ, посвящённых отдельным аспектам немецких номинализаций (Болотова, 2019; Волкова, 2015; Зольникова, 2015; Мирошникова, Матасова, 2016; Knobloch, 2002; Rosdeutscher, Kamp, 2010; Benz, 2023), целостное представление о механизмах формирования их таксисной семантики до настоящего времени отсутствует. Традиционный подход к анализу ПДК характеризуется известной фрагментарностью: исследования, как правило, сосредоточены на словообразовательной структуре девербатива (Архипова, 2023; Болотова, 2019; Волкова, 2015; Зольникова, 2015; Гутникова, 2025; Мирошникова, Матасова, 2016; Knobloch, 2002; Rosdeutscher, Kamp, 2010) или на синтаксических свойствах конструкции (Нематуллоева, 2012; Benz, 2023). *Актуальность настоящего исследования* обусловлена необходимостью преодоления методологической фрагментарности и разработки интегративной модели, способной объяснить механизмы порождения таксисной семантики в ПДК. Такой подход соответствует магистральному направлению современной лингвистики, ориентированному на изучение интерфейсных явлений – зон взаимодействия различных уровней языковой системы (словообразования, лексической семантики, грамматики, дискурса).

Научная новизна работы заключается в обосновании и последовательной реализации принципа многоуровневого взаимодействия как фундаментального механизма формирования таксисных значений. В отличие от предшествующих исследований, рассматривавших отдельные аспекты функционирования ПДК, в настоящей работе предлагается целостная аналитическая модель, в рамках которой ПДК концептуализируется как динамическая

семантико-синтаксическая система. Итоговое значение такой системы возникает в результате нелинейной интеграции четырёх взаимосвязанных компонентов: 1) словообразовательного уровня (параметр вербогенности девербатива); 2) лексико-аспектуального уровня (акционально-аспектуальная классовая семантика девербатива); 3) реляционного уровня (категориальная семантика предлога-классификатора); 4) контекстуально-модуляционного уровня (семантика главного предиката, детерминанты, прагматические условия дискурса).

Цель исследования состоит в выявлении и системном описании закономерностей взаимодействия указанных уровней при формировании таксисных значений одновременности и разновременности в немецких предложно-девербативных конструкциях.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) определить параметры словообразовательного уровня, релевантные для таксисного функционирования девербативов, и установить их корреляцию с таксисным потенциалом ПДК; 2) выявить типовые комбинации акциональных классов девербативов и главных предикатов, регулярно продуцирующие определённые таксисные модели; 3) систематизировать реляционные значения предлогов, участвующих в формировании ПДК, и описать их взаимодействие с лексической семантикой девербатива; 4) проанализировать роль контекстуальных модуляторов (аспектуальные характеристики главного глагола, детерминанты, дискурсивные факторы) в окончательной «калибровке» таксисного значения.

Материалы и методы

Материал исследования составили высказывания с предложно-девербативными конструкциями, полученные методом сплошной выборки из Лейпцигского национального корпуса немецкого языка (LC). Общий объём выборки – 10000 контекстов, включающих различные типы ПДК с предлогами bei, in, mit, nach, vor, seit, während.

Методологическая основа исследования строится на синтезе нескольких научных подходов. Базовым выступает функционально-семантический подход в традиции А.В. Бондарко (Бондарко, 2011, 2017), позволяющий рассматривать таксисные средства в единстве их формы, семантики и функции в системе функционально-семантического поля. Исследование реализует комбинированный ономазиологически-семасиологический принцип, предполагающий анализ как «от значения к средствам его выражения» (ономазиологический аспект), так и «от средств выражения к их семантике» (семасиологический аспект). Контекстуальный анализ применяется для выявления роли дискурсивных факторов в актуализации таксисных значений. Компонентный анализ используется для описания семантической структуры девербативов и предлогов. Сопоставительный метод позволяет выявить специфику различных типов ПДК при реализации отношений одновременности и разновременности.

Результаты и обсуждение.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что таксисное значение ПДК формируется в результате интегративного взаимодействия четырёх основных уровней, каждый из которых вносит специфический вклад в итоговую семантику конструкции.

Первый уровень – словообразовательный (параметр вербогенности девербатива различных словообразовательных моделей). Под *вербогенностью* понимается степень сохранения отглагольным именем процессуальных свойств мотивирующего глагола. Данный параметр определяет саму возможность имени участвовать в таксисных отношениях и задаёт базовый тип концептуализации ситуации. В немецком языке вербогенность образует континуум, на котором могут быть выделены три основные зоны. Высокая вербогенность характеризует субстантивированные инфинитивы (*das Sprechen, das Sitzen, das Stehen, das Anhören, das Nachdenken*). Данные единицы максимально сохраняют процессуальную семантику глагола-прототипа, обозначают ситуацию в её динамическом развёртывании и свободно сочетаются с обстоятельственными конкретизаторами. Высокая вербогенность обуславливает способность таких девербативов выступать в роли развёрнутого фонового процессуального обстоятельства. Например:

(1) *Marie sagte rauh: «Er drückt im Sprechen ein Auge zu; er hat eine Schramme, links von der Braue ins Haar; er ist blond» (LC).* – *Мари хрипло сказала: «Он, приговаривая, прищуривает глаз; у него шрам от брови в волосы; он блондин».*

В примере (1) девербатив *im Sprechen* актуализирует не просто фоновое действие, а конкретный образ осуществления главного действия (*drückt ein Auge zu*), что становится возможным именно благодаря высокой степени процессуальности субстантивированного инфинитива.

Средняя вербогенность свойственна отглагольным существительным на *-ung* типа *die Untersuchung, die Betrachtung, die Handlung, die Bewegung*. Данные единицы сохраняют процессуальную семантику лишь частично, акцентируя результативность, фактуальность или событийность. Они обозначают ситуацию как целостный факт, что ограничивает их способность к выражению развёрнутой процессуальности, но делает их эффективным средством обозначения событийного фона:

(2) *Bei der Untersuchung des Patienten wurde eine deutliche Vergrößerung der Leber festgestellt (LC).* – *При обследовании пациента было обнаружено значительное увеличение печени.*

Низкая вербогенность характерна для лексикализованных отглагольных образований, утративших непосредственную связь с процессом и обозначающих преимущественно результат или предмет (*der Fund, der Ertrag, die Ankunft*). Однако даже такие единицы могут участвовать в таксисных отношениях, если они обозначают событие, способное служить временным ориентиром:

(3) *Bei der Ankunft fand eine große Begrüßungszeremonie mit Tieropfern statt (LC).* – *По прибытии состоялась большая церемония приветствия с жертвоприношениями животных.*

Второй уровень – лексико-аспектуальный уровень (акциональная семантика девербатива). Акциональный класс девербатива задаёт «семантическую заготовку» события, определяя его внутреннюю временную структуру. На материале немецких ПДК могут быть выделены следующие акциональные типы, релевантные для таксисной семантики. Статальные девербативы обозначают состояния, не предполагающие внутренней динамики и

не имеющие естественной границы: *das Sitzen, das Stehen, das Liegen, das Schweigen, das Harren*. Данные единицы создают устойчивый темпоральный фон, на котором развёртываются главные события:

(4) *Er war im Sitzen auf der Tribüne des Stadions eingeschlafen, aber es war ihm, als schlafte er in einem Bett (LC)*. – Он сидя на трибуне стадиона заснул, но ему казалось, что он спит в кровати.

Дуративно-процессуальные девербативы обозначают действия, развёртывающиеся во времени, но не ориентированные на достижение внутреннего предела: *das Nachdenken, das Anhören, das Betrachten, das Suchen, das Warten*. Они формируют процессуальный временной континуум, внутри которого может произойти точечное или предельное событие:

(5) *Beim Anhören dieser Worte der Mutter erkannte Gregor, daß ... (LC)*. – Прислушиваясь к этим словам матери, Грегор понял, что ...

Трансформативные (предельные) девербативы обозначают события, ориентированные на достижение внутреннего предела и имеющие чёткую границу завершения: *das Einschlafen, das Ankommen, das Verlassen, das Öffnen, das Schließen*. Данные единицы эффективны при выражении отношений строгого предшествования или следования:

(6) *Vor dem Einschlafen dachte sie noch einmal an den seltsamen Traum (LC)*. – Перед тем как заснуть, она ещё раз подумала о странном сне.

Точечные (моментальные) девербативы обозначают события, не имеющие временной протяжённости и воспринимаемые как единый момент: *der Schreck, der Ruck, der Knall*. В сочетании с предлогами они маркируют точку временной локализации:

(7) *Beim Knall der Explosion fuhren alle zusammen (LC)*. – При взрыве все вздрогнули.

Третий уровень – реляционный (категориальная семантика предлога). Предлог выполняет системообразующую функцию, накладывая на лексико-аспектуальную семантику девербатива реляционную рамку и классифицируя тип таксисного отношения. Предлоги синкретичной одновременности *bei, in (+ Dat.)* актуализируют отношения соприсутствия ситуаций, часто осложнённые обстоятельственными оттенками способа, условия или образа действия:

(8) *Sie tranken im Stehen die Gläser aus (LC)*. – Они выпили бокалы стоя.

Предлог чистой одновременности *während* максимально абстрагирован от дополнительных обстоятельственных значений и специализируется на выражении отношения включения одного события в длительность другого:

(9) *Während des Essens meldete das Einjährige ein Bedürfnis an (LC)*. – За едой годовалый ребёнок заявил о потребности.

Предлог совместности/отправного пункта *mit* актуализирует отношение сопутствования, часто с импликацией причинно-следственной или инструментальной связи:

(10) *Mit der Erinnerung an den Besuch des Herrn stürzte das Glück in sie hinein (LC)*. – С воспоминанием о визите господина счастье нахлынуло на неё.

Предлог строгого предшествования *vor* задаёт отношение ориентации на фазу до наступления события девербатива, часто осложнённое модальностью ожидания или предотвращения:

(11) *Vor dem Absteigen sagte ich noch, er solle auch ein ordentliches Waschbecken dorthin tragen (LC).* – *Прежде чем сойти, я сказал, чтобы он отнёс туда ещё и приличный умывальник.*

Предлог строгого следования *nach* маркирует отношение ориентации на фазу после завершения события девербатива:

(12) *Nach dem Abschied geht er seelenruhig vom Flugplatz (LC).* – *После прощания он уходит со спокойной душой с аэродрома.*

Предлог нестрогого следования с элементом одновременности *seit* устанавливает отношение, при котором событие девербатива служит точкой отсчёта для длящегося состояния или действия главного предиката:

(13) *Seit der Scheidung lief Müller an ihm vorbei, ohne ihn zu kennen (LC).* – *С тех пор как развелись, Мюллер проходил мимо, не узнавая его.*

Четвёртый уровень – контекстуально-модуляционный. Окончательная «калибровка» таксисного значения осуществляется под влиянием факторов контекстуально-модуляционного уровня, среди которых наиболее значимыми выступают аспектуальные характеристики главного предиката, детерминанты при девербативе и общие прагматические условия дискурса. Аспектуальный класс главного предиката вступает во взаимодействие с акциональной семантикой девербатива, формируя типовые таксисные модели (модель «фон – ключевое событие»; модель «исходная точка – последующее состояние» и др.).

Проведённый анализ позволяет представить формирование таксисных значений в ПДК как результат взаимодействия всех рассмотренных уровней. В зависимости от комбинации параметров могут быть выделены две основные группы конструкций.

1. Конструкции одновременности. Они характеризуются следующими типовыми параметрами: девербативы преимущественно статальные или дуративно-процессуальные (высокая/средняя вербогенность); предлоги *bei*, *in* (+ *Dat.*), *während*, *mit*; главный предикат может принадлежать к различным акциональным классам, что определяет оттенок отношения одновременности – от чистого соприсутствия до инструментально-модальной квалификации. Например:

(14) *Beim Tanzen vergaß sie alle Sorgen (LC).* – *Танцуя, она забывала все заботы.*

В данном примере девербатив *Tanzen* (высокая вербогенность, дуративно-процессуальный) в сочетании с предлогом *bei* и дуративным глагольным предикатом в форме претерита *vergaß* актуализирует отношение сопутствующего фонового процесса, в рамках которого развёртывается главное действие.

2. Конструкции разновременности. Они характеризуются иными параметрами: девербативы преимущественно трансформативные или точечные (часто со средней/низкой вербогенностью); предлоги *vor*, *nach*, *seit*; главный предикат ориентирован на фазу до или после события девербатива. Например:

(15) *Nach der Ankunft in Berlin meldete er sich sofort bei seiner Familie (LC).* – По прибытии в Берлин он сразу же связался с семьёй.

Здесь девербатив *Ankunft* (низкая вербогенность, точечный) в сочетании с предлогом *nach* и точечным глагольным предикатом *sich melden* в форме претерита задаёт чёткую хронологическую последовательность событий.

Заключение.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Таксисные значения, выражаемые немецкими предложно-девербативными конструкциями, формируются в результате нелинейного интегративного взаимодействия четырёх уровней: словообразовательного (параметр вербогенности девербатива), лексико-аспектуального (акциональная семантика), реляционного (категориальная семантика предлога) и контекстуально-модуляционного (аспектуальные характеристики главного предиката, детерминанты, дискурсивные факторы). Параметр вербогенности определяет базовую способность девербатива участвовать в таксисных отношениях и задаёт тип концептуализации ситуации: высокая вербогенность (субстантивированные инфинитивы) обеспечивает выражение развёрнутой процессуальности; средняя (имена на *-ung*) – событийности и фактуальности; низкая (лексикализованные образования) – точечной событийности-ориентира. Акциональная семантика девербатива (статальная, дуративно-процессуальная, трансформативная, точечная) в комбинации с акциональным классом главного предиката формирует типовые таксисные модели: «фон – ключевое событие», «исходная точка – последующее состояние», «коинциденция». Система немецких предлогов, участвующих в образовании ПДК, представляет собой дифференцированную классификацию таксисных отношений: предлоги синкретичной одновременности (*bei, in*), чистой одновременности (*während*), совместности/отправного пункта (*mit*), строгого предшествования (*vor*), строгого следования (*nach*), нестрогого следования (*seit*). Контекстуально-модуляционный уровень осуществляет финальную калибровку таксисного значения, конкретизируя характер временного перекрытия ситуаций и адаптируя абстрактную грамматико-лексическую схему к условиям конкретного высказывания.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в корпусно-статистической верификации предложенной модели на репрезентативных массивах текстов с целью установления объективных количественных корреляций между выделенными параметрами, в когнитивно-дискурсивном анализе функциональной специфики предложно-девербативных конструкций в процессах концептуальной интеграции при их реализации в научном, публицистическом, художественном и разговорном типах дискурса, в сопоставительно-типологическом исследовании аналогичных конструкций в других германских и разноструктурных языках для выявления универсальных и идиоэтнических характеристик таксисной организации, а также в диахроническом изучении динамики продуктивности и семантической эволюции различных типов предложно-девербативных конструкций. Реализация указанных направлений будет способствовать формированию интегративной

теории грамматико-семантического интерфейса и углублению понимания функционального статуса сложных номинализаций в языковой системе.

ЛИТЕРАТУРА

Архипова И.В. Категория таксиса как семантический фокус межкатегориального взаимодействия // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2025. Т. 35. № 2. С. 447-451. doi.org/10.35634/2412-9534-2025-35-2-447-451.

Архипова И.В. Немецкие девербативы: от таксисных функций к их актуализации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 4. С. 82-93.

Болотова Е.В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 1. С. 108-112.

Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.

Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 234-242.

Волкова И.В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 147-154.

Габдракипова Р.З. Производное слово как компонент функционально-семантического поля таксиса // Вестник Иркутского государственного университета. 2009. № 3. С. 93-98.

Гутникова А.В. Семантика безаффиксных отглагольных имён существительных (на материале средневерхненемецкого и современного немецкого языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2025. № 2 (357). С. 17-24.

Зольникова Н.Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225-229.

Ивонина М.Ю. Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 75-82.

Макаров И.М. Причастия прошедшего времени на -ган как средство выражения таксиса (на материале татарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 2. С. 460-464.

Мирошникова З.А., Матасова О.В. Сопоставительный анализ деривационных рядов девербативов (на материале русского и немецкого языков) // Наука и общество. 2016. № 1 (24). С. 101-108.

Недялков В. П., Отаина Т. А. Типологические и сопоставительные аспекты зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 296-319.

Недялков И. В. Зависимый таксис в разноструктурных языках: значения одновременности / предшествования / следования // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/ вариативность. Спб.: Изд-во «Наука», 2003. С. 156-173.

Нематуллоева М. ССП как конститuent ФСП независимого таксиса // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (29). С. 79-85.

Саидова Ф.З. Актуализация таксиса в русском и немецком языках (на материале отглагольных существительных) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2023. № 1 (79). С. 203-211.

Снигирева О.М. Таксисные значения причастных форм немецкого языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 3. С. 188-191.

Benz J. The syntax of the content reading in German nominalizations // Proceedings of the 53rd Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 53). 2023. P. 25-34.

Knobloch C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerivation: -ung-Nomina im Deutschen // Sprachwissenschaft. 2002. Bd. 27. S. 333-362.

LC – Leipzig Corpora Collection (дата обращения: 23.03.2026), <https://corpora.uni-leipzig.de>

Rosdeutscher A., Kamp H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of ung-nouns // The Semantics of Nominalizations across Languages and Frameworks / Ed. by M. Rathert, A. Alexiadou. Berlin: De Gruyter, 2010. P. 169-215.

© Архипова И.В., 2025

ДИАЛОГИЧНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье рассматривается проблема диалогизации художественного текста (ХТ), определяются различные типы художественного диалога, их стратегическая направленность, функциональная и концептуальная значимость. Актуальность исследования обусловлена комплексным подходом к объекту исследования с учетом его семантико-стилистических, прагматических, функциональных, концептуальных характеристик, а также недостаточной разработанности этой проблемы в плане типологии художественных диалогов и их стратегической направленности. В статье разрабатывается проблема типологии процессов диалогизации в ХТ и различных форм их языковой репрезентации. Соответственно определены такие типы диалогов: «автор – читатель», «автодиалог автора», «персонаж – персонаж», «автодиалог персонажа», «автор₁ – автор₂», каждый из которых характеризуется специфическими свойствами. Диалог автор – читатель выполняет ключевую роль в конструировании ХТ, объединяя и подчиняя себе все остальные типы диалогов. Важнейшим вопросом, связанным с проблемой диалогизации ХТ, является понятие стратегической направленности диалога. Выявлены такие типы авторской стратегии как нарративная, стилистическая, прагматическая, когнитивная, социальная и культурологическая, которые в каждом конкретном случае выступают в различных формах комбинаторного взаимодействия, при доминирующей роли одной из них. В результате проведенного исследования установлено, что диалогичность является важнейшей текстовой категорией; представлена разнообразием типов и способов репрезентации; характеризуется коммуникативностью, интерактивностью, интенциональностью, стратегической направленностью, адресованностью. Определена доминирующая роль диалога «автор – читатель», являющегося носителем основного концептуального смысла произведения и подчиняющего себе все остальные типы диалога в ХТ. Выявлены специфические характеристики персонажного диалога, такие как семантическая ёмкость, протяженность, совмещение элементов устной и письменной речи, двойственность, полифункционализм.

Ключевые слова: художественный текст, диалогичность, художественный диалог, стратегическая направленность, инференция, концептуальная значимость, полифункциональность.

Сведения об авторе: Ашурова Дилярам Умаровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и английской литературы, Узбекский государственный университет мировых языков; ORCID 0000-0002-1415-9667.

Контактная информация: 100185, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик Халка Йули, Квартал Г9А, д. 21А, Узбекский государственный университет мировых языков; тел.: +998901676756; d.ashurova@uzswlu.uz

D.U. Ashurova

DIALOGICALITY AND STRATEGIC ORIENTATION OF LITERARY TEXT

Abstract. The article discusses the problem of literary text dialogue, its strategic orientation, typology of literary dialogues, their functional and conceptual significance. The topicality and novelty of the research lie in: a) a complex and comprehensive approach to the study of the notion of literary dialogue with regard to its semantic, stylistic, pragmatic, cognitive, socio-cultural characteristics; b) insufficient study of the analyzed phenomenon from the perspective of its typological characteristics and strategic intentionality. The article develops the problem of a typology of literary dialogues and the various forms of their linguistic representation. Accordingly, the following types of dialogues are identified: “author – reader”, “author’s autodiologue”, “personage – personage”, “character’s autodiologue”, and “author₁ – author₂” each of which is characterized by specific properties. The author – reader dialogue performs a key role in the construction of the literary text, integrating and subordinating all other types of dialogue. A central issue associated with the problem of dialogicality in literary texts is the notion of the strategic orientation of dialogue. The study identifies such types of author’s strategy as narrative, stylistic, pragmatic, cognitive, social, and cultural, which in each particular case manifest themselves in various forms of combinatory interaction, with one of them assuming a dominant role. The following findings have been obtained in the course of study: dialogicality is one of the key categories of the literary text; there is a diversity of literary dialogue types and ways of their presentation in the literary text; literary dialogue is characterized by interactivity, intentionality, strategic orientation, addressiveness, semantic density, conceptual significance; the “author – reader” dialogue plays a dominant role in the literary text since it encompasses and orders all other types of literary text dialogue expressing conceptual content of the entire text and exerting aesthetic impact on the reader; e) the personal literary dialogue in contrast to real dialogue is characterized by specific features: the combination of elements of spoken and written language, stylistic markedness, semantic and emotional intensity; duality, manifested in peculiar combination of personal and author – reader dialogues, polifunctionalism.

Keywords: literary text, dialogicality, literary dialogue, intentionality, strategic orientation, inference, conceptual significance, polifunctionality.

About the author: Ashurova Dilyaram Umarovna, Doctor of Science in Philology, Professor of Linguistics and English Literature Department, Uzbek State University of World languages, ORCID 0000-0002-1415-9667.

Contact information: 100173, Uzbekistan, Tashkent, St. Kichik Halqa yoli, G-9A, 21A; tel.: +998 90 167 67 56; d.ashurova@uzswlu.uz

Положение о коммуникативной сущности языка как средства общения получило всеобщее признание в рамках всех дисциплин антропоцентрической парадигмы. Основной единицей коммуникации, по мнению исследователей, является текст (Колшанский 1984; Дейк ван, Кинч 1988; Кубрякова 2001; Болотнова 2009; Гальперин 2017; Ashurova, Galieva 2016 и др.). Г.В. Колшанский, исследуя коммуникативную функцию языка, отмечает, что в качестве единицы коммуникации выступает текст как относительно завершённый отрезок общения, несущий коллективную информационную и социальную нагрузку общения (Колшанский 1994).

Осуществляемое с помощью текста общение рассматривается как двусторонняя текстовая деятельность, направленная, с одной стороны, на построение текста (текстообразование), с другой – на его восприятие, понимание и интерпретацию (текстовосприятие). Коммуникация, осуществляемая на основе художественного текста (ХТ), относится к особому виду текстовой деятельности автора, конструирующего «воображаемый мир», и читателя, воспринимающего и интерпретирующего заложенную в ХТ эстетико-художественную концептуальную информацию. Н.С. Болотнова считает, что «благодаря текстовой деятельности (порождение, восприятие и интерпретация) передаётся информация, выражаются чувства, осуществляется контакт между людьми, происходит воздействие описываются реалии окружающего мира, познания и языка» (Болотнова 2009: 112).

Положение о коммуникативном статусе ХТ восходит к идеям М.М. Бахтина, утверждавшим, что диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка, что «язык живёт в диалогическом общении, пользующихся им» (Бахтин 1979:296). Диалогичность по мнению учёного является фундаментальным свойством человеческого мышления, языка, литературы, культуры. Особый интерес с этих позиций представляет ХТ, в котором диалогичность проявляется как на уровне авторской, так и персонажной речи. Концепция М.М. Бахтина о диалогической направленности художественного текста, об авторской интенции как одном из определяющих факторов процесса коммуникации, об активной роли адресата сохраняет актуальность и по сегодняшний день (Бахтин 1979).

Категориальный статус диалогичности как неотъемлемого свойства ХТ обусловлен взаимодействием следующих факторов: а) интерактивностью, понимаемую как совместная коммуникативная деятельность автора и читателя; б) интенциональностью, отражающую авторскую стратегическую целенаправленность на создание определённого эстетического эффекта; в) адресованностью, предполагающую наличие потенциального адресата (читателя), с учётом основных характеристики которого (возраст, пол, социальный статус, национальность, интеллект) выстраиваются стратегии автора; г) интертекстуальностью, рассматриваемую как взаимодействие и диалог текстов; д) стратегической направленностью, проявляемую в сознательном отборе языковых средств в целях оптимального достижения эстетического замысла автора (Ашурова 2025).

Одной из основных задач изучения категории диалогичности ХТ является определение различных типов диалогизации в ХТ и различных форм их языковой репрезентации. В этом плане можно выделить такие типы диалогов, как: «автор – читатель»; «автодиалог автора»;

«персонаж – персонаж»; «автодиалог персонажа» (см. Скорак 2010). Кроме того, можно выделить интертекстуальный диалог: «автор₁ – автор₂» или «текст₁ – текст₂». Все указанные типы диалогизации образуют сложную взаимосвязанную систему, обусловленную взаимодействием различных форм её языковой репрезентации.

Диалог между автором и читателем составляет основу коммуникативной модели ХТ, включая, объединяя и подчиняя себе все остальные типы диалогизации. Фактор адресанта, представленный языковой личностью автора, выполняет центральную, синтезирующую роль в конструировании ХТ. Он соотносится с категориями интенциональности, стратегической направленности и адресованности. Интенциональность, понимаемая как целенаправленная установка авторского сознания, создание смыслового содержания ХТ и оказание эстетического воздействия на читателя, осуществляется структурно-семантической организацией текста.

В соответствии с авторской интенцией выстраивается стратегический план, предполагающий сознательный отбор и использование лексико-синтаксических средств, художественных образов, концептов, стилистических средств, художественных деталей, средств лингвокреативности и когнитивного выдвижения.

Термин «стратегия» получил в настоящее время широкое распространение в лингвистике (см. труды Дейка ван, Кинча, 1988; Арутюновой 1990; Иссерс 2017; Карасика 2002; Демьянкова 2025). Данный термин, являясь междисциплинарным, активно используется во всех дисциплинах антропоцентрической парадигмы. В связи с этим типология стратегий весьма разнообразна и находится в прямой зависимости от лингвистического направления, типа текста/дискурса, его когнитивного стиля, жанровой принадлежности.

В общем плане всё многообразие стратегий подразделяется на коммуникативные, прагматические, стилистические, интертекстуальные и социокультурные. В ХТ в рамках каждой из обозначенных типов стратегий выделяются определённые подтипы или тактики в зависимости от типа диалога. Анализ процессов диалогизации в ХТ с позиции их стратегической направленности, позволяет выявить определённые закономерности, проявляемые в соотносённости диалога и стратегии и тактик его использования в ХТ.

Так в диалоге «автор – читатель» преимущественную роль выполняют нарративные стратегии (организация повествования), предполагающие выбор системы языковых средств направленных на эксплицитное или имплицитное, интеллектуальное или эмоциональное воздействие на читателя. Стилистическая стратегия заключается в композиционном построении ХТ, в отборе выразительных средств языка, стилистических приемов и художественных деталей, способствующих оптимальной реализации авторской художественно-эстетической целеустановки.

Когнитивная стратегия, выполняющая приоритетную роль в ХТ, заключается в: а) построении концептосферы ХТ, состоящей из иерархического взаимодействия доминантных и вторичных художественных концептов; б) выдвижении концептуально значимой информации посредством использования языковых средств (языковые девиации, структурно-семантические трансформации, конвергенция стилистических приёмов и др.);

в) использовании лингвистических механизмов смыслопорождения, обусловленных процессами метафоризации, символизации и концептуальной интеграции; г) активации энциклопедических структур знаний; д) организации текстовой информации на основе когнитивных принципов иконичности, языковой экономии, избыточности и контраста.

Социолингвистическая стратегия проявляется в авторском отборе социально маркированных языковых единиц и фрагментов текста, отражающих вопросы социального устройства общества, его социальные проблемы (социальная, расовая, гендерная дискриминация, терроризм и т. д.), социального, профессионального, возрастного статуса персонажей, их личностных характеристик.

Культурологическая стратегия строится на отборе системы лингвокультуры, т.е. культурно-маркированных единиц, транслирующих культурные ценности морально-нравственного, религиозно-мифологического, эстетического и т.д. характера. Кроме того, культурологическая стратегия автора направлена на использование национально-маркированных единиц и текстовых фрагментов, отражающих национальный менталитет, характер и образ жизни, национальные реалии, традиции и ритуалы. Значительная роль в реализации авторской культурологической стратегии принадлежит культурным концептам, определяющим аксиологическую значимость ХТ и его национально-культурную специфику.

Исходя из понимания ХТ как двусторонней коммуникативной деятельности в рамках диалога «автор – читатель», необходимо рассматривать не только авторские стратегии, но и стратегии читателя. Мы проанализировали авторские стратегии, направленные на кодирование концептуальной информации, которая в ХТ представлена, как правило, в имплицитной форме. Стратегия читателя – это стратегия декодирования имплицитной информации, стратегия понимания и интерпретации ХТ. Весомый вклад в теорию стратегической обработки текста внесли исследования Т.А. ван Дейка и В. Кинча, разработавших стратегическую модель понимания текста, определив её основные характеристики и когнитивные основания, зависимость от текстовой базы, ситуационной модели, знаний и опыта интерпретатора (Дейк, Кинч 1988). Значимым для целей нашего исследования является положение о многоуровневой структуре понимания текста, о взаимодействии языковых и когнитивных структур, об активной роли читателя в процессе интерпретации ХТ, о значимости когнитивной операции инференции (получение выводных знаний на основе умозаключений, рассуждений, обобщений и выводов).

Стратегия читателя – это стратегия понимания и интерпретации ХТ, что предполагает: а) нахождение маркеров стилистической, прагматической, концептуальной, социокультурной информации; б) выявление их интерпретирующей функции. Маркерами стилистической информации, как уже отмечалось, является использованная в ХТ система выразительных средств, стилистических приёмов, художественных деталей, сигналов имплицитной информации (заглавие, эпиграф, интертекстуальные включения), художественных образов, создаваемых образными средствами. Маркерами прагматической информации являются вербальные средства, определяющие параметры коммуникативной ситуации, цели общения, пространственно-временные индикаторы. Концептуальная информация определяется

системой вербализованных в тексте художественных концептов, их иерархических концептуальных связей, а также системой средств выдвижения, сигнализирующих, как известно, о наиболее концептуально-значимой информации. Социокультурная информация и стратегия её восприятия обусловлены нахождением в тексте социально, культурно и национально маркированных единиц, культурно значимых концептов и текстовых фрагментов, описания национального характера, традиций и ритуалов.

Отмечая значимость вербальных средств в стратегическом восприятии ХТ, нельзя не подчеркнуть роль экстралингвистических факторов и контекста, а также тезауруса читателя. Следует также иметь в виду большую роль ментальных операций, обозначенных термином *инференция*, для получения выводных *инферентных* знаний в результате умозаключений, рассуждений и выводов. Декодирование имплицитной информации, заложенной в глубинной семантике ХТ, представляется невозможным без привлечения когнитивных механизмов *инференции*. Более того, исследователи когнитивисты считают, что *инференция* является необходимым условием понимания и когнитивной обработки текста (Дейк, Кинч 1988; Кубрякова 2004).

Как уже отмечалось, диалогичность ХТ характеризуется вариативными способами её языковой репрезентации. Рассмотрим некоторые особенности художественного персонажного диалога, определяющие его своеобразие в отличие от реального диалога. Предварительно отметим, что данный тип диалога являлся предметом исследования в трудах М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, В.А. Будагова, И.Р. Гальперина, В.И. Лагутина (Бахтин 1979; Виноградов 1980; Винокур 1991; Будагов 1954; Лагутин 1991). Отмечались такие особенности художественного диалога в отличие от реального, как: а) совмещение элементов устной и письменной речи; б) смысловая ёмкость; в) экспрессивность, обусловленная широким использованием стилистически маркированных средств; г) протяжённость, т. е. развернутость речевых фрагментов.

Дополнительно следует отметить выявление в ходе анализа характеристики: г) двойственность, заключающаяся в одновременной адресованности к персонажу в рамках персонажного диалога и к читателю в составе авторско-читательского диалога; д) полифункциональность, проявляемая в разнообразии стилистических, прагматических, когнитивных и социокультурных функций.

Рассмотрим на конкретном языковом материале художественный персонажный диалог из романа О. Уайльда “The Picture of Dorian Gray”.

“It should matter everything to you, Mr. Gray.”

“Why?”

“Because you have the most marvellous youth, and youth is the one thing worth having.”

“I don't feel that, Lord Henry.”

*“No, you don't feel it now. Some day, when you are old and **wrinkled and ugly**, when thought has seared your forehead with its lines, and passion branded your lips with its hideous fires, you will feel it, you will feel it terribly. Now, wherever you go, you **charm the world**. Will it always be so? ... You have a **wonderfully beautiful face**, Mr. Gray. Don't frown. You have. And beauty is a **form of***

genius – is higher, indeed, than genius, as it needs no explanation. It is of the great facts of the world, like sunlight, or spring-time, or the reflection in dark waters of that silver shell we call the moon. It cannot be questioned. It has its divine right of sovereignty. It makes princes of those who have it. You smile? Ah! when you have lost it you won't smile... To me, beauty is the wonder of wonders. It is only shallow people who do not judge by appearances. The true mystery of the world is the visible, not the invisible. ... Yes, Mr. Gray, the gods have been good to you. But what the gods give they quickly take away. You have only a few years in which to live really, perfectly, and fully. When your youth goes, your beauty will go with it, and then you will suddenly discover that there are no triumphs left for you, or have to content yourself with those mean triumphs that the memory of your past will make more bitter than defeats. Every month as it wanes brings you nearer to something dreadful. Time is jealous of you, and wars against your lilies and your roses. You will become sallow, and hollow-cheeked, and dull-eyed. You will suffer horribly. ... Ah! realise your youth while you have it. Don't squander the gold of your days, listening to the tedious, trying to improve the hopeless failure, or giving away your life to the ignorant, the common, and the vulgar. These are the sickly aims, the false ideals, of our age. Live! Live the wonderful life that is in you! Let nothing be lost upon you. Be always searching for new sensations. Be afraid of nothing. ... A new Hedonism – that is what our century wants. You might be its visible symbol. With your personality there is nothing you could not do. The world belongs to you for a season. ... (Wilde, The Portrait of Dorian Grey).

Диалог между лордом Генри и Дорианом Греем характеризуется всеми присущими художественному диалогу признаками. Совмещение элементов устной и письменной речи заключается в использовании развёрнутых синтаксических конструкций наряду с краткими и одночленными структурами предложений; в сочетании нейтральной повседневной лексики с лексикой высокого регистра, включающей образные, эмотивно-оценочные слова и стилистические приёмы.

Развёрнутый диалог лорда Генри отличается высокой концентрацией выразительных средств и стилистических приёмов, что способствует усилению его экспрессивности и семантической ёмкости. Конвергенция стилистических приёмов, включающая эпитеты, художественные сравнения, метафоры, антитезы, создаёт эффект когнитивного выдвижения, подчеркивая концептуальную значимость передаваемой информации. В рамках стилистической конвергенции доминантная роль принадлежит антитезе, которая не только усиливает экспрессивность и эмоциональность диалога лорда Генри, но также выступает эффективным средством манипулятивного воздействия, противопоставляя художественные образы красоты и молодости образу старости. Это достигается контрастным использованием лексико-семантических групп положительной и отрицательной эмоциональной оценки (wonderful, beautiful, charming, great, divine, mysterious, perfect, triumphant VS ugly, wrinkled, hideous, terrible, dreadful, sallow, hollow-cheeked, dull-eyed, horrible, vulgar, sluggish). Кроме того, в качестве эффективного средства стратегии манипулирования в этом диалоге выступает лексико-синтаксические средства темпоральной семантики, выражающие идею кратковременности и быстротечности молодости и красоты (only a few years, for a season, a little time, etc.).

Двойственный характер диалога обусловлен, с одной стороны, диалогом между персонажами, с другой – диалогом между автором и читателем. Другими словами, отличительной особенностью персонажного художественного диалога является его двойная адресованность. Интересно отметить, что стратегическая направленность этих двух типов художественного диалога является различной. Стратегия лорда Генри направлена на манипулятивное воздействие на сознание и мировоззрение своего собеседника – Дориана Грея. Это достигается целенаправленным использованием лексических, синтаксических и стилистических средств. К числу лексических средств относятся: а) абстрактные существительные (*youth, beauty, life, desire, hedonism, temptation*), номинирующих непредметные сущности такие, как качества, процессы, состояния, ценностные и философские понятия; б) эмотивно-оценочная лексика, характеризующаяся социальной и культурной детерминированностью. На синтаксическом уровне необходимо отметить использование восклицательных предложений как маркеров эмоционального усиления высказывания, одночленных предложений, создающих эффект компрессии смысла и фокусировки внимания и императивные предложения, создающие эффект усиленного психологического воздействия на адресата с целью формирования его мировоззренческой позиции. Использование стилистических средств, главным образом стилистических приёмов в речи персонажа (лорда Генри) выполняет ряд стратегических установок: а) создание экспрессивности, эмоциональной оценочности, образности речи, способствующих усилению её смысловой нагрузки и воздействующего потенциала; б) формирование глубинного смысла речи персонажа, выражающего его мировоззренческую позицию и ориентированного на психологическое воздействие и манипулирование сознанием адресата.

Продолжая анализ художественного диалога, нельзя не отметить его концептуальную значимость, заключающуюся в конструировании художественных концептов YOUTH и BEAUTY. Все перечисленные лексические и синтаксические средства, выполняя стратегические задачи психологического воздействия, являются языковыми репрезентациями этих концептов. Художественный концепт, как известно, выступает смысловым центром ХТ в целом и художественного диалога в частности, что позволяет рассматривать его в качестве основного инструмента психологического воздействия на адресата. Когнитивная структура этих концептов может быть представлена пропозиционной схемой, включающей ряд оценочных пропозиций:



Рис. 1. Пропозиционная схема концептов Youth и Beauty

Смысловая глубина и положительно-эмоциональная оценка анализируемого концепта *YOUTH* усиливается за счёт его антитезного противопоставления концепту *AGE*, когнитивная структура которого включает оценочные пропозиции противоположного негативного характера.

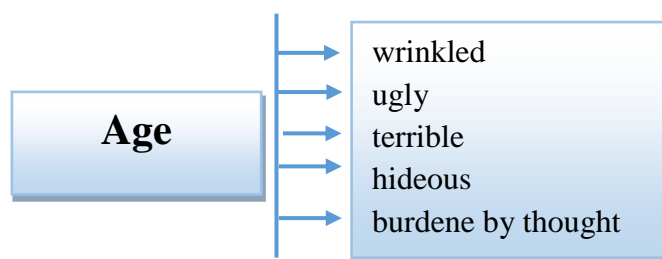


Рис. 2. Пропозиционная схема концепта *Age*

Таким образом, подчеркнута положительная оценка концепта *YOUTH* в его противопоставлении концепту *AGE* обусловлена стратегическими задачами адресанта, который используя комплиментарные выражения по отношению к Дориану Грею, создает атмосферу эмпатии и доверия, тем самым повышая эффект внушаемости.

Стратегическая направленность диалога между автором и читателем, опосредованно включенного в персонажный диалог, имеет иной характер, выдвигая задачу характеристики персонажей. Диалог лорда Генри отличается философской направленностью, высокой степенью экспрессивности и эмоциональности, что характеризует его как человека высокого интеллекта, оригинального и парадоксального склада ума. Его дар красноречия, проявляющийся в целенаправленном и эффективном использовании художественных средств выразительности, обеспечивает достижение стратегической цели, направленной на внушение в сознание Дориана идей гедонизма, культа красоты и молодости.

Диалог Дориана, включающий краткие отрицательные и вопросительные конструкции, лишен каких-либо рассуждений и утверждений (I don't feel that, What must I do?), что свидетельствует о его нравственной неопытности, нерешительности, внушаемости и психологической зависимости.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

- диалогичность является важнейшей категорией ХТ, что обусловлено факторами её коммуникативности, интенциональности, стратегической направленности и адресованности;
- ХТ характеризуется различными типами диалогизации: автор – читатель; автодиалог автора; персонаж – персонаж; автодиалог персонажа; интертекстуальный диалог. Все типы диалога представляют единую систему диалогизации ХТ, составляющую основу его коммуникативной модели;
- персонажный диалог характеризуется двойственностью, проявляемой в совмещении двух коммуникативных планов: персонажного и авторско-читательского, характеризующихся различной стратегической направленностью. Стратегия персонажного диалога ориентирована, как правило, на прагматическое воздействие на адресата, а авторско-читательский диалог направлен на характеристику персонажей и формирование персонажного образа;

• доминантную роль в системе художественных диалогов выполняет диалог «автор – читатель», так как он: а) выражает концептуальный смысл произведения; б) оказывает художественно-эстетическое воздействие на читателя; в) предполагает активную роль читателя в процессе когнитивной обработки текстовой информации; г) имплицитно присутствует во всех типах диалогизации ХТ, направляя интерпретационную деятельность читателя в соответствии с авторской стратегией.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Дискурс/Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.

Ашурова Д.У. Стилистика в парадигме когнитивно-дискурсивной теории языка. Ташкент: Magic Print Asia, 2025. 212 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.

Будагов Р.А. К вопросу о языковых стилях // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 54-67.

Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 187 с.

Винокур Г.О. О языке художественной литературы. Москва: Высшая школа, 1991. 448 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Ленанд, 2017. 144 с.

Дейк вам Т.А.; Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М.: 1988. Вып. XXIII. С. 153-211.

Демьянков В.З. Конструкционные параметры дискурса // Когнитивные исследования языка. Тамбов. 2025. № 1(62). С. 57-64.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи. М.: Ленанд, 2017. 308 с.

Карасик В.З. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемен, 2002. 477 с.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция языка. М.: Наука, 1984. 174 с.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Структура и семантика. Т. 1. М.: Наука, 2001. С. 72-81.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Лагутин В.И. Проблемы анализа художественного диалога. Кишинев: 1991.

Скорак К.В. Диалогизация художественного текста: типы и способы её актуализации в англоязычной прозе. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Санкт-Петерб. Гос. Ун-т. Спб, 2010. 19 с.

Ashurova D.U., Galieva M.R. Text Linguistics. Tashkent: Turon-Iqbol, 2016. 324 с.

СУБСТАНТИВАЦИЯ НАРЕЧИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ: КОМПОНЕНТЫ, СХЕМА, РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация. В статье описана субстантивация наречий во французском языке. Предмет работы: способы перехода неизменяемых слов в существительные. Объект: характеристики единиц, которые появились в результате трансформации. При постановке проблемы использованы материалы исследований таких ведущих ученых, как М.А. Кронгауз, А.А. Бартов, В.М. Костева, Г.И. Могилевская, М.Е. Морозова, Е.А. Земская, А.Ф. Гайнутдинова. Достаточно часто в работах названных ученых затрагиваются механизмы субстантивации в целом и наречий в частности. Однако основное внимание уделено опредмечиванию прилагательных. Можно констатировать: хотя субстантивация наречий вызывает интерес языковедов, на данный момент полноценные исследования, посвященные ей, отсутствуют. В связи с этим возникла необходимость показать широкие возможности перехода наречий в существительные, доказать важность такой трансформации для французского языка. Этим объясняется актуальность статьи. Методика исследования направлена на выявление определенных свойств субстантивированных наречий. Используются приемы формально- и функционально-грамматического анализов. Цель: уточнить лексико-грамматическую природу субстантивированных наречий. Задачи: описать способы опредмечивания наречий; охарактеризовать получившиеся транспонированные лексические единицы; доказать истинность предметной природы новых слов. Такой подход позволяет подтвердить гипотезу о неслучайности субстантивации наречий; полноценности их права быть закрепленными в узусе с учетом значительных различий между первообразными и транспонированными единицами; необходимости считать субстантивированные наречия настоящими существительными на основании соответствия определенным лингвистическим критериям. Материалы для подкрепления гипотезы были взяты из статей словаря *Le nouveau Petit Robert*, новостной ленты официальных порталов Министерства обороны Франции *Terre Magazine*, *Cols Bleus*, *Revue de Défense Nationale*.

Ключевые слова: субстантивация, существительное, наречие, категория числа существительных.

Сведения об авторе: Буханцова Евгения Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Черноморского высшего военно-морского орденов Нахимова и Красной Звезды училища им. П. С. Нахимова (г. Севастополь); ORCID 0000-0002-8731-9174.

Контактная информация: 299028, г. Севастополь, ул. Дыбенко, д. 1а, ауд. 258, тел.: + 7-978-044-63-40, e-mail: e.v.bukhantsova@gmail.com

NOMINALIZATION OF ADVERBS IN FRENCH: COMPONENTS, SCHEME, RESULTS

Abstract. The article examines the nominalization of adverbs in French. The study focuses on the mechanisms through which adverbs can be transformed into nouns and analyzes the linguistic properties of the resulting nominal forms. The research problem is formulated on the basis of works by leading linguists, including M.A. Krongauz, A.A. Bartov, V.M. Kosteva, G.I. Mogilevskaya, M.E. Morozova, E.A. Zemskaya, and A.F. Gainutdinova. Although the phenomenon of nominalization has been widely discussed in linguistic literature, most studies primarily address the substantivization of adjectives, while the nominalization of adverbs has received considerably less systematic attention. The aim of the study is to clarify the lexical and grammatical nature of nominalized adverbs in French. The research applies methods of formal and functional grammatical analysis in order to identify the structural and semantic characteristics of these units. Particular attention is paid to the mechanisms of their formation, the changes in their semantic meaning, and their syntactic distribution. The analysis demonstrates that the process of nominalization leads to the emergence of lexical units that acquire grammatical features typical of nouns and function within nominal syntactic positions. The empirical material for the study includes examples from the dictionary *Le nouveau Petit Robert* as well as from official publications of the French Ministry of Defence (*Terre Magazine, Cols Bleus, Revue de Défense Nationale*).

Keywords: nominalization, noun, adverb, the category of number of the noun.

About the author: Bukhantsova Evgenia Vladimirovna, senior teacher of the Department of Foreign Languages, Black Sea Higher Naval School named after P.S. Nakhimov (Sevastopol); ORCID 0000-0002-8731-9174.

Contact information: 299028, Sevastopol, st. Dybenko, 1a, room 258, Tel.: + 7-978-044-63-40, e-mail: e.v.bukhantsova@gmail.com

Язык является одной из форм материи и выступает инструментом общения. В связи с этим постоянно меняется в соответствии с коммуникативными потребностями общества, находится в непрерывном развитии, которое характеризуется как бессознательное движение, подчиняющееся законам. Цель непрекращающихся адаптивных процессов: максимально приспособить имеющиеся средства к эволюционирующим запросам носителей, появившимся в связи с необходимостью выразить новое содержание.

Ускорить процесс часто помогает субстантивация, способная удовлетворить самые оригинальные коммуникативные потребности. Она повышает экономичность языка, облегчает борьбу с избыточностью речи. За счет широкого использования продуктов опредмечивания расширяются номинативные возможности языка, смягчаются нормы сочетаемости слов, увеличивается количество синонимов, выражающих оттенки значения.

Лингвисты констатируют: многие улучшения становятся возможными в том числе благодаря гибкости наречий, которая позволяет им в случае необходимости брать на себя

функции существительных. Эта черта привлекает внимание все большего количества лингвистов. Причина пробуждающегося интереса вполне объяснима. Ученые всегда изучали систему опредмечивания, обеспечивающую появление новых лексических единиц. Однако подходили к вопросу довольно однобоко. По-настоящему широко посмотреть на роль субстантивации в развитии французского языка лингвистов заставил рост числа наречий, которые, совершив переход в существительное, обрели иной смысл. Это послужило стимулом для настоящего исследования. Прежде всего, приведём краткое описание частей речи, которые задействованы в процессе.

Общие характеристики имени существительного

Основные категории, которые в традиционной лингвистике определяют существительное, – род и число. Во французском они только отчасти выражаются морфологически. Информация о них чаще всего заключена в синтаксических указателях. Определить родовую принадлежность, одушевленность (неодушевленность), конкретность (абстрактность) помогают актуализаторы, детерминативы. Еще они дают наиболее четкое представление о значении предметности, которое отражено исключительно в существительных. Значительно сложнее получить нужные сведения путем анализа примеров согласования с прилагательными, причастиями.

Зато изучение сочетаемости яснее всего показывает, что существительное во французском языке является самой универсальной частью речи. Дополнительное доказательство: обилие первичных и вторичных функций. К первичным функциям относятся те, где в силу самой описываемой ситуации должно быть слово, обозначающее субстанцию. Они таковы: подлежащее; дополнение (прямое или косвенное), агенса или орудия при пассивном глаголе; именная часть сказуемого, характеризующая субъект; дополнение к имени, дающее информацию о принадлежности; приложение с идентифицирующим или квалифицирующим значением; обстоятельство времени, выражающее абсолютное время; обстоятельство места с предметным значением; обращение.

Вторичные функции: именная часть сказуемого, описывающая свойства субъекта; определение; обстоятельство образа действия или причины, условия, уступки или цели, которое чаще образуется путем свертывания придаточного предложения. Во вторичных функциях обычно употребляются отглагольные или отадективные субстантивы. Однако нетранспонированное существительное тоже вполне органично может выполнять одну из этих ролей, заменяя наречие, прилагательное, глагол. При этом морфологический переход в эти части речи исключен (Шигуров 2016: 301). Приведем примеры:

Elle est naïveté elle-même (Гак, Григорьев 2019: 408).

Faites-le avec plaisir (Фефелова 2021: 17).

Les écoliers manquent les leçons à cause de maladie (Котлярова 2018: 7).

Les filles dansent dans le cour d'école (Фефелова 2021: 18).

Vingt-deux accords ont été signés à l'occasion du séjour en Corée du chef de l'État russe (Гак, Григорьев 2019: 95).

Возможно, поэтому о положении субстантивов до сих пор идут споры. Лингвисты, которые опираются на семантические критерии, в основном считают существительное «лексической единицей, обозначающей предмет» (Балли 2018: 113). Однако есть представители этого течения, которые, одобряя содержание данного выше определения, слегка корректируют его по форме, характеризуя субстантивы как «полные слова, несущие конкретный смысл» (Сеше 2021: 89). Сторонники использования формального критерия относят существительные к разряду «не-глаголов (наравне с прилагательными)» (Баранов 2021: 8). Функционалисты, придерживающиеся классического подхода, причисляют к субстантивам слова, которые являются «полноценными лексемами, объединенными общим значением предметности» (Баранов 2021: 17). В общем, адепты критериального подхода воспринимают существительное как довольно стандартную языковую единицу.

Ученые же, которые рассматривают части речи с позиций семантических форм мышления, считают субстантивы особым языковым явлением. Первым мысль об оригинальности существительных в 1913 году высказал Д.Н. Кудрявский. До него считалось: различие между основными частями речи заключается в содержании. Он же заявил: разница состоит исключительно в системе передачи смысла. В качестве доказательства привел способность существительного «обозначать все, что угодно: и предмет, и качество, и даже действие» (Кудрявский 2021: 92). С ним согласился академик А.А. Потебня, который, обобщив пункты новой концепции, охарактеризовал существительное как «часть речи, которая не только выражает предмет сам по себе, но и ставит его в известное отношение к глаголу, означая падежом или подлежащее, или обстоятельство, или определение» (Потебня 2021: 44). Русский лингвист Ф.И. Буслаев, слегка модифицировав данную характеристику, назвал существительное «признаком, заключенным (данным, уже готовом) в чем-то определенном для мысли и без помощи другого слова» (Буслаев 2022: 63). Проанализировав мнения единомышленников, В.Н. Мигирин заключил: «все части речи, кроме существительного, можно считать признаками, а существительное – носителем этих признаков» (Костюшкина 2023: 31). Замечаем, что все ученые единодушно признают способность субстантивов отражать отдельное самостоятельное представление.

Независимые названия объектов, явлений нуждаются в особом окружении. Его обеспечивают определители, которые образуют функциональную систему, состоящую из морфологически различных элементов: определенного, неопределенного, частичного, слитного артикля, предлога *de*, указательных, притяжательных, вопросительных, неопределенных прилагательных. Только они могут помочь существительным, лишенным соответствующих флексий, выполнить нужные функции. Вместе с субстантивами определители формируют структуру именной группы, актуализируя существительное в словосочетаниях, предложениях: уточняют число существительных, дают информацию о роде, указывают на определенность (неопределенность). Таким образом «принимают участие в ограничении объема понятия о предметах» (Гак 2020: 42), давая информацию о том, какое количество единиц имеется в виду: одна, несколько, весь ряд. Неразложимые элементы, которые способствуют выполнению этой задачи, называются детерминативами. В основном,

это – служебные слова. Однако при необходимости функцию детерминатива способно взять на себя количественное наречие (например, *beaucoup, peu*).

Итак, во французской традиционной лингвистике имя существительное характеризуется как часть речи, которая:

- стоит особняком, является абсолютно независимой от других; представляет собой совершенно свободный объект мысли; может обозначать качество, действие, состояние, предмет;

- обладает грамматическими категориями рода и числа, значениями одушевленности (неодушевленности), определенности (неопределенности);

- считается самой полифункциональной (благодаря способности брать на себя роль подлежащего, дополнения, именной части сказуемого, приложения);

- характеризуется детерминативами (использование субстантивов без них немыслимо).

Общие характеристики наречия

О месте, которое во французском языке занимают наречия, языковеды тоже много спорят. Проблема отсутствия удовлетворительных критериев для описания этого класса слов поднималась в работах многих лингвистов. Чем больше ведущие ученые изучали вопрос, тем яснее видели, насколько сильно рассматриваемые лексические единицы отличаются в семантическом и функциональном планах. Действительно, трудно принять концепцию объединения в один класс слов, с одной стороны выражающих внутренние качественные характеристики действия, с другой – его условия, место, время. Единственная причина: «способность распространять сказуемое» (Сергиевский 2024: 120).

О необходимости сделать классификацию наречий более четкой говорили представители структурального направления. Они даже предлагали план. Первое: сократить количество анализируемых единиц, рассмотрев каждое наречие с позиции уникальности, чтобы исключить слова, образованные от прилагательных, готовые выполнять функции, свойственные другим частям речи. Второе: единицы, которые заканчиваются на *-ment*, переименовать в «прилагательные глагола» (название придумал Б. Потье) (Анисимова 2015: 9). Третье: перестать считать «частями языка» слова, которые обозначают обстоятельства совершения действия; назвать указанные наречия «элементами отношений», отнести их к предлогам, союзам и префиксам (идея К. Тогёбу) (Гийом 2010: 42).

Однако такая точка зрения совершенно чужда многим другим крупным лингвистам. М. Муанье, который был учеником Г. Гийома, описывая систему взаимоотношений между частями речи, подчеркивал, что «глаголы, прилагательные находятся в первой степени зависимости от существительных, наречия – во второй» (Кравченко 2021: 212). Из чего делаем вывод: лингвист считал наречие частью речи (пусть второстепенной). Идею поддержал Ш. Балли, который относил наречие к одному из четырех лексических классов слов (Балли 2018: 138). Хотя, оговоримся сразу, трактовка этих двух ученых значительно отличалась. Ш. Балли строил систематизацию «на основе формы слов», в функциональном же плане

считал наречия «свернутым выражением отношений места, времени, причины» (Балли 2018: 118).

Против столь формального освещения вопроса выступали сторонники критериального подхода (О.И. Богомолова, Л.И. Илия, Т. Дюбуа, О. Соважо), которые находили нечто общее между наречиями и существительными. Эти ученые пришли к мысли, что имя существительное нельзя назвать представителем «отдельного, независимого, главенствующего класса». Его, утверждали данные лингвисты, просто нужно считать «полной смысловой частью речи» (Чесноков 1992: 169). Наравне с другими лексическими единицами, в т. ч. наречиями. Несмотря на то, что последние обладают довольно спорными характеристиками, позволяющим в одних обстоятельствах причислять их к «глаголам», в других ситуациях – к «не-глаголам» (Гак 2020: 225).

Тем более, что наречия, как существительные, могут выполнять первичные и вторичные функции. Главная задача: характеризовать обстоятельства действия (при глаголе), интенсивность признака (при прилагательном, наречии). Возникновение дополнительных ролей становится следствием нарушения непосредственной связи с глаголом или окказионального выполнения функций других частей речи (Шигуров 2016: 301). В этот момент наречие способно стать определением, подлежащим или дополнением. Естественность замены делает переход в существительное вполне возможным вариантом развития событий.

Итак, в традиционной лингвистике наречия характеризуются как:

- неизменяемая часть речи;
- класс, представляющий в структурном отношении пеструю группу, что вызывает множество споров по поводу классификации (особенно при попытке расширить список за счет некоторых слов);
- словарное объединение без четких морфологических признаков.

Части речи или классы слов

Мнения представителей разных лингвистических школ в отношении классификации частей речи порой значительно отличаются. Невозможность найти точки соприкосновения привела некоторых ученых к мысли о том, что поиски идеальной концепции бесполезны. Все больше языковедов признают понятие «части речи» чрезвычайно условным, предлагают заменить его термином «функциональные классы слов», использование которого поможет более точно отразить языковые реалии, потому что дает возможность отталкиваться исключительно от контекста (Кравченко 2021: 217).

Первым резко высказался О.П. Суник, заявивший, что традиционную классификацию частей речи необходимо «сдать в музей лингвистических заблуждений, чтобы пользоваться вместо нее формализованным перечнем разрядов слов, который приспособлен к задачам описания, удобного для целей современного прикладного языкознания» (Суник 2001: 33). Идею развил А.И. Смирницкий, предположивший, что любая часть речи существует, пока «входящие в нее слова регулярно проявляются в определенной функции в предложении <...>»,

т. о. основой для наличия у того или иного слова характерных особенностей является его регулярное употребление в функции некоего члена предложения, содержание которого соответствует общему категориальному значению этого слова, точнее функциональному разряду» (Смирницкая 2010: 32).

А.И. Смирницкий при создании концепции опирался на утверждение А.М. Пешковского: «нет частей речи, есть застывшие функциональные формы, которые могут распознаваться лишь в сочетаниях» (Пешковский 2010: 210). Версии коллег поддержал и обогатил А.Т. Кривоносов, который заявил, что «использование термина «часть речи» было логично исключительно в эпоху зарождения античной грамматики; продолжая его применять, мы оставляем за словами право быть выделенными по логико-семантическому основанию (на основе логических, семантических, семасиологических принципов устаревшей классификации); сейчас же нужно отражать структуру языка, его грамматический строй, оттого удобнее ввести понятие «функциональные классы слов» (Кривоносов 2013: 430).

Дискуссии последователей упомянутых выше ученых продолжаются до сих пор. По-прежнему отсутствует единая точка зрения в отношении общего (категориального) значения части речей. Особенно ожесточенно сторонники традиционной лингвистики спорят насчет характеристик существительных и наречий, места в системе языка этих частей речи. Одни приравнивают категориальную семантику к общему значению, единому для всех слов, отнесенных к одной группе (лексическому разряду). Другие, утверждая, что в языковой единице важнее всего смысл, выделяют полные и пустые части речи. Третьи настаивают на необходимости анализа формальных категорий, призывают обращать внимание исключительно на форму. Четвертые ставят во главу угла функцию, употребляя вместо термина «части речи» понятие «функциональные классы». Некоторые ученые вообще предлагают отказаться от попыток создать классификацию за невозможностью (Стеблин-Каменский 2017: 122). Между тем части речи продолжают жить, совместными усилиями обогащая словарь французского языка.

Взаимодействие частей речи в лингвистике

Наиболее активно на систему формирования новых лексических единиц во французском языке влияет транспозиция. Этот тип словообразования достаточно изменчив, потому мнение о нем лингвистов остается довольно расплывчатым. Постоянно одно: представление о том, что связь производного и исходного всегда вариативна (может сохраняться полностью, становиться частичной, совершенно исчезать) (Чесноков 1992: 247). Первым обратил на это внимание Ш. Балли, который увидел в транспозиции «средство, способное объединить эволюционные процессы в системе языка» (Балли 2009: 135).

Идею выдающегося швейцарского ученого развила И.В. Арнольд, охарактеризовав транспозицию как «тип словообразования, при котором новые лексические единицы возникают без изменения основной формы исходного слова, однако в другой части речи, включаясь в новую парадигму, получая новые синтаксические функции и сочетаемость, новое лексико-грамматическое значение» (Арнольд 2013: 66). Более краткое определение, но без

принципиальных отличий дает Ю.С. Степанов, видевший в транспозиции «метод образования нового слова из уже имеющегося слова или словосочетания без какого-либо изменения их морфологического строения» (Степанов 2021: 12).

В результате дальнейших попыток исследовать природу переходных процессов сформировались несколько тенденций. К одной из основных следует отнести взгляд на транспозицию как на «функциональное использование одних единиц, в качестве других» (Слюсарева 2023: 18). Сторонниками такой трактовки вопроса являлись Т.Р. Бидуа и Ф. Брюно. Интересная деталь: в изменении функций языковой единицы адепты данной версии основную роль отводили актуализаторам, в частности артиклю, который может обеспечить переход в существительное практически любому слову, «таким образом на практике показывая минимальное значение лексико-грамматических свойств» (Слюсарева 2023: 20).

Остальные теории, описывающие транспозицию, пока находятся в развитии и вызывают множество дискуссий. Вопрос дефиниции до сих пор открыт. Довольно медленно большинство ученых начинает принимать точку зрения, которую предлагают сторонники традиционной лингвистики: исходя из того, что слово является «основной единицей языка, представляющей собой соединение лексических и грамматических компонентов», принять следующую трактовку: «транспозиция является видом морфолого-синтаксического словообразования, при котором словообразовательным средством является парадигма слова; единицы-участницы связаны отношением внутренней производности вследствие невозможности образования фонетически новых вариантов » (Степанов 2021: 245).

Условно представители научного сообщества согласились воспринимать транспозицию как двойственный процесс. В широком смысле называть транспозицией любой перенос языковой формы (скажем, использование настоящего времени вместо прошедшего или будущего, употребление императива в значении индикатива или условного наклонения, замена повествовательного предложения вопросительным). В более узком смысле считать, что транспозиция обозначает переход слова (его основы) из одной части речи в другую с правом введения в иной контекст.

Достаточно единодушно ученые соглашались с тем, что транспозиция остается одной из форм проявления языковой асимметрии, играющей большую роль в пополнении словаря: без межкатегориальных замен знаки бы замкнулись в основных группах, превратившись в ограниченный источник средств для удовлетворения изменяющихся потребностей речи. К нарушению симметрии приводит семантическое или функциональное сопоставление языковых единиц. В данном процессе задействованы три компонента: исходная форма (транспонируемое), средства транспозиции (транспозиторы), результат транспозиции (транспондент). Характер каждого важен. Даже транспозитора, который представляет собой элемент, соединяющий определяемое и определяющее.

Так что ряд частных проблем, связанных с транспозицией, разрешен. Признано, что она заключается в использовании одной языковой формы в функции другой; остается процессом, обладающим широким (перенос любой языковой формы) и узким (конкретный переход какой-либо части речи) значением; требует наличия определенных компонентов; сохраняет за собой

право называться важнейшим средством словообразования, реализующим принцип экономии языка. Однако есть принципиальные разногласия относительно сути этого процесса, его роли. Наличие многочисленных точек зрения по данному вопросу только препятствует разрешению некоторых сложных вопросов. В ходе дискуссии языковеды нередко забывают, что транспозиция сохраняет высокую языковую гибкость, особенно в отношении процессов, основой которых является переход неизменяемых частей речи в существительное.

Процесс субстантивации в общем и наречий в частности

Чтобы лучше понять, что собой представляют субстантивированные наречия, разберемся в тонкостях системы опредмечивания. «Субстантивация – вид транспозиции, представляющий собой процесс морфолого-синтаксического словообразования, который происходит без внешнего изменения в словарной (основной) форме транспонируемой единицы» (Словарь лингвистических терминов 2013: 349). Обычно переход в существительное представляют в виде следующей схемы: *Determinative + Mot = Substantive* (Кубрякова 2023: 101). Данная структурная модель выявляет фонологическую идентичность исходной и производной единиц, обусловленную внутренними или семантическими характеристиками компонентов.

Транспондент, вне сомнения, обретает новое смысловое значение, становится выразителем категорий рода, числа, получает возможность быть подлежащим, дополнением, именной частью сказуемого, вследствие чего пополняет постоянно расширяющийся класс существительных (как правило, абстрактных). Так сложилось, что наречия активно взаимодействуют с разными частями речи, порой под давлением определенных языковых процессов меняя категориальную принадлежность, структурные, семантические, грамматические характеристики.

Сравним, для примера несколько предложений, разделив их на две группы. Первая:

Tu vois bien. – Ты хорошо видишь (Фефелова 2021: 14).

Je danse mal. – Я плохо танцую (Фефелова 2021: 15).

Ils ne comprennent rien. – Они ничего не понимают (Фефелова 2021: 15).

Elles sont toujours mecontentes. – Они всегда недовольны (Фефелова 2021: 16).

Pourquoi l'avons-nous fait? – Почему мы это сделали? (Фефелова 2021: 16).

Вторая:

Notre forces font toujours du bien. – Наши силы всегда делают добро (Revue de Défense Nationale 2025).

Le mal a des ailes. – Беда скоро приходит (Гак, Григорьев 2019: 24).

Nous ne perdons pas à riens. – Мы не тратим время на пустяки (Revue de Défense Nationale 2025).

Le public de toujours se présente ici. – Постоянная публика была здесь (Revue de Défense Nationale 2025).

Le Président a répondu à tous nos pourquoi. – Президент ответил на все наши вопросы (Revue de Défense Nationale 2025).

Слова первой группы характеризуют глаголы. Понять, какие функцию выполняют указанные наречия, легко, задав вопрос образа действия. Наречия же второй группы коренным образом отличаются. Они принимают форму множественного числа, сочетаются с актуализаторами или детерминативами, выступают подлежащими, дополнениями, определениями. Значит, считать эти единицы наречиями нельзя.

К переходу из одной части речи в другую слово (основу) легче всего подтолкнуть, прибавив артикль или создав определенное окружение. Только так можно сохранить исходную форму изменяемой единицы без использования специальных словообразовательных аффиксов. Идеальным примером являются такие транспонированные единицы, как *le bien, le mal, le beaucoup*, прочно вошедшие в узус языка, давно пройдя этап окказиональной субстантивации. Они «широко употребляются в разговорной речи французов, начиная с XVII-го века» (Слюсарева 2023: 22). Современные газеты, журналы содержат значительное количество таких слов. В большинстве приведенные субстантивированные наречия закреплены в словарях. Осуществить переход в существительное готовятся все новые представители группы.

Способные к субстантивации наречия

Нужно сказать, что только некоторые наречия могут субстантивироваться. Исключительно окказиональной (примеров узуального перехода нет) остается номинализация единиц на – *ment*. Отсутствию у них склонности примерять на себя роль субстантивов есть вполне логичное объяснение. Наречия на – *ment* или являются адвербиализованными прилагательными, или представляют собой сочетание существительных с – *ment* (Кубрякова 2018: 106). С ними уже произошли транспозиционные изменения. Повторные невозможны в силу излишней сложности процесса. Очень уж наречия на – *ment* громоздкие, труднопроизносимые. Гораздо проще для образования новых слов использовать исходные лексические единицы.

Согласно наблюдениям хорошо субстантивируются количественные, обстоятельственные, качественные, вопросительные наречия; наречия времени, отрицания и утверждения (Томашпольский 2016: 88). Отчасти склонность некоторых наречий становиться субстантивами можно объяснить этимологическими причинами. В большинстве указанные наречия стали результатом слияния существительного и прилагательного: *beaucoup* (*beau + coup*), *ailleurs* (*autres + lieux*), *toujours* (*tous les jours*); существительного с предлогом, часто пришедшим из латинского языка: *assez* (*ad + satis* – к + удобная вещь), *aussi* (*allius + sic* – без отличий), *autant* (*alius + tantum* – такое количество), *avant* (*ab + ante* – перед + пространство) (Томашпольский 2016: 96).

Некоторые наречия являются адвербиализованными прилагательными: *fort* (*fortis* – сильный), *moins* (*menus* – слабый, тихий, покорный), *peu* (*paucum* – небольшой, немногочисленный), *plus* (*plus* – большой), *tôt* (*tostum* – ранний), *tant* (*tantus* – некоторый) (Томашпольский 2016: 104). Очень небольшая часть транспонированных единиц образована от сочетания наречия с предлогом, который во французском считается номинализатором

(*derriere* (*de* + *retro* – до + назад, обратно). Наличие предлога обеспечивает легкий переход в существительное, гарантируя «приобретение начальной степени опредмечивания» (Реферовская 2007: 136), так же как происхождение от прилагательного – части речи, регулярно берущей на себя функции субстантивов.

Есть в группе «чистые» наречия: *bien* (*bene* – хорошо), *combien* (*comment* + *bien* – насколько хорошо), *loin* (*longe* – далеко, вдали), *mal* (*male* – плохо), *hier* (*heri* – вчера) (Томашпольский 2016: 110). Склонность к опредмечиванию здесь объясняется наличием в семантике некоторой самостоятельности, что подтверждается употреблением в предложениях:

Que feras-tu? Du bien? – Что же ты сделаешь? Добро? (Cols Bleus 2025)

Le Ministre ne murmurait que: «Combien?» – Министр только прошептал: «Сколько?» (Cols Bleus 2025)

Le commandant n'a prononcé qu'un mot. Hier. – Командир сказал лишь одно слово. Вчера. (Cols Bleus 2025).

Видим, что наречия *bien*, *combien*, *hier* выступают как относительно независимые члены предложения. Это признак потенциальной склонности к транспозиции, стремления сделать первый шаг на пути к межкатегориальным изменениям. Такие черты свойственны всем рассматриваемым наречиям, кроме образованных слиянием двух предлогов, местоимений; произошедших от частиц (*jamais*, *non*). Причину опредмечивания данных слов уже нельзя найти в истории французского языка. Можно только высказать предположение, что когда-то такие наречия были переосмыслены окказионально, стали активно использоваться франкофонами, постепенно закрепляясь в узусе.

Истинность субстантивированных наречий

По мнению некоторых лингвистов, у субстантивированных наречий «нет никакой возможности попасть в число существительных из-за отсутствия способности принимать формы множественного числа» (Реферовская 2007: 112). Мы хотим оспорить данное утверждение, сделав анализ практики употребления. Приведем несколько примеров:

Plusieurs font les beaucoup. – Массы делают многое (TerreMag 2025).

J'aime ces ensembles architecturaux. – Я люблю эти архитектурные ансамбли (TerreMag 2025).

Ces pays regardent vers les demains prestigieux. – Эти страны смотрят в престижное будущее (TerreMag 2025).

Les ouvriers ont beaucoup de pourquoi. – У рабочих много вопросов (TerreMag 2025).

L'autobus passe quels combien? – Каково расписание автобуса? (TerreMag 2025).

Факт употребления субстантивированных наречий в форме множественного числа дает нам возможность попытаться подтвердить истинность предметной природы таких единиц, старающихся пополнить ряды субтантивов, т. е. доказать, что, осуществляя переход в существительное, наречие получает новые морфологические признаки. Анализ проведем на

базе трансформационной грамматики, критерии которой наиболее эффективно помогают выявить соответствие транспонированного слова той части речи, в которую оно перешло.

Таких критериев восемь, однако основными из них являются три: изменение семантики (лексического значения); изменение синтаксической дистрибуции; изменение синтаксического значения. Рассматривать будем наречия, которые легко субстантивируются, закреплены в узусе: количественные (*beaucoup, peu, plus, moins*); обстоятельственные (*ailleurs, arrière, dessous, dessus, ici*); времени (*aujourd'hui, demain, hier, tard, tôt, toujours*); качественные (*bien, ensemble, mal*); вопросительные (*combien, pourquoi, quand*); утверждения (*oui, non*).

Сначала узнаем, меняется ли смысл субстантивированного наречия по сравнению с его прообразом. Сравним такие примеры:

Nous avons beaucoup parlé. – Beaucoup le disent. (Мы много говорили. – Многие это говорят.) (TerreMag 2025).

C'est beaucoup mieux. – La guerre finie, beaucoup ne sont pas revenus. (Это гораздо лучше. – Война закончилась, многие не вернулись.) (TerreMag 2025).

Il avait peu d'amis. – Il se contentait toujours du peu. (У него мало друзей. – Он всегда довольствовался малым.) (TerreMag 2025).

Cela s'est passé peu avant la guerre. – Peus en savent quelque chose. (Это произошло незадолго до войны. – Немногие об этом знают.) (TerreMag 2025).

Elle souffre bien moins. – Ces gens sont les moins. (Она гораздо меньше страдает. – Эти люди являются полными ничтожествами.) (Cols Bleus 2025).

Elle fut absente moins que deux jours. – Ces entreprises demandent moins d'État. (Она отсутствовала менее двух дней. – Эти предприятия требуют минимального экономического вмешательства со стороны государства.) (Cols Bleus 2025).

Mes amis lui ont dit qu'ils ne le connais plus. – Il faut prendre les plus. (Мои друзья ему сказали, что больше не знают его. – Надо использовать преимущества.) (Cols Bleus 2025).

Donnez – nous plus d'argent. – Deux plus trois font cinq. (Дайте нам больше денег. – Два плюс три равно пять.) (Revue de Défense Nationale 2025).

Combien de bonbons as-tu pris? – Le combien sommes – nous? – (Сколько конфет ты взял? – Какое сегодня число?) (Revue de Défense Nationale 2025).

Comment vas – tu? – Il était un bon medecin et cherchait le pourquoi et le comment des maladies. – (Как ты? – Он был хорошим врачом и всегда искал причину болезней) (Revue de Défense Nationale 2025).

Видим, что семантика изменилась. В новой роли *beaucoup* означает «множество людей»; *peu*, наоборот, – «небольшое количество»; *moins* – «ничтожество», «минимальное экономическое вмешательство»; *plus* – «преимущество», «плюс»; *comment* – «причину»; *combien* – «число».

Прежде чем приступить к непосредственному анализу единиц по второму пункту, нужно дать определение термина «синтаксическая дистрибуция». «Дистрибуция (от латинского *distribution* (распределение) – термин, употребляемый в структурной, особенно в конструктивной лингвистике; под синтаксической дистрибуцией какого-либо элемента

понимается все окружение, в котором он встречается, т. е. все его позиции относительно позиций другого элемента» (Словарь лингвистических терминов 2013: 93).

Окружение наречия – это глаголы, прилагательные, адъективные слова, другие наречия, чрезвычайно редко существительное (при необходимости подчеркнуть особые характеристики). У этой части речи есть право употребляться как существительное только тогда, когда она «берется как целое, как субстанция (признаком является наличие детерминативов, предлогов)» (Слюсарева 2023: 113). Значит, можем считать субстантивированные наречия существительными, если найдем даже формальное появление детерминативов или предлогов рядом с этими единицами. Возьмем новые примеры.

Certain peu de jours que nous restât faiblissait. – Та малость дней, которая нам осталась, маяла (Revue de Défense Nationale 2025).

Je riais malgré le peu d'envie que j'en ai. – Я смеялся, несмотря на практически полное отсутствие желания делать это (Revue de Défense Nationale 2025).

Ils ont vu ce peu qui avait dit des choses désagréables. – Они увидели того негодяя, который сказал неприятные слова (Revue de Défense Nationale 2025).

Le trop ne vaut rien. – Обилие тоже вредит (Cols Bleus 2025).

Si l'État a le trop d'argent, ce trop est à nous. – Если государство располагает слишком большим количеством денег, они нужны нам (Cols Bleus 2025).

Le premier oui sort des lèvres bien aimées. – Первое «да» сошло с любимых губ (Cols Bleus 2025).

Le oui ou le non, pas hésiter. – Скажите без сомнений «да» или «нет» (Cols Bleus 2025).

Je veux du trop. – Я хочу большего (Cols Bleus 2025).

Ce mal de coeur m'a pris. – Сердечная боль охватила меня (TerreMag 2025).

On aime dire du mal de soi. – Любим мы говорить плохое о себе (TerreMag 2025).

C'est le fond que manque le moins. – Этому фонду нужно только экономическое вмешательство (TerreMag 2025).

Le trop de lumière soit aveuglement. – Обилие света может ослепить (Revue de Défense Nationale 2025).

L'ensemble, voilà ce qui manque à vous. – Вам не хватает исключительно цельности (Revue de Défense Nationale 2025).

Le travail sera terminé dans deux jours ou le tôt. – Работа будет завершена через два дня или в более короткий срок (TerreMag 2025).

Peindre la société dans son ensemble. – Нарисовать общество во всей его полноте (TerreMag 2025).

Je toujours prends mon bien. – Я всегда пользуюсь случаем (TerreMag 2025).

Nos pays ne peuvent pas laisser leurs domaines. – Эти страны не могут отказаться от будущего (TerreMag 2025).

À faire du bien nous visitons son logi solitaire. – Чтобы оказать помощь, мы каждый день посещали его уединенное жилище (TerreMag 2025).

Pénétrer dans tous les détails sans perdre la vue d'ensemble. – Войти во все детали, не теряя из виду целого (Cols Bleus 2025).

Ils auront tout hier pour décider. – У них был весь вчерашний день, чтобы решиться (Cols Bleus 2025).

Nul bien sans peine. – Без труда не выловишь и рыбку из пруда (Гак, Григорьев 2019: 24).

Можно заметить, что транспонированные единицы окружены детерминативами, актуализаторами: артиклями, указательными и притяжательными местоимениями. Многие субстантивированные наречия даже стоят в начале предложения перед глаголом-сказуемым, выступая подлежащим и составляя базис предложения, что делает их очень похожими на существительные. Другие транспонированные слова выполняют роль именной части сказуемого, дополнения. Некоторые единицы являются обстоятельствами. Однако функция выражения в этих случаях очень отдаленно напоминает ту, которой обладают первообразные наречия при глаголе. Ведь транспонированные слова перестают нести смысл в себе самих, начинают формировать его по схеме «существительное плюс предлог» (Чесноков 1992: 249). Предлог же является номинализатором, так что мы смело можем считать эти новообразования существительными.

Перейдем теперь третьему критерию. Материал показал, что субстантивированные наречия качества имеют довольно много значений, потому здесь вместо анализа предложений будут сделаны выписки из словарных статей.

Начнем анализ со слова *bien*. До субстантивации оно обозначало «хорошо», «правильно», «много», «очень»; после – «благо», «польза», «имение, имущество» (Reyes A., Robert P. 2000: 210). Изначальные значения его антипода *mal*, тоже весьма распространенного в языке: «дурно», «плохо»; приобретенные – «беда», «неприятность», «затруднение», «болезнь» (Reyes A., Robert P. 2000: 1318).

Легко выполняет переход в существительное также наречие *ensemble* («вместе», «сразу», «в одно время»), приобретая такие значения, как «цельность», «совокупность», «единство», «система», «архитектурное сооружение», «гарнитур», «комплект», «набор», «узел», «агрегат», «спортивный комплекс» (Reyes A., Robert P. 2000: 599). Наречие *ailleurs*, став существительным, начинает обозначать «другие страны», «чужие края»; *contre* – «противодействие», «восстание»; *dehors* – «наружный вид», «наружная часть», «внешность», «место вне города, дома, страны» (Reyes A., Robert P. 2000: 111, 323, 477).

Что касается наречия *derrière*, оно приобретает такие значения, как «зад», «задняя часть», его антипод *devant* – «перед», «передняя часть». Антонимическая пара *dessous* и *dessus* – «низ», «нижняя часть», «дно», «подставка», «оборотная часть», «дамское белье», «закулисье», «грунтовка» и «лицевая сторона», «крышка», «верхнее платье», «верхние соседи», «верхний голос», «скатерть, салфетка» соответственно. Наречие *ici* сравнительно недавно (XIX век) стало субстантивироваться – оттого оно и приобрело одно значение «местонахождение». По той же причине наречие *loin* в новом положении можно трактовать только как «даль».

Констатируем, что семантическое значение указанных наречий сильно отличается от первообразного, представляет собой нечто новое. Во многих словарных статьях отмечен факт изменения смысла. Иногда описание слова как существительного дается первым, что подчеркивает преобладание предметной природы. Итак, рассматриваемые субстантивированные наречия соответствуют трем критериям, поэтому имеют право называться полноправными существительными.

Заключение

Развитие системы функциональных классов слов позволяет признать за наречиями право выполнять функции существительных во французском языке. Широкое употребление запускает транспозиционные процессы. С него начинается реформирование формально-грамматических показателей, характерных для этой части речи. Окружение изменяется (рядом с наречиями появляются актуализаторы, детерминативы), за счет чего содержание приобретает способность определять форму. На основании трех критериев идентификации характера транспонированных единиц (изменение семантики (лексического) значения; изменение синтаксической дистрибуции; изменение синтаксической функции) можно утверждать, что субстантивированные наречия являются истинными существительными. Эти единицы изменили первоначальные значения, получили свойственные субстантивам грамматические категории (мужской род, множественное число) и функции (подлежащего, дополнения), закрепились в узусе. Значит, перестали быть собственно наречиями.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимова Н.П. Общая семантика Б. Потье как теоретическая база сопоставительного исследования // Вестник ТвГУ, 2015. № 2. С. 7-11.
- Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Либроком, 2013. 184 с.
- Балли Ш. Французская стилистика. УРСС, 2009. 384 с.
- Балли Ш. Язык и жизнь. М.: УРСС, 2018. 230 с.
- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2021. 368 с.
- Бартов А.А. «Новояз» в литературе и в жизни: к 60-летию выхода романа Джорджа Оруэлла «1984» // Нева, 2009. № 3. С. 159-165.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: ЛКИ, 2010. 448 с.
- Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: ЛКИ, 2022. 288 с.
- Гайнутдинова А.Ф. Субстантивация отглагольных образований в татарском и русском языках. Казань: Институт языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, 2011. 208 с.
- Гак В.Г. Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: УРСС, 2020. 336 с.
- Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Учебное пособие. М.: Либроком, 2019. 464 с.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: УРСС, 2010. 232 с.

- Глазунова О.И. Русская грамматика. М.: УРСС, 2019. 512 с.
- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта, Наука, 2011. 328 с.
- Климов Г.А. Фонема и морфема. К проблеме лингвистических единиц. М.: УРСС, 2015. 128 с.
- Костева В.М. «Тоталитарная лингвистика» и ее дискурсивные практики // Вестник МГЛУ, 2017. № 6. С. 381-390.
- Костюшкина Г.М. Современные направления во французской лингвистике. М.: ЛКИ, 2023. 304 с.
- Котлярова Т.Я., Гейко Н.Р. Практический курс перевода (французский язык). Учебное пособие. Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2018. 116 с.
- Кравченко А.В. Открывая язык заново. М.: УРСС, 2021. 432 с.
- Кривоносов А.Т. Система классов слов как отражение структуры языкового состава. М.: Просвещение, 2013. 845 с.
- Кронгауз М.А. Слово за слово. О языке и не только. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 480 с.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М.: УРСС, 2018. 208 с.
- Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Ленанд, 2023. 120 с.
- Кудрявский Д.Н. Введение в языкознание (автор вступительной статьи академик Н.С. Беляев). М.: Ленанд, 2021. 144 с.
- Могилевская Г.И. Формирование «новояза» в современном российском обществе // Молодой ученый. 2016. № 3. С. 1040-1043.
- Морозова М.Е. Специфика дискурса «литературных одиночек» // Вопросы современной лингвистики, 2023. № 3. С. 18-25.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: ЛКИ, 2022. 434 с.
- подлежащего М.: УРСС, 2010. 144 с.
- Потебня А.А. Предикативность существительного. Устранение.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: УССР, 2021. 320 с.
- Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. М.: УРСС, 2007. 208 с.
- Сергиевский М.В. История французского языка. М.: ЛКИ, 2024. 288 с.
- Сеше А. Очерк логической структуры предложения. М.: ЛИБРОКОМ, 2021. 220 с.
- Слюсарева Н.А. Французская лингвистическая школа. М.: УРСС, 2023. 144 с.
- Смирницкая О.А. Александр Иванович Смирницкий. М.: ЛКИ, 2010. 156 с.
- Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. М.: УРСС, 2017. 144 с.
- Степанов Ю.В. Синтаксическая конверсия. М.: УРСС, 2021. 368 с.
- Суник О.П. Общая теория частей речи. М.: ЛКИ, 2001. 136 с.
- Томашпольский В.И. Старофранцузский язык. М.: Флинта, 2016. 376 с.

Фефелова Е.С. Теория и практика перевода. Французский язык. Учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2021. 133 с.

Чесноков П.В. Грамматика русского языка. Таганрог: Таганрогский государственный педагогический институт, 1992. 287 с.

Шигуров В.В. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи. М.: УРСС, 2016. 701 с.

Cols Bleus: издание официальное. Париж: Министерство обороны, 1945–2025. URL: <https://www.colsbleus.fr> (22.04.2024).

Revue de Défense Nationale: издание официальное. Париж: Министерство обороны, 1939–2025. URL: <https://www.defnat.com> (дата обращения: 14.01.2026).

Reyes A., Robert P. Le nouveau petit Robert. Canada: Distribooks Inc., 2000. 2841 p.

TerreMag: издание официальное. Париж: Министерство обороны, 2022–2025. URL: <https://www.terremag.defense.gouv.fr> (дата обращения: 14.01.2026).

© Буханцова Е.В., 2026

FRAME ANALYSIS OF THE CONCEPT DEATH

Abstract. The article is devoted to the frame analysis of the concept DEATH in the Russian language. The aim of the study is to examine the multi-layered structure of the concept DEATH through frame analysis, which facilitates the representation of stereotyped situations associated with death within the Russian linguistic world picture. The methodological framework draws on the frame semantics theory and the theory of concepts. The research material consists of lexical units extracted from explanatory and phraseological dictionaries of the Russian language, as well as examples drawn from the Russian National Corpus. As a result of the analysis, six slots of the frame structure of the concept DEATH were identified: Death, Funeral, Burial, Orthodoxy, Folk beliefs, and War. It was established that within the Russian linguistic world picture the concept DEATH is conceptualized across three interacting axiological dimensions: the religious-Orthodox (death as transition), the historical (death in the war as sacrifice and a form of memorial meaning), and the mythological (death as a force requiring ritual neutralization). The originality of the study lies in the application of an integrated frame-semantic methodology to the Russian conceptualization of DEATH, which reveals the multilayered interaction of Orthodox, folk, and historical meanings within a single cognitive structure. The practical significance of the findings extends to lexicography, cognitive linguistics, linguoculturology, and the teaching of Russian as a foreign language. The results may further serve as a basis for cross-cultural and cross-linguistic studies of the concept DEATH in other linguistic world pictures.

Keywords: concept, frame, frame analysis, DEATH, Russian linguoculture, linguistic worldview, cognitive linguistics.

About the author: Ganieva Zuhra Muratbaevna, doctoral student of Department of Theory and Practice of Translation at Karakalpak State University named after Berdakh; ORCID 0009-0006-8863-4850.

Contact information: 100017, Uzbekistan, Tashkent, Yunusabad-2, 38/35; +998913914797; ganievazuxra@gmail.com

Ганиева З.М.

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА СМЕРТЬ

Аннотация. Статья посвящена фреймовому анализу концепта СМЕРТЬ. Целью исследования является анализ многоуровневой структуры концепта СМЕРТЬ посредством фреймового анализа, способствующего представлению стереотипизированных ситуаций, связанных со смертью, в русской языковой картине мира. Методологическую основу составляют теория фреймовой семантики и теория концептов. Материалом исследования

послужили лексические единицы из толковых и фразеологических словарей русского языка, а также примеры из Национального корпуса русского языка. В результате анализа выделено шесть слотов фреймовой структуры концепта СМЕРТЬ: Умирание, Похороны, Погребение, Православие, Народные поверья – суеверия и Война. Выявлено, что в русской языковой картине мира концепт СМЕРТЬ концептуализируется в трёх взаимодействующих ценностных измерениях: религиозно-православном (смерть как переход), историческом (военная смерть как жертва и мемориальный смысл) и мифологическом (смерть как сила, требующая ритуальной нейтрализации). Научная новизна исследования состоит в применении интегрированного фреймово-семантического подхода к анализу концепта СМЕРТЬ, позволяющего выявить многоуровневое взаимодействие православных, народно-мифологических и историко-мемориальных смыслов в рамках единой когнитивной структуры. Установлено, что лексические и фразеологические единицы, формирующие слоты фрейма, не только объективируют биологический факт прекращения жизни, но и транслируют глубинные религиозные, исторические и мифологические представления, специфичные для русской лингвокультуры. Практическая значимость работы определяется возможностью применения полученных результатов в лексикографии, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, а также в практике преподавания русского языка как иностранного. Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением сопоставительной базы и изучением данного концепта в иных языковых картинах мира.

Ключевые слова: концепт, фрейм; фреймовый анализ, СМЕРТЬ, русская лингвокультура, языковая картина мира, когнитивная лингвистика.

Сведение об авторе: Ганиева Зухра Муратбаевна, студентка докторантуры кафедры теории и практики перевода Каракалпакского государственного университета им. Бердаха; ORCID 0009-0006-8863-4850.

Контактная информация: 100017 Узбекистан, г. Ташкент, Юнусабад-2, 38/35, +998913914797, ganievazuxra@gmail.com

Death is one of the most universal concepts – exists in all cultures and linguistic communities. As an ineluctable dimension of human existence, death is not merely a biological event but a complex cognitive, cultural, and spiritual experience that humans have continuously sought to understand, name, and ritualize (Bloch 1982: 227). Across cultures, the awareness of mortality has been foundational to the formation of religious beliefs, social rituals, and ethical values, making death not an endpoint, but rather an integral and inseparable part of human existence – a transition, a threshold, a passage to another state of being (Hertz, quoted in Uberman 2018: 421).

Language, as the primary medium through which human beings structure and transmit their understanding of reality, inevitably reflects how cultures conceptualize death: the lexical choices, metaphors, euphemisms, and ritual vocabulary associated with death reveal deeply embedded cognitive patterns and cultural worldviews that vary across linguistic communities while sharing fundamental universal features (Husband 2018: 1). Within the framework of cognitive linguistics, the concept DEATH occupies one of the central positions in the Russian linguistic picture of the world,

encoding not only cognitive representations of life cessation but also a rich network of religious, mythological, historical, and axiological meanings that distinguish Russian cultural perception from other linguistic traditions (Lyi et al. 2024: 91). The present study aims to examine the multi-layered structure of the concept DEATH through frame analysis, identifying the stereotyped situational slots through which death is cognitively organized and linguistically represented in the Russian linguistic worldview across religious-Orthodox, mythological, and historical dimensions.

The empirical basis of the study consists of lexical units extracted by continuous sampling from *Толковый словарь русского языка* (Explanatory Dictionary of Russian Language) by S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova (Ожегов, Шведова 1999) and *Толковый словарь живого великорусского языка* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language) by V.I. Dal' (Даль 1981), as well as from *Фразеологический словарь русского литературного языка* (Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language) by A.I. Fyodorov (Фёдоров 2008). The functioning of the analyzed units across various text types is corroborated by examples drawn from the Russian National Corpus. The ritual-symbolic and mythological strata of the concept under investigation are described with reference to the ethnographic works of A.K. Baiburin (Байбурин 1993), and the analysis of euphemistic nominations of the concept DEATH draws on *Словарь эвфемизмов русского языка* (Russian Language Euphemisms Dictionary) by E.P. Senichkina (Сеничкина 2012).

The present study employs frame analysis as its primary theoretical and methodological framework. The foundational work of Marvin Minsky (1975) in artificial intelligence established the computational concept of frames as data structures organized into slots and facets that represent stereotyped situations (Minsky 1975: 212). Charles Fillmore (1982, 1985) subsequently transformed this computational model into a comprehensive linguistic theory of meaning, establishing that “to understand the meaning of a word requires a great deal of underlying knowledge” (Fillmore 1985: 374-375). Fillmore defines frames as organized sets of semantic roles, participants, and their interrelations that characterize particular situations (Fillmore 1982: 115).

Within Russian cognitive linguistics, this framework was productively developed by N.N. Boldyrev, who defines a frame as “a structured unit of knowledge in which certain components and relationships between them are distinguished; a cognitive model that conveys knowledge and opinions about a certain, frequently recurring situation” (Болдырев 2004: 29). A.P. Chudinov views a frame as a cognitive structure that organizes human knowledge about the world. Through their interaction, frames give rise to a cognitive scenario that represents our understanding of how events usually develop in a typical sequence (Чудинов 2003: 71).

As it is previously mentioned, a frame is a data structure with slots and facets, where each slot is a placeholder for information about a situation, and facets contain default values that can function simultaneously on three levels (linguistic, grammatical, and conceptual) and are dynamically activated in discourse. Moreover, frames as instruments of mental categorization through metaphorical models, which continuously restructure reality and create new slots reflecting social change. Overall, a frame is a dynamic cognitive system that organizes language, thought, and our picture of the world (Minsky, Болдырев, Чудинов).

Applying this structural lens to the present study, the concept СМЕРТЬ under investigation is examined here as both a cognitive and a cultural unit, following the two complementary approaches to concept theory identified in contemporary cognitive linguistics (Ashurova, Galieva 2018: 57). Within the cognitive approach, “concept” is considered a complex mental unit, a means of representation of knowledge structures, a multifold cognitive structure, an operational unit of memory (Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Boldryev N.N.). From the perspective of linguaculturology “concept” is defined as a basic unit of culture? its core, a mental, cultural and nationally specific unit characterized by an array of emotional, expressive and evaluative components (Stepanov Yu.S., Aryutunova N.D., Karasik V.I., Pimenova M.V.) (Ashurova, Galieva 2018: 57);

By applying the theory of frames and concepts to the analysis of lexical and phraseological units, ritual-symbolic practices, and cultural meanings associated with the notion of death in the Russian language, six slots constituting the frame structure of the concept DEATH have been identified: *Умирание* (Death), *Похороны* (Funeral), *Погребение* (Burial), *Православие* (Orthodoxy), *Народные поверья* (Folk beliefs), and *Война – коллективная память* (War).

SLOT	SUB-SLOTS / COMPONENTS	KEY LEXICAL / PHRASEOLOGICAL UNITS
1. Умирание (Death)	Process of dying; euphemistic and argotic register	<i>преставиться, почить, отойти в мир иной, отдать Богу душу, уснуть вечным сном, сыграть в ящик, пасть смертью храбрых</i>
2. Похороны (Funeral)	Participants, places, attributes, actions, memorial days	<i>усопший, батюшка, плакальщицы, погост, поминки, панихида, причитания, Родительская суббота, Радоница</i>
3. Погребение (Burial)	Burial rites, from archaic to state-institutional	<i>отпевание, предание земле, братская могила, насыпание кургана, воинское захоронение</i>
4. Православие (Orthodoxy)	Orthodox beliefs; rites; theology of death	<i>душа три дня в доме, сорок дней душа странствует, самоубийца не отпевается, соборование</i>
5. Народные поверья (Folk Beliefs)	Folk-mythological concepts; ritual prohibitions	<i>заложные покойники, закрыть зеркала, остановить часы, открыть окно для души, нельзя здороваться через порог</i>
6. Война (War)	Wartime death; collective memory; heroic sacrifice	<i>похоронка, “Никто не забыт, ничто не забыто”, Могила Неизвестного Солдата, Вечный огонь</i>

Fig. 1. Frame Structure of the Concept DEATH in the Russian Linguistic World Picture

The slot *Умирание* (Death) denotes the process of life cessation and is lexically represented in the Russian language by a wide variety of verbs and verbal expressions: *преставиться* [to pass away], *почить* [to rest in peace], *отойти в мир иной* [to depart to the other world], *отдать Богу душу* [to give up one's soul to God], *успокоиться* [to find eternal rest], *уснуть вечным сном* [to fall into eternal sleep], *угаснуть* [to fade away], *сыграть в ящик* [lit. to play the box, slang for dying], *дать дуба* [lit. to give an oak, slang for dying], *протянуть ноги* [lit. to stretch out one's legs, slang for dying], *приказать долго жить* [lit. to order others to live long, ironic euphemism], *пасть смертью храбрых* [to fall the death of the brave]. The elevated literary-ecclesiastical register is exemplified by the terms *преставиться* [to pass away], *почить* [to rest in peace], *отойти в мир иной* [to depart to the other world], *отдать Богу душу* [to give up one's soul to God]. This slot engages the metaphorical model СМЕРТЬ – ЭТО ПЕРЕХОД / УХОД (DEATH IS TRANSITION

/ DEPARTURE): death is perceived not as a definitive endpoint, but as a transition from one existential realm to another. The phraseological unit *уснуть вечным сном* [to fall into eternal sleep] encapsulates the metaphor СМЕРТЬ – ЭТО СОН (DEATH IS A SLEEP), whereas the colloquial and argotic expressions (*сыграть в ящик* [lit. to play the box], *дать дуба* [lit. to give an oak], *протянуть ноги* [lit. to stretch out one's legs]) are constructed around the metaphor СМЕРТЬ – ЭТО ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ (DEATH IS THE END OF THE ACT).

The slot **Похороны** (Funeral) embodies the funeral rite as a socially and ritually organised event and includes multiple sub-slots: **участники** (participants), **места** (places), **атрибуты** (attributes), **действия** (actions) and **поминовение – дни памяти** (commemoration – memorial days). Within the sub-slot of **участники** (participants), the following lexemes are identified: *усопший* [lit. the fallen-asleep; euphemism for the deceased], *батюшка* [father; the Orthodox priest] and *плакальщицы* [professional female mourners / wailing women]. The lexeme *усопший* (literally “one who has fallen asleep”) serves as a euphemistic term for death, used instead of the neutral *мёртвый* [deceased]; the lexeme *батюшка* [father; the Orthodox priest] establishes the priest's essential role as a mediator between the living and the deceased. The lexeme *плакальщицы* [professional female mourners], representing a ritual role, originates from pre-Christian ceremonial traditions and reflects the profound folk-pagan foundation of the Orthodox burial rite, as extensively documented by A. K. Vaiburin (Байбурин 1993: 93). The sub-slot **места** (places) comprise *погост* [churchyard/cemetery], *Вечный огонь* [Eternal Flame], and *Могила Неизвестного Солдата* [Tomb of the Unknown Soldier]. The existence of the latter two locations indicates the convergence of Orthodox and Soviet-patriotic layers in the conceptualization of DEATH, supporting Yu.S. Stepanov's argument that the systemic structure of culture and the three-layered architecture of the concept give rise to evolutionary-semiotic series of cultural concepts (Судакова 2017: 1). The key **атрибуты** (attributes) of the funeral rite – *фотография на памятнике* [portrait on the headstone / photograph on the gravestone], *ограда* [grave enclosure / burial plot fence], *скамейка и стол у могилы* [bench and table at the graveside], *траурная лента с надписью* [mourning ribbon with inscription], *ладан* [incense / frankincense] – similarly embody culturally specific significance: the *фотография* [portrait/photograph] on the gravestone extends the symbolic presence of the deceased among the living, while the *скамейка* and *стол у могилы* [bench and table at the graveside] create a domestic spatial extension of the burial site. The sub-slot **действия** (actions) includes *поминки* [memorial repast], *поминальную трапезу* [commemorative meal / memorial table], *блины* [bliny / buckwheat pancakes], *кутью / коливо* [kutya / koliva], *стакан воды / водки для усопшего* [a glass of water / vodka placed for the deceased], *панихиду* [memorial service / requiem service], *заупокойную литургию* [requiem liturgy / liturgy for the repose of the soul], *причитания* [lamentations / keening], *ношение траура* [wearing mourning / observance of mourning]. This sub-slot encompasses the ritual practices and ceremonial acts that transform individual death into collective mourning through a syncretic blend of Orthodox and folk traditions. *Поминки* [memorial repast] and *поминальная трапеза* [commemorative meal / memorial table] constitute the memorial gathering and feast where the community assembly; *блины* [bliny / buckwheat pancakes] and *кутья / коливо* [kutya / koliva] serve as traditional funeral foods,

distributed to commemorate the deceased—that ritualize the sharing of grief. *Панихида* [*memorial service / requiem service*] and *заупокойная литургия* [*requiem liturgy / liturgy for the repose of the soul*] are prayer services for the repose of the soul. *Причитания* [*lamentations / keening*] derive from pre-Christian Slavic mourning traditions and give emotional voice to grief, while *ношение траура* marks the bereaved as socially withdrawn from normal life for a prescribed period. The sub-slot *поминовение – дни памяти* (commemoration – memorial days) encompasses the commemorative days that follow the funeral. For example, *девятины* [*the ninth-day commemoration*] and *сороковины* [*fortieth-day commemoration*] mark critical spiritual transitions in Orthodox theology, the soul is believed to undergo judgment, and prayers during these days are believed to aid its journey. *Годовщина смерти* [*death anniversary*] perpetuates individual memory within the family cycle, while *Родительская суббота* [*Parents' Saturday, collective commemoration of the deceased*] and *Радоница* [*Radonitsa, the Orthodox feast of the dead*] are collective Orthodox feast days when all the deceased are commemorated together, merging individual loss into communal ritual practice.

The slot *Погребение: обряды* encodes the ritual-procedural dimension of death in Russian linguistic culture. *Отпевание* [*requiem chanting*] represents the central Orthodox rite – prayers sung over the deceased – while *заочное отпевание* [*in absentia requiem service*] extends this ritual to cases where the body is absent, addressing the soul rather than the remains. *Предание земле* [*committal to the earth*] frames burial in Biblical terms, activating the conceptual metaphor СМЕРТЬ – ЭТО ВОЗВРАЩЕНИЕ (DEATH IS RETURN). *Братская могила* [*mass fraternal grave*] shifts the scale from individual to collective, encoding solidarity in shared tragic fate, typically in wartime. *Насыпание кургана* [*raising of a burial mound*] reaches into pre-Christian, archaic burial practice, *воинское захоронение* [*official military burial*] represents the modern institutionalized end of the scale, where death receives state recognition and is framed as heroic sacrifice.

The slot *Православие* (Orthodoxy) frames death in Russian culture as a spiritually managed transition rather than a biological endpoint. Most conceptually rich here are the *православные верования* (Orthodox beliefs): *душа три дня в доме* [*the soul remains in the house for three days*] and *сорок дней душа странствует* [*the soul wanders for forty days*] reveal a popular cosmology where the soul lingers gradually – it does not leave instantly, reflecting pre-Christian traces absorbed into Orthodox practice. Equally interesting is *самоубийца не отпевается* [*a suicide is not given a requiem service*] – the denial of funeral rites to a suicide, which shows that in this culture death is morally categorized: not every death grants access to ritual protection. Among the *обряды* (rituals), *соборование* [*the sacrament of holy unction*] stands out as it belongs to the *living*, not the dead – it is performed on the dying body as a last spiritual preparation, blurring the boundary between life and death.

The slot *Народные поверья* (Folk beliefs) encodes the folk-mythological layer of death in Russian culture. The key mythological concept *зложные покойники* [*lit. “pledged/trapped dead”*] – those who died “improperly” (through violence, accident, drowning, or before their appointed time) – reveals that in folk belief death is cosmologically categorized: an untimely death creates a dangerous, unresolved soul that cannot peacefully transfer to the other world. This concept refers to the metaphor СМЕРТЬ – ЭТО ПЕРЕНЕСЕНИЕ (DEATH IS TRANSFORMATION), but if it is

violated – a soul *stuck* mid-transfer becomes a threat to the living. The ritual prohibitions are equally telling: *закрывать зеркала* [*to cover the mirrors*] and *остановить часы* [*to stop the clocks*] both suspend normal life – mirrors erase reflection (identity), clocks erase time, as if the living world must pause at the moment of transfer. *Открыть окно для души* [*to open a window for the soul*] is perhaps the most transparent embodiment of СМЕРТЬ – ЭТО ПЕРЕНЕСЕНИЕ (DEATH IS TRANSFORMATION): the soul needs a physical passage out, conceptualized as a *departure through space*. *Не свистеть в доме покойника* [*not to whistle in the house of the deceased*] reflects the folk belief that sound attracts spirits – the house remains a liminal zone between worlds. Most conceptually interesting is *нельзя здороваться через порог* [*one must not greet across the threshold*] – the threshold (*порог* [*threshold, liminal boundary*]) is a boundary between the living and dead spaces, and crossing it verbally without crossing it physically is perceived as dangerous contact with the other world.

The slot **Война** (War) encodes how death in war is linguistically transformed into collective cultural identity in Russian culture. *Похоронка* [*lit. “death notice”; colloquial for official military death notification*] – the informal term for an official military death notification – is arguably the most emotionally loaded lexeme in the entire DEATH frame: its diminutive suffix *-ка* does not soften but intensifies, reflecting how deeply this word penetrated everyday wartime speech, becoming the most feared object in any Soviet household. Expression «**Никто не забыт, ничто не забыто**» (No one is forgotten, nothing is forgotten) (O. Bergholz) transformed from a poetic expression into a ritual-memorial cliché, organizing a collective memory of the war.

The study of the structure and content of the concept DEATH within the Russian linguistic worldview leads to the following conclusions:

- The concept DEATH is one of the fundamental and universal categories of human consciousness, possessing a complex frame structure in the Russian language. This structure comprises six interconnected slots: Death, Funeral, Burial, Orthodoxy, Folk beliefs, and War. Linguistic analysis demonstrates that the lexical and phraseological units forming these slots do not merely objectify the biological fact of life cessation but also transmit profound religious, historical, and mythological representations specific to the Russian linguistic picture of the world.

- Frame analysis confirms that in the Russian language, death is conceptualized not as an absolute end, but as a sacred process that closely binds the world of the living and the world of the departed through ritual, faith, and memory. The analysis established that the DEATH frame is built upon several key metaphorical models that structure the perception of this phenomenon: DEATH IS TRANSITION – DEPARTURE, DEATH IS A SLEEP, DEATH IS THE END OF THE ACT, DEATH IS RETURN, DEATH IS TRANSFORMATION;

- The concept DEATH in Russian linguoculture emerges as a multidimensional construct realized across three axiological dimensions. The religious-Orthodox dimension treats death as a spiritual transition; the mythological (folk) dimension preserves archaic fears of “unclean” death and necessitates ritual protection; and the historical-memorial dimension transforms death into an act of heroic sacrifice and an element of national identity.

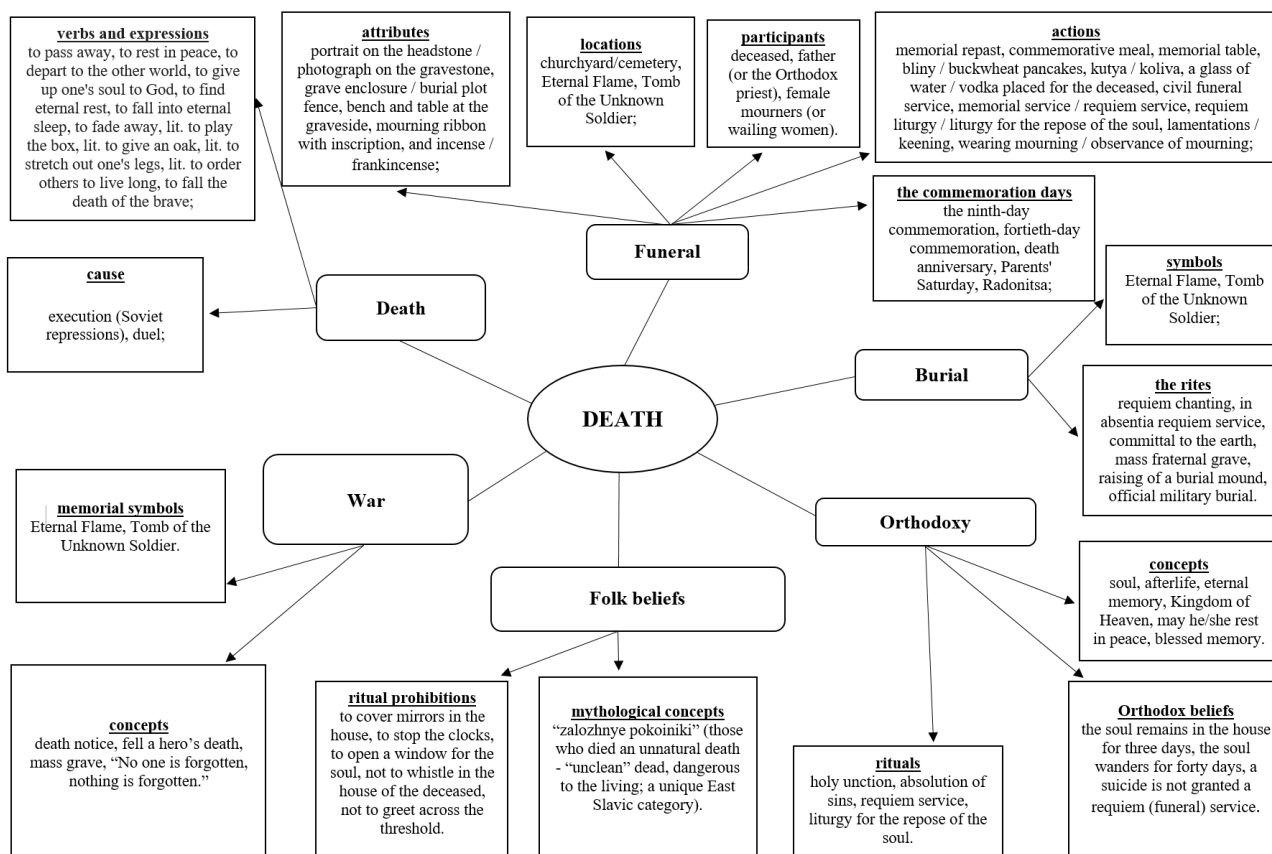


Fig. 2. Frame analysis of the concept death

REFERENCES

- Ashurova D.U., Galieva M.R. Cognitive linguistics. Tashkent: Vneshinvestprom, 2018.
- Baiburin A.K. Ritual v traditsionnoi kul'ture [Ritual in Traditional Culture]. СПб.: Nauka, 1993. (in Russ).
- Bloch M., Parry J. (Eds.). Death and the Regeneration of Life. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Boldyrev N.N. Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoi lingvistiki [Conceptual space of cognitive linguistics] // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2004. №1. 18-36. (in Russ).
- Chudinov A.P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii [Metaphorical Mosaic in Contemporary Political Communication]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2003. (in Russ).
- Fillmore Ch.J. Frame Semantics. In Linguistic Society of Korea (Ed.) // Linguistics in the Morning Calm. Hanshin, 1982. Pp. 111-137.
- Fillmore Ch.J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di Semantica. 1985. № 6(2). C. 222-254.
- Husband E.M. Speaking of death // Philosophical Transactions of the Royal Society B. 2018. Vol. 373. № 1754. P. 20180172.
- Lyi S., Polyakova E.V., Dzholdasbekova B.U. Corpus explication of semantics of the dichotomous concept "Life – Death" in the Russian linguistic picture of the world // Russian Language Studies. 2024. № 22(1). P. 91-102.

Minsky M. A framework for representing knowledge. In P.H. Winston (Ed.) // The Psychology of Computer Vision. McGraw-Hill, 1975. Pp. 211-277.

Sudakova O.N. Semioticheskaya kontseptualizatsiya kul'tury v rabotakh Yu. S. Stepanova // Vestnik SPbGIK. 2017. No. 2 (31). URL: <https://clck.ru/3TfMKP> (07.04.2026).

Uberman A. Death in language and culture // Language & Culture. 2018. Vol. 3. № 1. P. 417-432.

SOURCES

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vols. 1-4. Moscow: Russkiy yazyk, 1981.

Fedorov A.I. (). Frazelogicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: Astrel': AST, 2008.

Natsional'ny korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. (n.d.). URL: <https://ruscorpora.ru> (07.04.2026).

Ozhegov S.I., & Shvedova, N.Yu. (). Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik, 1999.

Senichkina E.P. Slovar' evfemizmov russkogo yazyka [Dictionary of Russian Language Euphemisms]. Moscow: Flinta: Nauka, 2012.

© Ganieva Z.M., 2026

LITERARY APHORISMS AS A MEANS OF FOREGROUNDING IN A LITERARY TEXT

Abstract. The article examines literary aphorisms as an effective means of foregrounding in literary texts from the perspective of cognitive stylistics. The object of the study is the cognitive-stylistic mechanisms of meaning actualization realized in aphoristic utterances. The aim of the study is to identify the functional features of literary aphorisms as a device of information highlighting and to determine their role in the cognitive organization of the text. The theoretical framework of the paper is based on the ideas of the Prague School, Russian formalism, and modern cognitive-stylistic approaches to foregrounding. The article clarifies the notion of foregrounding and discusses its main types and mechanisms, including deviation, parallelism, contrast, paradox, and stylistic convergence. Based on aphorisms by Oscar Wilde, George Orwell, a cognitive-stylistic analysis is carried out in order to reveal the stylistic, cognitive, pragmatic, and sociocultural functions of aphoristic utterances. The findings show that aphorisms function as prominent textual dominants, contribute to defamiliarization, facilitate concept formation, and intensify the reader's interpretative activity. The novelty of the study lies in the systematic treatment of the aphorism as a cognitively marked unit that realizes foregrounding through structural completeness, semantic compression, and stylistic expressiveness. The reliability of the findings is supported by established theoretical frameworks and a representative corpus of literary data. The practical significance of the study lies in its applicability to courses in stylistics, cognitive linguistics, and literary text analysis, as well as in the interpretation and translation of aphoristic expressions.

Keywords: aphorism; foregrounding; cognitive stylistics; deviation; parallelism; literary text; concept; stylistic convergence.

About the author: Rakhimova Gulchekhira Obidjonovna, PhD researcher at Uzbekistan State World Languages University; ORCID 0009-0003-2955-1121.

Contact information: 100185, Uzbekistan, Tashkent, St. Kichik Halqa yoli, G-9A, 21A; tel: +998903459907; e-mail: grakhimova91@gmail.com

Рахимова Г.О.

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ АФОРИЗМЫ
КАК СРЕДСТВО ВЫДВИЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются литературные афоризмы как эффективное средство выдвижения в художественном тексте с позиций когнитивной стилистики. Предметом исследования являются когнитивно-стилистические механизмы актуализации смысла, реализуемые в афористических высказываниях. Цель исследования заключается в

выявлении функциональных особенностей литературных афоризмов как приёма акцентирования информации, а также в определении их роли в когнитивной организации текста. В качестве теоретической основы работы выступают положения Пражской лингвистической школы, русской формальной школы, а также современные подходы когнитивной стилистики к феномену выдвигания. В статье уточняется понятие выдвигания, рассматриваются его основные типы и механизмы, включая языковую девиацию, параллелизм, контраст, парадокс и стилистическую конвергенцию. На материале афоризмов О. Уайльда, Дж. Оруэлла, У. Блейка, проводится когнитивно-стилистический анализ, позволяющий выявить стилистические, когнитивные, прагматические и социокультурные функции афористических высказываний. В результате исследования установлено, что афоризмы выступают значимыми текстовыми доминантами, способствуют деавтоматизации восприятия, формированию концептов и активизации интерпретационной деятельности читателя. Научная новизна исследования заключается в системном рассмотрении афоризма как когнитивно-маркированной единицы, реализующей выдвигание через совмещение структурной завершённости, смысловой компрессии и стилистической выразительности. Достоверность результатов обеспечивается опорой на признанные теоретические источники и репрезентативный корпус литературных примеров. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов в курсах стилистики, когнитивной лингвистики и анализа художественного текста, а также при интерпретации и переводе афористических высказываний.

Ключевые слова: афоризм, выдвигание, когнитивная стилистика, языковая девиация, параллелизм, художественный текст, концепт, стилистическая конвергенция.

Сведения об авторе: Рахимова Гулчехра Обиджановна, PhD-исследователь, Узбекский государственный университет мировых языков; ORCID 0009-0003-2955-1121.

Контактная информация: 100185, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик Халка Йули, квартал Г9А, д. 21А, Узбекский государственный университет мировых языков; тел.: +998903459907; e-mail: grakhimova91@gmail.com

Contemporary cognitive linguistics and cognitive stylistics are increasingly addressing the problem of text organization as a means of expressing meaning. One of the main mechanisms of semantic actualization in the text is the phenomenon of foregrounding – a cognitive-stylistic device aimed at emphasizing certain elements in order to attract attention and increase their conceptual importance. This article is devoted to the study of literary aphorisms as one of the most expressive and concentrated means of foregrounding. An aphorism is a short, pithy statement containing a generalized thought or observation, often of a paradoxical, ironic, or philosophical nature (Gross 2006). These features make the aphorism a particularly important object of analysis in the cognitive-stylistic context. The relevance of the study is determined by the growing interest in the interaction of cognitive and stylistic mechanisms in literary texts, as well as the need for a systematic description of the aphorism as a multifunctional linguistic phenomenon. Although some aspects of the aphorism have already been considered in works on stylistics, cognitive linguistics and text theory, the problem

of aphorism as a means of foregrounding has not yet been comprehensively analyzed. This article identifies and describes the functional characteristics of literary aphorisms as a means of foregrounding, determines their role in the cognitive organization of the text, as well as analyzes the mechanisms that ensure their stylistic and conceptual significance. To achieve this goal, the following tasks are being addressed: defining the concept of foregrounding and means of foregrounding proposed by different researchers; description of the main stylistic and cognitive aspects of aphorism; classification of aphorisms according to the means of foregrounding; The scientific novelty of the article lies in the systematic approach to the analysis of the aphorism as a cognitively marked unit that creates foregrounding through the combination of stylistic devices, semantic deviations and communicative expressiveness.

The notion of foregrounding remains a central topic in cognitive linguistics and stylistics (Ashurova 2025). It is a way of organizing text in which certain elements are more prominent due to their stylistic expressiveness, conceptual importance and aesthetic density (Арнольд 1981).

From a cognitive perspective, foregrounding is understood as a conceptual category related to the redistribution of attention and the mechanisms of perception. As defined in *A Brief Dictionary of Cognitive Terms*, processes of meaning construction are inseparable from such mechanisms of attention, focus and information selection. L.G. Luzina highlights that foregrounding is based on surprise, unexpectedness and a change in the center of perception. Modern cognitive scientists often interpret the foreground through the figure-ground model, where the figure represents the most salient and conceptually significant element of the text (Кубрякова и др. 1996).

The problem of foregrounding was studied in detail by scientists of the Prague school of linguistics such as J. Mukařovský, B. Havranek and Russian Formal School including V. Shklovsky, R. Jakobson, etc. Mukařovský used the term “actualization” to describe the notion of foregrounding and associated it with a deliberate deviation from the norms of the language based on aesthetic goals. The scientist claims that “the function of poetic language consists in the maximum of foregrounding of the act of perception” (Mukařovský 1964: 19). which is achieved by “the violation of the norm of the standard language” (Leech, Short 2007). In this case, foregrounding is closely related to the process of de-automatization. B. Havranek, developing the ideas of Prague School, considered actualization to be a special form of language use that violates the usual presentation of the statement and attracts the reader’s attention. In this sense, actualization is closely related to automation of perception.

Within the framework of the Russian formalist school, the notion of foregrounding corresponds to the concept of “defamiliarization” (*otstranenie*) proposed by V. Shklovsky. According to his approach, the literary text should make the perception of the thing difficult and restore the immediacy of experience. The author argues that “the purpose of art is to impart the sensation of things as they are perceived and not as they are known”. It is verbalized through specific techniques which “make objects ‘unfamiliar’, make forms difficult, and increase the difficulty and length of perception” (Shklovsky 1965:12). The ideas of defamiliarization were further developed in the works of R. Jakobson, who connected the poetic function of the language with the specific orientation of the sentence to its form (Jakobson 1987).

In the traditional stylistics, the notion of foregrounding was actively studied by I.V. Arnold and V.A. Kukhareenko. I. V. Arnold, based on the tradition of the English language, defined foregrounding as a special organization that highlights its most significant elements, and enhances its expressiveness and aesthetic effect (Арнольд 2002). She emphasized the following mechanisms of foregrounding such as stylistic convergence, coupling and defeated expectancy. V.A. Kukhareenko further develops this approach and introduces additional mechanisms of foregrounding encompassing strong position, contrast, title, epigraph and expressive means (Кухаренко 2004). Researchers such as G. Leech, M. Short, J. Douthwaite and N.M. Djusupov identify other key mechanisms of foregrounding including linguistic deviation and parallelism. In the works of G. Leech and M. Short, foregrounding is interpreted primarily as a deviation from the language norm and is divided into two main types: quantitative and qualitative deviation. Quantitative deviation is related to the change in the expected repetition of the language forms, which is achieved through repetition, parallelism, anaphora, epiphora, alliteration, and other patterns. Qualitative deviation, on the other hand, involves various levels of deviation from the language system itself, including phonetic, lexical, grammatical and semantic deviations. Such deviations can take the form of paradox, oxymoron, neologisms, archaisms, and deliberate grammatical irregularities, all of which serve to foreground meaning by disrupting traditional linguistic expectations (Leech, Short 2007). M. Short also emphasized the significance of parallelism in the structure of a literary text. In his opinion, the repetition of language structures increases the semantic density of the sentence and encourages the reader to look for additional logical connections between repeated parts (Short 1996). However, the most complete analysis of this phenomenon from a cognitive-stylistic point of view is available in the works of N.M. Djusupov. In his studies, N.M. Djusupov highlights the relationship between linguistic deviation and parallelism, noting that both mechanisms serve to emphasize form and meaning, although they achieve this by different means (Джусупов 2024). At the same time, D.U. Ashurova in her monograph (2025), proposes fragments of the text containing “author’s meditation” as another means of foregrounding. Their characteristic features include autocemanticity, conceptuality, stylistic markedness and deviations from narrative plot line that create the effect of foregrounding. Moreover, she argues that positions of foregrounding in a literary text are occupied by key words, symbols, literary conceptual metaphors, dominant concepts verbalized in the text and even individual stylistic devices that determine the conceptual meaning of the entire literary work (Ashurova 2025:37).

Considering all the theoretical approaches discussed above, we can claim that a literary aphorism can be interpreted as one of the most concise and effective means of foregrounding. Its special feature is that the aphorism summarizes a large amount of literary, philosophical and cultural information in a very compressed form. This semantic density ensures that the aphorism is evident in the text structure and serves as a means of foregrounding. Aphoristic statements not only express generalized thoughts, but also shape the trajectory of text interpretation, organize the reader’s attention and structure the process of meaning formation. Literary aphorisms also integrate a number of stylistic devices such as repetition, deviation, allusion, etc., which assist in highlighting key elements within the text. From the cognitive-stylistic point of view, the aphorism is characterized by completeness, rhythmic organization, symmetry and parallelism often created on the basis of paradox,

antithesis, irony, convergence of stylistic devices and semantic deviation. It often represents a concise framework for understanding the world, human nature, social relations, morality, love, power, art or truth. In this sense, a literary aphorism is not just a stylistic tool, but a cognitive unit encoding the author's individual world picture. Below we will consider a number of literary aphorisms from the works of O. Wilde, J. Orwell and W. Blake, which function not only as a means of foregrounding but at the same time carrier of other means of foregrounding such as deviation, parallelism, repetition, convergence of stylistic devices etc. within their structure. It should be noted that these elements can serve as evidence for our claim that literary aphorisms can be considered as one of the mechanisms of foregrounding in literary text.

In the following example, we can observe a vivid example of the convergence of stylistic devices in a literary aphorism:

Surely love is wonderful thing. It is more precious than emeralds, and dearer than fine opals. Pearls and pomegranates cannot buy it, nor is it set forth in the marketplace. It may not be purchased of the merchants, nor can it be weighed out in the balance for gold" (Wilde 2000).

In this passage, the aphorism is created through stylistic convergence, that is, the simultaneous interaction of stylistic devices such as metaphor ("*love is wonderful thing*"), epithet (*wonderful thing*) parallel construction, personification and rhythmically organized syntax. The stylistic and conceptual significance of this aphorism is conditioned not only by the usage of stylistic devices but also by the gradual emotional tension created by the convergence of stylistic devices. In this example, the convergence of stylistic devices also creates a high level of expressiveness and semantic density, which allows the statement to act as an important element of the text.

Another vivid example which activates foregrounding is George Orwell's aphorism from "1984":

"War is Peace. Freedom is Slavery. Ignorance is Strength" (Orwell 2003:4).

This aphorism plays a crucial role for the realization of foregrounding in a literary text, since it is based on linguistic mechanisms of semantic deviation and parallelisms created by coupling incompatible logically inconsistent notions. (*war and peace, freedom and slavery*) Semantic deviation as known is a deliberate violation of semantic rules to create new meaning. In this example, meaning emerges from the paradoxical combination of two opposite notions such as "*war is piece*", "*freedom is slavery*", which forces the reader to reinterpret the conventional conceptual oppositions.

Parallelism, which is based on the regular usage of syntactical constructions, is also considered as one of the means of foregrounding. It is aimed at attracting the reader's attention, to highlight the stylistic and conceptual significance of the repeated structures and to create the effect of gradual emotional tension. In this example, the usage of semantic deviations within parallel constructions strengthens both the stylistic and conceptual significance of the literary aphorism. Most important here is a socio-cultural function of aphorism which intends to sarcastically criticize and condemn the totalitarian regime of the society.

A further well-known aphorism from "*The Marriage of Heaven and Hell*" by William Blake can also be a good example to represent foregrounding created by repetition:

“Attraction and Repulsion, Reason and Energy, Love and Hate, are necessary to Human existence” (Blake 2008:38).

This aphorism is based on a chain of oppositional pairs which represents the main features of human existence. The antithesis *“Attraction and Repulsion”, “Reason and Energy”, “Love and Hate”* creates the contrast based on the binary oppositions which is considered one of the means of foregrounding. Binary opposition is defined as a universal cognitive mechanism and principle of categorization, through which reality is structured and understood in terms of oppositional conceptual pairs that function as fundamental units of meaning construction. It should be noted that the principle of binary categorization and structuring of the world is represented both at the level of consciousness and at the level of language (phonological, lexical and syntactic). As a result, binary oppositions exert a significant influence on the formation of both conceptual and linguistic worldview of the individual (Galieva 2014). In this example, the binary oppositions assist in representing the author’s conceptual world picture. According to Blake’s worldview, oppositions are not mutually separate or inconsistent, but their existence is mutually necessary. Therefore, the aphorism does not simply recognize the existence of contradictions, but it posits the principle of contrast as a universal law of existence. The repeated combination of *“and”* creates an accumulative effect, and the structure gives the statement rhythmic completeness.

The analysis demonstrates that the literary aphorism should indeed be regarded as an independent and productive means of foregrounding in a literary text. Its salience is determined by a combination of interrelated characteristics: structural completeness, semantic concentration, stylistic markedness, cognitive density and pragmatic orientation. Unlike a detailed description or narration, literary aphorisms compress the idea into a very compact form and maintain a high level of content density. Through such compression, the aphorism functions as a strong textual position and continues to function beyond its original literary context.

The analysis of literary aphorisms also illustrated that the expressiveness of aphorisms is based on convergence of stylistic devices. The most common among them are parallelism, antithesis, repetition, paradox, irony, metaphor and gradation. It is the combination of these stylistic devices that ensures the multi-layeredness of the aphoristic sentence. From a cognitive point of view, aphorisms function as a means of forming and activating concepts. It should be noted that most of the examples discussed are based on the violation of logical, moral or cultural expectations. The reader is faced with an unexpected structure that requires a pause, revision and intellectual effort. It is where the most important cognitive-stylistic effect of foregrounding resides. The pragmatic function of aphorisms is that they affect the reader not only intellectually, but also emotionally. Some aphorisms evoke admiration, others irony and still others philosophical puzzlement or even shock. Through this, aphorisms become an effective means of de-automizing perception. Within the framework of cognitive stylistics, an aphorism should be interpreted as a text unit of increased semiotic density that emphasizes information and regulates the reader's perception.

In conclusion, as a result of our research, the following conclusion can be made:

– The authors’ aphorisms in the literary text due to their linguistic features, such as short and laconic forms and semantic density, can be regarded as an essential means of foregrounding and in

addition, these aphorisms encompass other means of foregrounding such as deviation, parallelism, repetition, stylistic convergence created by antithesis, paradox, irony, etc. in their content

– The authors' aphorisms as a means of foregrounding convey conceptually significant information and assist in representing the author's individual world picture

The findings of this study enable us to formulate a number of theoretical and practical recommendations:

– it would be beneficial to more actively include the analysis of aphoristic sentences in the courses of stylistics, text interpretation, cognitive linguistics. A literary aphorism is a convenient material for demonstrating mechanisms of foregrounding, as it reflects complex processes of foregrounding in a compact form.

– further research may be aimed at comparative analysis of aphorisms from different literary traditions and languages, encompassing English and Uzbek aphoristic traditions.

– the translation of literary aphorisms deserves special attention, because the interlanguage transfer of these texts requires preserving not only their denotative content but also the effect of cognitive actualization.

– it would be effective to expand the field of research by including in the analysis not only classical literary texts, but also modern discursive practices in which aphoristic expression is active: journalism, mass media, digital communication, political and advertising discourse.

REFERENCES

Arnold I.V. *Stilistika. Sovremennyyi angliiskii yazyk. 3-e izd., ispr. i dop.* Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 384 p.

Arnold I.V. *Teoriya vydvizheniya v stilistike. Voprosy yazykoznaneya.* 1981. No. 2. P. 15-23.

Ashurova D.U. *Stilistika v paradigme kognitivno-diskursivnoi teorii yazyka.* Tashkent, 2025. P. 37.

Douthwaite J. *Towards a Linguistic Theory of Foregrounding.* Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2000. 221 p.

Dzhusupov N.M. *Kognitivno-stilisticheskaya priroda yazykovogo vydvizheniya v angliiskom khudozhestvennom tekste: Dis. ... kand. filol. nauk.* Tashkent, 2021. 185 p.

Dzhusupov N.M. *Yazykovaya deviatsiya kak mekhanizm vydvizheniya: teoretiko-prakticheskii aspekt.* Tashkent: UzGU, 2024. 156 p.

Galieva M.R. *Kognitivnyi printsip binarnosti v religioznoi kartine mira. Voprosy kognitivnoi lingvistiki.* 2014. No. 2 (39). P. 56-65.

Jakobson R. *Language in Literature.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 456 p.

Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu. G., Luzina L.G. *Kratkii slovar kognitivnykh terminov.* Moscow: Filologicheskii fakultet MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. 245 p.

Kukhareno V.A. *Interpretatsiya teksta: ucheb. posobie. 5-e izd., stereotip.* Moscow: Flinta, 2004. 192 p.

Leech G.N. *A Linguistic Guide to English Poetry.* London: Longman, 2007. 248 p.

Leech G., Short M. *Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose*. 2nd ed. Harlow: Pearson Longman, 2007. 404 p.

Mukarovskiy J. *On Poetic Language*. Prague: Czechoslovak Academy of Sciences, 1967. 112 p.

Mukarovskiy J. *Standard Language and Poetic Language*. In: *A Prague School Reader in Linguistics*. Bloomington: Indiana University Press, 1964. P. 17-30.

Van Peer W., Hakemulder E. *Kognitivnye otkloneniya v khudozhestvennom tekste*. *Vestnik kognitivnoi lingvistiki*. 2006. No. 2. P. 45-57.

SOURCES

Blake, W. 2008. *The Marriage of Heaven and Hell*. Oxford: Oxford University Press.

Gross J. (ed.). *The Oxford Dictionary of Aphorisms*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Orwell G. *Nineteen Eighty-Four*. London: Penguin Books, 2003. 326 p.

Wilde O. *The Happy Prince and Other Stories*. London: Penguin Books, 2000. 128 p

© Rakhimova G.O., 2026

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ BREXIT

Аннотация. В статье рассматривается когнитивно-прагматическая функция персуазивности в медиаполитическом дискурсе на материале англоязычных публикаций, освещающих период BREXIT. Целью научного исследования является выявление способов когнитивной организации медиатекста, способствующих формированию определённой интерпретации BREXIT в восприятии адресата. Повышенное внимание к роли персуазивных стратегий в освещении политических событий в англоязычных СМИ определяет значимость исследования. Объектом исследования послужил медиаполитический дискурс, предметом исследования – лингвопрагматические механизмы персуазивности, реализуемые через фрейминг при репрезентации политического события. В исследовании используются когнитивный и лингвопрагматический подходы к анализу дискурса. В аналитической части применяются дискурсивный и контекстуально-прагматический методы анализа медиатекстов. Фрейм-анализ применён к корпусу англоязычных публикаций о BREXIT из изданий Bloomberg, The Week, Business Insider и данных Reuters Institute. Персуазивность в исследовании рассматривается не как акт прямого убеждения, а как результат интерпретации, формируемой в рамках дискурса. Анализ исследования показал, что лексема BREXIT в медиадискурсе используется не как нейтральное обозначение. Её значение выходит за рамки словарной дефиниции и формируется в процессе интерпретации внутри конкретного контекста. Было установлено, что фрейминг концепта BREXIT задаёт отбор и расстановку смысловых акцентов. Он структурирует репрезентацию события через экономический фрейм, фрейм национального суверенитета и фрейм геополитических сценариев, задавая устойчивую интерпретацию. Персуазивная функция медиатекста рассматривается как результат когнитивных и прагматических механизмов, проявляющихся в особенностях подачи информации. Текст активирует знакомые читателю фреймы и использует лексические средства, опирающиеся на общекультурные знания, что способствует релевантному структурированию высказывания. Важную роль играют имплицитные оценки и причинно-следственные связи. Всё это способствует формированию предпочтительной интерпретации без необходимости открытой аргументации. Выводы обоснованы материалом выбранного корпуса и интерпретируются в пределах проанализированных источников. Результаты исследования можно использовать при изучении медиадискурса, политической коммуникации и в прагмалингвистике.

Ключевые слова: персуазивность, медиаполитический дискурс, фрейминг, фрейм-анализ, когнитивно-прагматическая функция, BREXIT, интерпретация.

Сведения об авторе: Тригулова Татьяна Александровна, соискатель степени PhD кафедры лингвистики и английской литературы, старший преподаватель кафедры практических дисциплин Узбекского государственного университета мировых языков; ORCID 0000-0003-3540-0664.

Контактная информация: tel: +998909031953, e-mail: tanushka25-80@mail.ru

T.A. Trigulova

COGNITIVE-PRAGMATIC FUNCTION OF PERSUASIVENESS IN BREXIT MEDIA-POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article examines the cognitive-pragmatic function of persuasiveness in mediapolitical discourse based on English-language publications covering the Brexit period. The aim of the research is to identify the ways in which media texts are cognitively organized to promote a particular interpretation of Brexit in the perception of the audience. The growing emphasis on persuasive strategies in the coverage of political events in English-language media underscores the relevance of this research. The object of the research is mediapolitical discourse, and the subject is the linguopragmatic mechanisms of persuasiveness implemented through framing in the representation of the political event. The research uses cognitive and linguopragmatic approaches to discourse analysis. In the analytical section, discursive and contextually pragmatic methods are applied to the analysis of media texts. Frame analysis is conducted on a corpus of English-language publications on Brexit from Bloomberg, The Week, Business Insider, and data from the Reuters Institute. Persuasiveness in the research is viewed not as an act of direct persuasion, but as a result of interpretation formed within the framework of discourse. The analysis revealed that the lexeme Brexit in media discourse is not used as a neutral designation. Its meaning extends beyond the dictionary definition and is shaped through interpretation within a specific context. It was established that the framing of the Brexit concept determines the selection and emphasis of semantic focal points. The event is represented through economic, geopolitical, and national sovereignty frames, creating a stable pattern of interpretation. The persuasive function of the media text is viewed as a result of cognitive and pragmatic mechanisms, manifested in the way information is presented. The text activates frames familiar to the reader, employs lexical means grounded in shared cultural knowledge, and organizes utterances according to the principle of relevance. Implicit evaluations and causal links play a crucial role. All of this contributes to shaping a preferred interpretation without explicit argumentation. The conclusions are supported by the selected corpus and are interpreted within the scope of the analyzed sources. The findings can be applied in the study of media discourse, political communication, and pragmatolinguistics.

Keywords: persuasiveness, media-political discourse, framing, frame analysis,; cognitive-pragmatic function, Brexit, interpretation.

About the author: Trigulova Tatyana Aleksandrovna, PhD candidate of the Department of Linguistics and English Literature, Senior lecturer at the Department of Practical Disciplines of the Uzbek State University of World Languages; ORCID 0000-0003-3540-0664.

Contact information: tel: +998 90 903 19 53, e-mail: tanushka25-80@mail.ru

Введение. В современных исследованиях медиаполитического дискурса персуазивность рассматривается как функциональное свойство текста, обеспечивающее направленное формирование интерпретаций и оценок социально значимых событий. Мы исходим из того, что персуазивное воздействие в медиа реализуется преимущественно имплицитно. Оно не предполагает прямого убеждения, а достигается за счёт прагматической организации содержания: отбора аспектов события и структурирования смыслов. Данный подход соответствует лингвопрагматической трактовке дискурса, в которой язык функционирует как инструмент воздействия на процессы понимания и интерпретации.

В нашем исследовании мы опираемся на подход Т. ван Дейка к медиадискурсу. В его модели влияние СМИ связано с управлением когнитивными схемами интерпретации, а не с прямым навязыванием оценок (van Dijk 2008: 15-16). Это положение принимается в качестве методологической основы, поскольку оно раскрывает персуазивность как эффект избирательного представления информации. Такой эффект возникает через акцент на определённых аспектах события. Причинно-следственные связи при этом акцентируются избирательно, а некоторые интерпретации закрепляются в медиатексте как доминирующие.

Когнитивная сторона персуазивности связана с тем, как в тексте используются устойчивые схемы интерпретации. Они делают смыслы понятными и узнаваемыми. В этом исследовании такой схемой выступает фрейм. Теоретической основой данного подхода является концепция М. Минского, где фрейм определяется как структура знаний о типичных ситуациях. Она помогает человеку понять происходящее и соотнести его с уже знакомыми моделями (Minsky 1975: 211). Данная трактовка принимается нами как базовая, поскольку позволяет рассматривать фрейм не как абстрактную категорию, а как когнитивный ресурс, используемый в процессе интерпретации медиатекстов.

Когнитивное понимание фрейма дополняется его лингвистической интерпретацией. В теории фреймовой семантики Ч. Филлмор рассматривает фрейм как структуру, задающую прагматический контекст для восприятия высказывания. Филлмор рассматривает те языковые единицы, которые активируют когнитивные модели типичных ситуаций, включающие информацию об участниках, их ролях и ожидаемых действиях (Fillmore 1982: 111). В нашем исследовании данное положение принимается в качестве методологически значимого, поскольку оно позволяет рассматривать выбор лексических и синтаксических средств как механизм прагматической актуализации отдельных элементов картины мира, релевантных для коммуникативной задачи медиатекста.

В медиаполитическом дискурсе когнитивные структуры фрейма приобретают выраженное прагматическое значение. В работах Р. Энтмана фрейминг определяется как процесс селекции и смысловой акцентуации аспектов реальности, направленный на

формирование интерпретации события, его оценки и возможных способов решения проблемы (Entman 1993: 52). Схожая логика прослеживается и в современных исследованиях англоязычных медиатекстов, в которых актуализируется лексема BREXIT. В. Коллер отмечает, что медиа закрепляют интерпретационные рамки события и формируют оценочный ракурс (Koller et al. 2019: 1). Отмечается также роль метафор и приёмов эмоционального усиления, которые повышают прагматический эффект таких интерпретаций (Charteris-Black 2019: 16-17; Musolff 2021: 628). Такая трактовка принимается и в нашем исследовании, поскольку она фиксирует функциональную связь между когнитивной организацией информации и персуазивным воздействием на адресата.

В исследовании фрейминг рассматривается как способ когнитивно-прагматической реализации персуазивности. Он направляет восприятие медиасобытий без явного убеждения, что делает возможным переход от общей теории к анализу конкретных языковых решений и интерпретационных схем, через которые в СМИ представлен BREXIT. Словарное определение ключевой лексемы здесь служит не теоретической базой, а отправной точкой для анализа того, как значение формируется в дискурсе.

Материал исследования и методы анализа. Материалом исследования послужили англоязычные публикации о BREXIT из Bloomberg Opinion, The Week, Business Insider, Reuters Institute, The Guardian, а также данные Oxford English Dictionary. В работе использованы дискурсивный и контекстуально-прагматический анализ. В аналитической части фреймы выделяются по интерпретационным доминантам. Их структура описывается через систему слотов, которые упорядочивают выбор тем, причинно-следственные связи и оценочные признаки. Такое разграничение позволяет рассматривать фрейм как когнитивную модель репрезентации события, а слоты – как элементы её прагматической реализации в медиатексте.

Анализ фрагментов медиаполитического дискурса, содержащих лексему BREXIT, опирается на различие между словарным значением лексической единицы BREXIT и её дискурсивной репрезентацией. BREXIT как термин впервые зафиксирован в лексикографических источниках как сокращение от British exit. В Oxford English Dictionary он определяется как the withdrawal of the United Kingdom from the European Union. Такое толкование фиксирует только факт и не включает оценок или интерпретаций. Формулировка нейтральна и не содержит расширенного контекста. В исследовании это значение используется как отправная точка. На её фоне рассматриваются дискурсивные сдвиги и прагматическое переосмысление термина в публикациях СМИ.

Результаты и обсуждение. В медиаполитическом дискурсе BREXIT функционирует как концептуальная единица, активирующая фреймовую структуру, внутри которой реализуется персуазивное воздействие. Персуазивность обеспечивается не эксплицитной аргументацией, а когнитивной организацией содержания, включающей селекцию аспектов события, их интерпретацию и оценочную маркировку. Анализ эмпирического материала позволяет выделить три доминирующих фрейма репрезентации BREXIT, каждый из которых конструирует специфический фрагмент политической картины мира.

Экономический фрейм репрезентирует BREXIT как экономический риск либо экономическую возможность. В рамках данного фрейма ключевыми слотами выступают экономические последствия, финансовая устойчивость и перспективы роста. В материалах Bloomberg Opinion BREXIT систематически интерпретируется через слот экономического ущерба, что подтверждается повторяющимися номинациями lasting damage, disastrous for the UK, listless economy (Winkler 2024). Экономические параметры отбираются селективно и выстраиваются в причинно-следственную цепочку, формируя интерпретацию BREXIT как фактора структурного ослабления экономики. В аналитических материалах платформы IG International тот же фрейм реализуется через альтернативные слоты, акцентирующие потенциальные преимущества, в частности regulatory freedom и new trade agreements, что задаёт иную интерпретационную перспективу: Key arguments for why the UK should leave the EU included ... the potential for glitzy new trade deals with countries like the US (IG International 2020). Персуазивный эффект достигается за счёт противопоставления экономических сценариев.

Фрейм национального суверенитета представляет BREXIT как оправданный политический шаг. Он связан с идеей восстановления контроля и независимости. Этот фрейм устойчиво воспроизводится в британских медиа. Согласно данным Levy (2016), он активно использовался в pro-BREXIT публикациях. В них выделяются слоты суверенитет, демократический контроль, национальная независимость. Например, в британском медиадискурсе отмечено, что BREXIT подавался как Being outside returns control over laws and borders... (The Guardian 2016). Персуазивный эффект достигается не через аргументы о выгоде или рисках, а через апелляцию к политическим ценностям.

Фрейм геополитических сценариев представляет BREXIT как событие, запускающее долговременные последствия. В отличие от фрейма политического суверенитета, он не сосредоточен на оправдании выхода из ЕС, а переносит внимание на возможные сценарии развития. The Week, цитируя CNN, выделяет, что The reality of leaving the EU has been marked by complexities and disruptions (The Week 2024). Более того, отмечается, что обещания контроля, богатства и гордости оказались трудновыполнимыми. Этот фрейм формирует установку на восприятие BREXIT как процесса с открытым исходом и неопределённым будущим.

Схожий подход представлен в исследовании Reuters Institute for the Study of Journalism (2018), посвящённом тому, как европейские СМИ освещали BREXIT. Этот источник является аналитическим отчётом, а не новостной публикацией. В нём показано, что в европейском медиадискурсе BREXIT часто воспринимался как серьёзное испытание для проекта европейской интеграции. Такое фреймирование формирует представление о BREXIT не как о завершённом событии, а как о процессе с неопределённым дальнейшим развитием.

Фреймы не работают изолированно. Их выбор зависит от задач и позиции издания. Reuters Institute приводит данные, согласно которым британская пресса чаще опирается на фреймы национального суверенитета и геополитических сценариев. В то же время Business Insider делает акцент на экономических потерях, рисках для британского рынка и

нестабильности, сопровождавшей выход (Brinded 2016). Такая разница объясняется не только редакционной политикой, но и ориентацией каждого издания на свою аудиторию.

Анализ показал, что персуазивный эффект в медиаполитическом дискурсе о BREXIT достигается за счёт фреймовой репрезентации ключевого концепта. Между словарной дефиницией и его медийным воплощением наблюдается разрыв. Это указывает на то, что СМИ не просто описывают событие, а формируют его интерпретационную рамку. В таком контексте фрейминг действует как инструмент когнитивного и прагматического воздействия, направляя восприятие и оценку события аудиторией.

Выводы. Выявлено, что слово BREXIT, образованное от Britain и exit, в медиадискурсе утрачивает нейтральность. Оно перестаёт быть просто названием политического процесса и приобретает концептуальную нагрузку. В отличие от словарного определения, которое ограничивается фактом выхода Великобритании из ЕС, медийные тексты наполняют это слово оценками и интерпретациями. Такое расхождение позволяет использовать BREXIT как инструмент для формирования политической картины мира и усиливает его прагматический эффект.

Фрейм-анализ показал, что в англоязычных СМИ преобладают три типа интерпретации BREXIT: экономический, национального суверенитета и геополитических сценариев. Каждый из них строится на определённом наборе смысловых слотов – тем, причинно-следственных связей и оценочных акцентов. Экономический фрейм описывает BREXIT как выбор между финансовыми рисками и возможностями. Фрейм национального суверенитета делает акцент на восстановлении контроля и независимости. Фрейм геополитических сценариев рассматривает BREXIT как начало длительных изменений, сдвигов в будущем и переоценки внешнеполитического курса.

Анализ эмпирического материала показывает, что указанные фреймы не функционируют изолированно. Их иерархия и актуализация зависят от прагматической установки медиаплатформы и целевой аудитории. Выбор доминирующего фрейма определяет направление интерпретации события и закрепляет определённые модели понимания политической реальности без обращения к эксплицитному убеждению.

В целом результаты исследования свидетельствуют о том, что фрейминг в медиаполитическом дискурсе о BREXIT функционирует как когнитивно-прагматический механизм персуазивности, обеспечивающий направленную интерпретацию социально значимого события.

ЛИТЕРАТУРА

Charteris-Black J. *Metaphors of Brexit: No Cherries on the Cake?* Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 337 p.

Entman R.M. *Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm* // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43. No. 4. P. 51-58.

Fillmore C.J. *Frame Semantics* // *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981*. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. P. 111-137.

Koller V., Kopf S., Miglbauer M. (eds.). Discourses of Brexit. Abingdon: Routledge, 2019. 268 p.

Minsky M.A Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision. New York: McGraw-Hill, 1975. 211-277.

Musolff A. Hyperbole and emotionalisation: Escalation of pragmatic effects of proverb and metaphor in the “Brexit” debate // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. No. 3. P. 628-644.

van Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University. Press, 2008.

SOURCES

Brinded L. Britain is broken beyond repair – and the worst is yet to come // Business Insider. 24 June 2016. URL: <https://clck.ru/3TdNoo> (29.01.2026).

IG Group. Pros and cons of Brexit // IG International. 2020. URL: <https://clck.ru/3TdNpP> (29.01.2026).

Levy D.A.L., Aslan B., Bironzo D. UK newspapers’ positions on Brexit // University of Oxford. 23

May 2016. URL: <https://www.ox.ac.uk/news/2016-05-23-uk-newspapers-positions-brexit> (29.01.2026).

Oxford. 02 July 2018. URL: <https://www.ox.ac.uk/news/2018-07-02-how-europes-media-covered-brexit> (29.01.2026).

Reuters Institute for the Study of Journalism. How Europe’s media covered Brexit // University of

The Guardian. Iain Duncan Smith calls for Brexit talks to begin as soon as possible. 21 Aug. 2016. URL: <https://clck.ru/3TdNsT> (28.01.2026).

The Week. Brexit: where we are four years on. 31 January 2024. URL: <https://clck.ru/3TdNtU> (28.01.2026).

Winkler M.A. Brexit’s Lasting Economic and Financial Damage Looks Inescapable // Bloomberg. Opinion. 19 March 2024. URL: <https://clck.ru/3TdNu3> (29.01.2026).

DICTIONARIES

Oxford English Dictionary. Brexit. 2016. URL: <https://clck.ru/3TdNux> (29.01.2026).

© Тригулова Т.А., 2026

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ
“INNOVATION” И “RESILIENCE” В КОРПОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ESG-ОТЧЕТОВ И ПРЕСС-РЕЛИЗОВ ЗАРУБЕЖНЫХ
И РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ)**

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в выявлении и сопоставлении лингвокультурной специфики репрезентации концептов INNOVATION и RESILIENCE на материале ESG-отчетов и пресс-релизов за 2024–2025 гг. Задачи исследования включают: формирование репрезентативного корпуса текстов; проведение частотного и коллокационного анализа лексем-репрезентантов исследуемых концептов; выявление дискурсивных стратегий их презентации. Методологическую базу составляют теория концепта в когнитивной лингвистике, принципы сопоставительной лингвокультурологии. Интерпретация данных опирается на положения С.Г. Тер-Минасовой о социокультурных коннотациях и Л.Л. Нелюбина о природе коннотативных значений. Основные результаты демонстрируют устойчивые лингвокультурные различия. В зарубежном дискурсе концепт INNOVATION функционирует как ценностный флагман, вербализуемый через коллокации innovative solutions, co-create, AI и занимающий заголовочные позиции. Концепт RESILIENCE получает прямую номинацию (resilient world). В российском дискурсе INNOVATION репрезентируется имплицитно, а RESILIENCE не имеет отдельной лексической объективации, будучи семантически ассимилирован концептом УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ. Выводы подтверждают гипотезу о том, что глобальные ESG-концепты подвергаются национально-специфической трансформации: инновация осмысливается либо как идентичность, либо как инструмент, а резильентность или выделяется в самостоятельную ценность, или поглощается смежным понятием устойчивости. Направление дальнейших исследований видится в расширении эмпирической базы за счет включения пресс-релизов для анализа жанровой динамики, а также в привлечении данных из иных отраслевых сегментов и лингвокультур для построения репрезентативной модели.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурная специфика, корпоративный дискурс, сопоставительная лингвистика, семантическое поле, переводческая рецепция, устойчивость.

Сведения об авторе: Шерстнёва Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, Северо-Восточный государственный университет; ORCID 0000-0003-0083-4884.

Контактная информация: 685000, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13; тел. 89148524477; e-mail: mountaincrystal@mail.ru

LINGUOCULTURAL SPECIFICITIES OF REPRESENTATION OF THE CONCEPTS OF “INNOVATION” AND “RESILIENCE” IN CORPORATE DISCOURSE (BASED ON ESG REPORTS AND PRESS RELEASES OF GLOBAL AND RUSSIAN COMPANIES)

Abstract. The aim of this study is to identify and compare the linguacultural specifics of the representation of the concepts of INNOVATION and RESILIENCE using ESG reports and press releases for 2024–2025. The objectives of the study include: forming a representative corpus of texts; conducting a frequency and collocation analysis of lexemes representing the studied concepts; identifying discursive strategies for their presentation. The methodological basis consists of concept theory in cognitive linguistics and the principles of comparative linguacultural studies. Data interpretation is based on the provisions of S. G. Ter-Minasova on sociocultural connotations and L. L. Nelyubin on the nature of connotative meanings. The main results demonstrate persistent linguistic and cultural differences. In international discourse, the concept of INNOVATION functions as a value flagship, verbalized through collocations such as “innovative solutions,” “co-create,” and “AI,” occupying headline positions. The concept of RESILIENCE receives a direct nomination (“resilient world”). In Russian discourse, INNOVATION is represented implicitly, while RESILIENCE lacks a separate lexical objectification, being semantically assimilated by the concept of SUSTAINABLE DEVELOPMENT. The main results demonstrate persistent linguistic and cultural differences. In international discourse, the concept of INNOVATION functions as a value flagship, verbalized through collocations such as “innovative solutions,” “co-create,” and “AI,” occupying headline positions. The concept of RESILIENCE receives a direct nomination (“resilient world”). In Russian discourse, INNOVATION is represented implicitly, while RESILIENCE lacks a separate lexical objectification, being semantically assimilated by the concept of SUSTAINABLE DEVELOPMENT.

Keywords: concept, lingvo-cultural specifics, corporate discourse, comparative linguistics, semantic field, translation reception, sustainability.

About the author: Sherstneva Ekaterina Sergeevna, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philology, North-Eastern State University; ORCID 0000-0003-0083-4884.

Contact information: 685000, Magadan, 13 Portovaya St.; 89148524477; e-mail: mountaincrystal@mail.ru

Интернационализация деловых коммуникаций делает неизбежным перенос ключевых концептов из одной лингвокультурной среды в другую. Такие лексемы, как “innovation” и “resilience”, стали смысловыми маркерами современной корпоративной повестки, особенно в контексте социально ответственного управления (ESG) (Ali Basah M. Y., Marzuki A. и др. 2024: 18-20). Однако их функционирование в иноязычных текстах различных жанров представляет собой не механическое заимствование, а сложный процесс культурно-обусловленной

рецепции, требующий отдельного изучения в русле сопоставительной лингвистики и особенностей дискурса (Демьянков 2010: 152).

Несмотря на значительный объем работ по теории корпоративного дискурса и отдельные исследования концептов “innovation” и “resilience”, комплексный сопоставительный анализ их лингвокультурной специфики на материале текстов (официальный отчет, публичный пресс-релиз) остается лакуной. Данная статья призвана восполнить этот пробел, отвечая на вопрос: как культурные ценности и коммуникативные традиции опосредуют репрезентацию глобальных бизнес-концептов в корпоративных медиатекстах?

Статья призвана решить следующие задачи: выстроить репрезентативный корпус текстов (ESG-отчеты и пресс-релизы за 2024–2025 гг.) глобальных (компании FTSE 100) и российских компаний из сопоставимых отраслей, а также выявить дискурсивные стратегии их презентации и интерпретировать обнаруженные различия с позиций лингвокультурологии и теории перевода.

Методы

Исследование выполнено в русле сопоставительной лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и дискурс-анализа. Теоретическую базу составляют теория концепта (концепт понимается как ментальная единица, несводимая к отдельной лексеме) (Хорст 2013: 108), принципы корпусной лингвистики и критического дискурс-анализа.

Эмпирический материал отобран по трем критериям: отраслевая сопоставимость, текстовая репрезентативность (ESG-отчеты/годовые отчеты и пресс-релизы ESG-тематики за 2024–2025 гг.) и верифицируемость источников. Российский сегмент включает тексты компании Группа «Эталон», зарубежный – WNS Holdings. Источниками выступили официальные сайты компаний, Центр раскрытия информации «Интерфакс» (www.e-disclosure.ru), база RAEX ESG-рэнкинга (esg-disclosure.ru).

Процедура анализа включает пять этапов. На первом формируется корпус текстов. На втором проводится частотный и коллокационный анализ лексем-репрезентантов концептов INNOVATION / ИННОВАЦИЯ и RESILIENCE / УСТОЙЧИВОСТЬ / РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ. На третьем этапе применяется контекстуальный анализ для выявления семантических нюансов и дискурсивных стратегий (проактивные/реактивные, ценностные/инструментальные, аспирационные/номинативные). Четвертый этап – сопоставительный анализ полученных данных по двум лингвокультурам.

Результаты

Ниже представлен полноценный сопоставительный анализ по следующей схеме (корпус текстов → частотность → коллокации → дискурсивные стратегии → лингвокультурная интерпретация).

Характеристика эмпирической базы исследования

Компания	Страна	Сектор	Источник	Корпус текстов
WNS Holdings	Глобальная (Индия/США, листинг NYSE)	Digital-led business transformation, аутсорсинг бизнес-процессов	Пятый ежегодный отчет об устойчивом развитии 2024–2025	Полнотекстовый ESG-отчет, включающий стратегические заявления CEO, нарративные разделы, KPI и целеполагание
Группа «Эталон»	Россия	Девелопмент, жилищное строительство	Годовой	Полнотекстовый годовой отчет с разделом «Прогресс в области устойчивого развития», финансовая и нефинансовая отчетность

Выбор пал на материалы данных компаний, поскольку обе публикуют актуальную отчетность за 2024–2025 гг., работают в сфере услуг/решений для бизнеса, а также имеют высокий уровень публичности: WNS – мировой лидер (платиновый рейтинг EcoVadis, топ-1%), Группа «Эталон» – публичная компания на Московской бирже, один из крупнейших федеральных девелоперов.

Обратимся к сопоставительному анализу репрезентации концепта INNOVATION в корпоративном дискурсе двух компаний. Материалом послужили ESG-отчет WNS Holdings (2024–2025) (WNS 2026, раздел «Code of Business Ethics and Conduct»; Murugesh, 2026; Murugesh, 2021; WNS, 2025) и годовой отчет Группы «Эталон» (2024) (ETALON GROUP PLC 2025: 3; ETALON GROUP PLC 2024: 155; ETALON GROUP PLC 2025, раздел «Забота об окружающей среде»). Анализ проводился по следующим параметрам: прямое употребление лексемы, коллокации, семантическое поле, дискурсивная стратегия и роль в нарративе. Результаты представлены в таблице 2.

Выявленные в таблице 2 различия в репрезентации концепта INNOVATION могут быть объяснены через категорию коннотации в том понимании, которое предлагают С.Г. Тер-Минасова и Л.Л. Нелюбин. Согласно Л.Л. Нелюбину, коннотации представляют собой «дополнительные ассоциации, вызываемые словом в сознании носителей данного языка», которые «могут обладать общим для носителей данного языка характером, не присущим другим языкам» (Нелюбин 2008: 230-235). Именно это мы наблюдаем при сопоставлении дискурсов WNS Holdings и Группы «Эталон».

В глобальном корпоративном дискурсе (WNS Holdings) лексема INNOVATION приобретает устойчивые позитивные ценностные коннотации: она связана с миссией, идентичностью, совместным творчеством и формированием будущего. Это соответствует тому, что С.Г. Тер-Минасова относит к «социокультурным коннотациям» – дополнительным смыслам, нарастающим на основное значение в конкретной культуре. В западной деловой культуре инновация давно концептуализирована как самостоятельная ценность и добродетель, что и отражается в дискурсивной стратегии «проактивной / ценностно-идентификационной» (Тер-Минасова 2000: 150-153).

Сопоставительный анализ репрезентации концепта “INNOVATION” / «ИННОВАЦИИ»

Параметр анализа	WNS Holdings (глобальный дискурс)	Группа «Эталон» (российский дискурс)
Прямое употребление лексемы	“Innovation” – вынесено в заголовок отчета: <i>“Integrity, Innovation and Impact: Shaping a Sustainable Future Together?”</i>	Лексема «инновации» в доступном фрагменте отсутствует
Коллокации	<i>innovative solutions, co-create, AI, digital-led, technology, future-ready skills</i>	<i>цифровой формат</i> (единственный маркер, имплицитно отсылающий к инновационным решениям)
Семантическое поле	Инновация – процесс и результат, инструмент трансформации, связан с совместным творчеством и искусственным интеллектом	Инновация представлена имплицитно, проявляется через конкретное технологическое решение (цифровизация отчетности)
Дискурсивная стратегия	Проактивная / ценностно-идентификационная: инновация – корпоративная добродетель, компонент миссии, двигатель устойчивого развития	Реактивная / инструментальная: инновация не концептуализирована как ценность, присутствует как средство повышения операционной эффективности
Роль в нарративе	Концепт-флагман, формирующий идентичность компании	Периферийный элемент, растворенный в технологическом контексте

В русскоязычном корпоративном дискурсе (на примере «Эталона») лексема ИННОВАЦИЯ не несет аналогичных коннотативных наслоений. Отсутствие прямого употребления и замена на конкретное технологическое решение («цифровой формат») свидетельствуют о том, что в данной лингвокультуре концепт еще не оброс устойчивыми ассоциативными связями с ценностной сферой. Здесь мы имеем дело с тем, что С.Г. Тер-Минасова относит к «объему значения сопоставляемых единиц»: за внешне эквивалентными лексемами *innovation* и инновация стоят разные объемы коннотативных значений (Тер-Минасова 2000: 192-193). В одном случае это ценностный флагман, в другом – периферийный инструментальный элемент, что и проявляется в различии дискурсивных стратегий (проактивная vs. реактивная).

Перейдем к сопоставительному анализу репрезентации концепта RESILIENCE, который представляет особый интерес в силу его терминологической неустойчивости в русском языке. Если концепт INNOVATION имеет устоявшийся эквивалент «инновация», то для RESILIENCE в русском корпоративном дискурсе наблюдаются различные стратегии передачи: от прямого заимствования («резильентность») до семантического поглощения смежным концептом УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ (устойчивое развитие). Материалом анализа выступают те же источники. Результаты представлены в таблице 3.

**Сопоставительный анализ репрезентации концепта
“RESILIENCE” / «УСТОЙЧИВОСТЬ / РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ»**

Параметр анализа	WNS Holdings (глобальный дискурс)	Группа «Эталон» (русский дискурс)
Прямое употребление лексем	<i>Resilient world</i> – прямая речь CEO: “... <i>help create a digitally-led responsible and resilient world</i> ”	Лексемы «резильентность», «жизнеспособность», «способность к восстановлению» отсутствуют
Коллокации	digitally-led, responsible, sustainable (в составе целевой конструкции)	–
Варианты перевода / рецепция	–	Концепт RESILIENCE не имеет отдельной номинации. Его смысловое поле интегрировано в концепт УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ, выступающий в русском корпоративном дискурсе в качестве доминантной единицы ESG-повестки
Семантическое поле	Resilience – глобальная характеристика желаемого будущего, связана с цифровизацией, ответственностью и устойчивостью	«Устойчивое развитие» – комплексный концепт, включающий экологические, социальные и управленческие аспекты. Resilience как отдельный смысл не выделен
Дискурсивная стратегия	Целеполагающая: resilience – состояние глобальной системы, к достижению которого компания причастна	Номинативная (отчетная): «устойчивое развитие» – один из разделов отчета, фиксация наличия деятельности
Степень адаптации концепта	Высокая: концепт полноценный, самостоятельный, частотный в стратегическом нарративе	Нулевая: переводческая рецепция не состоялась, термин не заимствован и не адаптирован

Итак, остановимся подробнее на данных таблицы. В соответствии с данными из ячейки «Прямое употребление лексем» (Группа «Эталон»), можно сделать вывод, что интересующие нас лексем «резильентность», «жизнеспособность», «способность к восстановлению» не зафиксированы. Отсутствует как прямое заимствование, так и устоявшийся переводческий эквивалент.

Что касается ячейки «Степень адаптации концепта» (Группа «Эталон»), то мы видим процесс нулевой лексикализации, поскольку концепт “RESILIENCE” не получает отдельного языкового выражения. Его содержание семантически ассимилировано концептом «УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ», который выполняет функцию гиперонима в русскоязычном ESG-дискурсе.

Подобный процесс семантической ассимиляции может иметь прямую связь с процессом глобализации корпоративных коммуникаций. В результате этого формируется своеобразный наднациональный ESG-дискурс, ключевые концепты которого – INNOVATION и RESILIENCE, активно циркулирующие в отчетах и пресс-релизах компаний по всему миру. Однако за внешней унификацией терминологии скрывается сложная проблема межъязыкового и межкультурного взаимодействия: будучи заимствованными из глобального

англоязычного дискурса, эти концепты подвергаются трансформации при входе в иную лингвокультурную среду. Возникает вопрос о том, насколько тождественны ИННОВАЦИЯ в российском корпоративном дискурсе и INNOVATION в глобальном, а также каково реальное смысловое наполнение концепта RESILIENCE, который в русском языке не имеет устоявшегося эквивалента и конкурирует с лексемами «устойчивость», «резильентность» и «жизнеспособность». Как отмечает Т.В. Борисенко: «Мотивационные признаки концепта определяются с помощью анализа этимологии лексемы-номена» (Борисенко 2025: 666). Следуя данному положению Т.В. Борисенко, обратимся к этимологии лексем-номенов. INNOVATION восходит к лат. *innovare* («обновлять», «изменять»), исходный признак – «введение нового внутрь существующего». Однако в российском корпоративном дискурсе (таблица 2) процессуальный аспект редуцируется до конкретного технологического результата («цифровой формат»), что указывает на сужение семантического поля. Лексема RESILIENCE восходит к латинскому глаголу *resilio, resilire* («отскакивать», «отпрыгивать», «возвращаться в исходное положение»). Исходный мотивационный признак – «способность восстанавливать форму после деформации, упругость». В английском корпоративном дискурсе этот признак актуализируется в коллокациях (*build resilience, resilient world*). В русском языке устоявшегося этимологически прозрачного эквивалента не сложилось: лексема «устойчивость» акцентирует статическую сопротивляемость, тогда как исходный признак резильентности предполагает динамическую возвратность. Это этимологическое расхождение объясняет выявленное в таблице 3 отсутствие отдельной лексической объективации концепта RESILIENCE в российском корпусе: русскоязычный дискурс ассимилирует его концептом УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ, чья внутренняя форма лучше коррелирует с локальной ценностной матрицей, предполагающей стабильность и непрерывность.

Данная проблема имеет два измерения. Первое измерение – лингвокогнитивное: концепт как ментальная единица шире любой отдельной лексемы, и отсутствие прямого терминологического соответствия не означает отсутствия концепта в принимающей культуре. Однако это ставит задачу выявления реальных способов вербализации – через какие коллокации, метафоры и дискурсивные стратегии смыслы, связанные с инновационностью и адаптивностью, выражаются в русскоязычных текстах. Второе измерение – переводческое и дискурсивное: анализ параллельных текстов (отчетов российских компаний и их англоязычных версий) потенциально может опосредовать выявление того, как глобальные концепты адаптируются при переводе – калькируются, заимствуются напрямую, описываются или полностью ассимилируются смежными понятиями (как в случае поглощения RESILIENCE концептом УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ).

Далее обобщим результаты сопоставительного анализа репрезентации концептов INNOVATION и RESILIENCE в корпоративном дискурсе двух лингвокультур. Проведенное исследование позволило выявить устойчивые различия по ряду параметров: статус концепта в корпоративном нарративе, способ номинации, тип дискурсивной стратегии, степень интеграции в глобальный ESG-дискурс. Если в зарубежном корпусе (на примере WNS Holdings) оба концепта получают прямую вербализацию и функционируют как ценностно-

идентификационные элементы стратегического позиционирования, то в российском дискурсе (на примере Группы «Эталон») наблюдается иная картина: INNOVATION репрезентируется имплицитно, а RESILIENCE полностью ассимилирован концептом УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ. Систематизация этих различий представлена в таблице 4.

Таблица 4

Итоговая типология лингвокультурных различий

Дискурсивный параметр	Глобальный корпоративный дискурс (WNS Holdings)	Российский корпоративный дискурс (Группа «Эталон»)
Статус концепта INNOVATION	Ценностный концепт-флагман, идентификационный маркер	Имплицитный, периферийный
Способ номинации INNOVATION	Прямая, высокая частотность, заголовочная позиция	Косвенная, низкая частотность, контекстуальная отсылка
Статус концепта RESILIENCE	Самостоятельный целевой концепт, маркер адаптивности	Лакуна. Отсутствует как отдельная единица
Способ номинации RESILIENCE	Прямая	Замещение концептом «устойчивое развитие» (sustainability)
Тип дискурсивной стратегии	Проактивная, ценностно-ориентированная, глобальная	Реактивная, отчетно-номинативная, локальная
Отношение к глобальному ESG-дискурсу	Интеграция	Адаптация через калькирование, выборочное заимствование

В англоязычном дискурсе (WNS) RESILIENCE – отдельный, самостоятельный концепт, отличный от SUSTAINABILITY. Он маркирует способность к восстановлению и адаптации в цифровом мире. В русскоязычном дискурсе (на примере компании «Эталон») концепт RESILIENCE отсутствует как отдельная лексема. Он полностью поглощен концептом УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ (sustainability), что подтверждает гипотезу о «семантическом слиянии» и необходимости исследования вариантов передачи (резильентность, жизнеспособность и т. д.). Как видим, в данном конкретном случае переводческая рецепция не состоялась – термин не был заимствован или адаптирован.

Выводы

Проведенное сопоставительное исследование позволило выявить устойчивые лингвокультурные различия в репрезентации концептов INNOVATION и RESILIENCE в корпоративном дискурсе России и зарубежных стран на материале ESG-отчетов. Однако следует признать, что жанровая дифференциация корпоративных медиатекстов осталась за рамками настоящей работы: анализ фокусировался преимущественно на развернутых стратегических нарративах отчетов об устойчивом развитии.

Между тем, как отмечалось в постановке проблемы, именно сопоставление жанров – ESG-отчетов и пресс-релизов, отражающих актуальные коммуникативные стратегии в режиме реального времени, открывает перспективу для изучения динамики использования концептов. Можно предположить, что в пресс-релизах, ориентированных на более широкую аудиторию и оперативное реагирование на повестку, степень адаптации глобальных концептов к локальной лингвокультуре может быть иной, по сравнению с объемными отчетами.

Дальнейшее исследование видится в расширении эмпирической базы за счет включения корпуса пресс-релизов российских и зарубежных компаний за 2024–2025 гг., что позволит построить модель, учитывающую не только лингвокультурную специфику, но и жанрово-динамические параметры функционирования концептов INNOVATION и RESILIENCE в корпоративном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

Борисенко Т.В. К вопросу о признаках концепта // Ученые записки НовГУ. 2025. №3 (58). С. 662-672. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-priznakah-kontsepta> (23.03.2026).

Демьянков В.З. Концептуализация как междисциплинарная проблема // Когнитивные науки: Проблемы и перспективы: Материалы российско-французского семинара. Москва, 21–22 сентября 2010 г. М.: ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», 2010. С. 150-157.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2008. 320 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000. 352 с.

Хорст М. Мюллер: Психолингвистика – нейролингвистика. Обработка языка в мозгу. Падерборн: UTB, 2013. 430 с.

Ali Basah M.Y., Marzuki A., Ramli N.A., Nor F., Ab Aziz M.R., Shahwan S., Sabri H. Conceptual Framework of Environmental, Social, and Governance (ESG) Research: Trends, Themes, and Emerging Perspectives // The Journal of Muamalat and Islamic Finance Research. Vol. 21. No. 2. Dec. 2024. Pp. 17-36. <https://doi.org/10.33102/jmifr.510>

ETALON GROUP PLC. Годовой отчет 2024. 124 с. URL: <https://clck.ru/3TdQjk> (дата обращения: 15.02.2026).

ETALON GROUP PLC. Политика в области ESG: утв. 14.12.2021, обновлена 03.02.2025. URL: <https://clck.ru/3TdQmS> (дата обращения: 15.02.2026).

ETALON GROUP PLC. Устойчивое развитие URL: <https://clck.ru/3TdQkr> (17.01.2026).

Murugesh K.R. Message from the CEO // WNS Sustainability Report FY 2020-21. 2021. С. 4-5. URL: <https://clck.ru/3TdQnS> (21.02.2026).

Murugesh K.R. Message from the Group CEO // WNS. URL: <https://clck.ru/3TdQmx> (17.02.2026).

WNS (Holdings) Limited. Integrity, Innovation and Impact: Shaping a Sustainable Future Together: Sustainability Report FY 2024-25. 2025. 146 с. URL: <https://clck.ru/3TdQoU> (21.01.2026).

WNS. Ethics, Integrity and Compliance. URL: <https://clck.ru/3TdQnx> (25.02.2026).

© Шерстнёва Е.С., 2026